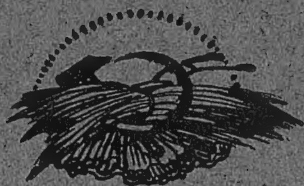
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КАК ЖИВЕТ И ЧЕМ БОЛЕЕТ ДЕРЕВНЯ

А. ОВАНЕСОВ

ПРИБОЙ

РОСТОВ-ДОН 1924 — МОСКВА

Обложка работы худ. А. Ованесова

Рисунки в тексте худ. А. Воронецкого

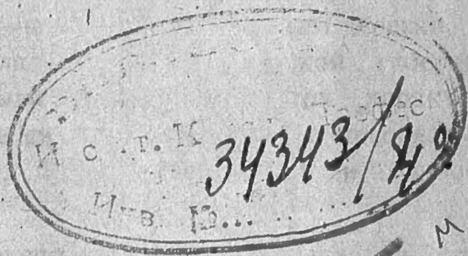
Доноблит № 2484 Тираж 5000 экз.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КАК ЖИВЕТ И ЧЕМ БОЛЕЕТ ДЕРЕВНЯ

(ПО МАТЕРИАЛАМ КОМИССИИ ПО ОБСЛЕДОВАНИЮ ДЕРЕВНИ НА ЮГО-ВОСТОКЕ)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Н. Л. ЯНЧЕВСКОГО

РОСТОВДОН ПРИБОЙ МОСКВА
1924

Доноблит № 2484. Ростов н-Д. Тираж 5000 экз.

1-я Гостип. ДПБ. им. „Коминтерна“. Зак. № 1188

От организационной комиссии по обследованию деревни

при Ю.-В. Бюро Ц. К. Р. К. П. (б).

Юго-Восточная деревня за годы гражданской войны и революции пережила ряд чрезвычайно сложных явлений в своей экономической и социальной жизни. Многоземельная, богатая, с наличием крупных зажиточных хозяйств с одной стороны, и большого количества бедняцких и батрацких слоев с другой, деревня испытала за последние годы ожесточенную борьбу революционных, бедняцких сил с силами кулацкой к.-революции, добившись значительного поравнения, перенесла в целом ряде крупных районов голод 21—22 года и быстро приспособилась к условиям новой экономической политики.

До сих пор партийные и советские органы были настолько перегружены своей текущей деятельностью, что не было более или менее значительной работы по изучению состояния современной деревни, обследование деревни комиссией Ц. К. весной прошлого года не коснулось совершенно Юго-Востока. В связи с этим постановлением Бюро Цека была создана организационная комиссия в составе т.т. Мышкина, Полякова и Понамарева с привлечением руководителей важнейших советских, хозяйственных учреждений края. Целью обследования явились, по указанию Бюро, выявление происходящего процесса расслоения деревни, социальных взаимоотношений между отдельными группировками крестьян, а также изучение влияния и итогов нашей политики в деревне.

Об'ектами обследования были намечены наиболее типичные деревни, станицы и аулы—в Донской, Кубанской областях, Ставропольской губернии и Горской республике, в каждой из них были выделены по три характерных пункта—по двум признакам: а) различные системы хозяйства с преобладанием зернового или скотоводческого характера, б) влияние города и близость к рынкам сбыта с.-хоз. продукции.

Для каждой области были созданы экспедиционные комиссии в составе представителей Края—хозяйственника и партийца и трех от местных парторганизаций (статистик, земельщик и партиец).

По Донской области: Кондратьев, Пиннес, Желдоков, Аблоков, Кирилов и представители от каждого округа по месту обследования.

Ставропольской губернии: Адигамов, Горшков, Подобедов, Гришко, Миронов и представители Райкомов по месту обследования.

Горской республики: Захаров и Беркович.

Кубанской области: Дмитриев и Аксюта.

В основу методов работы комиссий легли подворные обследования указанных выше типичных деревень с 20 по 23 год, а в некоторых за 17 год. Затем выборочная проверка подворных карточек и собирание фактических данных о состоянии крестьянского хозяйства в учреждениях и организациях деревни по определенной анкете с проверкой их на сходах и опросом отдельных крестьян. В результате месячной работы на местах, комиссии закончили работу, дав богатый материал о жизни юго-восточной деревни В виду важности использования полученных данных для предстоящей краевой конференции и краткости имеющегося времени для выпуска всего наличного материала, комиссия сочла целесообразным издать обработанные материалы на основе данных обследований отдельных комиссий, поручив обработку и сведение их в одно целое т. Янчевскому и Кондратьеву. Издаваемая брошюра, не исчерпывая целиком всего материала, дает, однако, представление об основных моментах деревенской действительности на Юго-Востоке.

Станица, село, аул.

Слобода Дьячкино.

Слобода Дьячкино, Тарасовской волости, Донецкого округа, Донской области, находится от волостного центра в 12-ти верстах, от Окружного центра в 30 верстах и от областного в 240 верстах. Ближайшая железнодорожная станция—Тарасовка. Ближайшие рынки—Тарасовка (продажа продуктов животноводства и зерна) и гор. Миллерово.

Слобода не имеет Сельсовета,—он находится в хуторе Каюково, в 8 верстах; в слободе есть член Сельсовета, под руководством которого проходят сходы и исполняются общественные повинности.

До революции б. помещичьи крестьяне составляли 80% всех дворов этой слободы. Крестьян—переселенцев из других губерний, купивших помещичьи земли и поселившихся здесь отдельно от общины было 3,2%, а 16,8% составляли безземельные переселенцы, частью арендовавшие земли, частью пробавлявшиеся случайными заработками. Помещичьи крестьяне на надельной земле жили обычной крестьянской общиной. При ликвидации крепостного права крестьяне получили по 4 десятины на ревизкую душу, но переделы довели к 1917 г. надел до 0,52 десятин на душу. Основой хозяйства являлись не надельные земли, а арендные фонды, к которым прибегали почти все наличные дворы. Земля арендовалась, главным образом, войсковая, помещичья и казачья (станицы Кашенской и Митякинской). В 1917 г. слобода имела земли: надельной 952 дес., купчей 918 дес. и арендуемый 1590 дес. а революция передала крестьянам всю землю, которой они пользовались на правах аренды у помещиков и казаков. Но у крестьян не хватило ни сил, ни средств для ее обработки. Земли было более, чем нужно, каждый мог сеять на свободных землях, где ему заблагорассудится, и правильного землепользования (есле не считать сенокосных переделов) не было до 1922 года. С 1922 года, с одной стороны, с возрождением хозяйства, а, с другой стороны, в связи с введением налогов, земельный вопрос становится все острее и в настоящий момент встал во весь рост. Землеустроительные работы уже начались, но закончатся лишь к осени 1924 г.

В настоящее время земельная площадь слободы более 5000 десятин, по всей вероятности, это количество и останется за ней, что в среднем даст на душу около 4 десятин. В связи с землеустроительными работами проявляется тенденция к хуторскому поселению.

Хутор Быстрянский.

Хутор Быстрянский, Орловской волости, Сальского округа, Донской области, расположен от волостного центра в 6 в., от окружного в 28 в. и от областного в 395 в. Рынки, к которым тяготеет хутор по продаже продуктов животноводства и полеводства—Орловка и село Егорлыцкое, Ставроп. губ.—продажа и покупка скота. Хутор образован в 1911 году из переселенцев-казаков северных станиц Донской области, главным образом, станицы Усть-Быстрянской, от имени которой он получил свое название. Земельный фонд хутор

получил из земель бывшего Войскового Земельного Совета, при чем земля была передана вопреки обычным казачьим порядкам непосредственно хутору, помимо станичного общества. Станичного передела, как такового, не было, и хутор представлял из себя самостоятельную общину, вполне независимую от станичного общества. Полученная ими земля была разделена между переселившимися казаками, и в общинном пользовании был оставлен только выгон, из которого каждый совершеннолетний казак получал пай. Общая площадь полученной хутором земли составляла 4.173 дес., из которых 4.087 дес. удобной и 86 дес. неудобной. Отведенную переселенцам—казакам землю ранее арендовали у Войскового Совета крестьяне, положение которых с переменой хозяев значительно ухудшилось вследствие уменьшения свободного арендного фонда и повышением арендной цены на землю. В то же время при переходе их в новых условиях от долгосрочной аренды целым обществом к годовой аренде отдельных хозяйств появилась неуверенность в своем положении, которое стало зависеть от добрососедских отношений с казаками. После переселения казаков на крестьян был распространен существовавший по отношению к иногородним налог—„посаженная плата", взимаемая с усадебной земли. Крестьянское хозяйство становилось мало доходным, поэтому с 1905 года началось частичное переселение крестьян в другие места. К настоящему времени крестьянские хозяйства по отношению к общему количеству домохозяев составляют 32,4%.

Высокая арендная плата, а также ряд притеснений по отношению к иногородним, обострили отношения между ними и казаками. После революции крестьяне влились в общину в качестве равноправных членов. Во время гражданской войны все поголовно крестьянство пошло в Красную Армию, а почти все казачество хутора пошло в белую армию.

До 1923 г. вопросы землепользования остро не стояли. Земли, при уменьшении площади посева, было более, чем достаточно на всех, считая и влившихся в общину после революции крестьян. В 1923 г. в хуторе проведены землеустроительные работы, при чем проведен на шесть лет передел по едокам. Размер надела на одного едока составляет 5,6% десятины. Общая площадь хуторских земель: удобной 4.862 дес., неудобной 82 дес., а всего 4.944 десятины.

После передела земли маломощные хозяйства, получившие наделы, землю не обрабатывают, в аренду не сдают. Некоторая часть, правда, сдана зажиточным крестьянам за вспашку последними посева, из-за отсутствия рабочего скота, но большее количество земли не используется. Тоже самое мы наблюдаем в других группах; обеспеченность землей несоразмерно наличию рабочего скота, благодаря чему значительная площадь остается неиспользованной. В 1923 г. в хуторе только два хозяйства имели посев в 25 десятин, имея более, чем по 100 десятин.

Вопрос землепользования не стоит остро, аренда, распространенная в больших размерах в дореволюционные годы, не только среди иногородцев, но и среди казачества, не практикуется. Хутор является типичным для данной местности.

Ст. Гиагинская.

Станица Гиагинская является одним из волостных центров Майкопского отдела Куб.-Чер. области, расположена она на низменной равнине, около мелководной речки Гиаги. Растянулась станица на протяжении 7-8 верст вдоль речки, занимая пространство в ширину 1,1/8 версты. Железнодорожная станция находится в 3-х верстах от станицы. На расстоянии 50 верст от железной дороги, в 6-ти часах езды находится отдельский центр—город Майкоп. Все крестьяне предпочитают ездить в город на лошадях по грунтовой дороге (расстояние

в 30 верст). Будучи административным центром, станица является также для окружающих хуторов культурным и торговым пунктом. В станице есть почта, телеграф, телефон, соединяющий ее с Майкопом и Краснодаром, агроучасток, ветеринарный участок, больница, районный инспектор трудовых школ, несколько ссыпных пунктов, а также различные торговые и промышленные предприятия. В станице бывают ежедневно местные базары, а кроме того, по воскресным дням базары „волостного масштаба". Вся местность юрта ст. Гиагинской представляет открытую равнину предгорной полосы Кавказского хребта с глубокой черноземной почвой. Главное занятие населения—полеводство. Особенно хорошо здесь родятся озимые хлеба: при хорошей обработке урожай доходит до 200 и выше пудов с десятины. Но частые дожди губительно отражаются на растениях. Травосеяние развито очень слабо, население пользуется, главным образом, естественными сенокосами.

Площадь землепользования, по сравнению с дореволюционным периодом, по станичному юрту увеличилась на 5.000 десятин, за счет земель прежних генералов-помещиков: имения Касаткина—2.500 десятин, имения Назарова—1.500 десятин, Игнатьева—470 десятин и других. До революции надел земли имело только казачье население станицы: по $4^1/_2$ дес. на взрослого члена семьи, иногороднее же население землю арендовало у помещиков и казаков. Система землепользования была беспорядочная, представляя хищническое пестрополье. После ликвидации белогвардейщины в 1920 году, земля из общественного фонда раздавалась желающим для обработки без всякой системы, каждый брал столько, сколько мог обработать. Так как земля из общественного фонда передавалась в пользование только на один год, у населения не было уверенности в завтрашнем дне, да и юридического акта закрепления не было. В связи с этим и казачье население, бывшее до сего времени единственным владельцем земли, надеялось на изменение, а иногороднее опасалось за незыблемость землепользования. Так продолжалось до осени 1923 г., когда по настоянию, главным образом, бедняцких и середняцких слоев населения был приглашен землемер и на заседании местного Совета было решено провести землеустройство, как в самой станице, так и в волости. К моменту обследования землеустройство в станице было закончено. Значительными результатами землеустройства является то, что земля юридически закреплена за крестьянином и, кроме того, уничтожено деление на казаков и иногородних.

Все население, за исключением торговцев и духовенства, получило надел в $1^1/_2$ десятины на душу. Станице, состоявшей из 3292 хозяйств, была предоставлена возможность разделиться на меньшие общества,—в момент обследования (12—17 марта 1924 г.) уже имелось 14 отрубов с 185 хозяйствами В общем больше 10% хозяйств перешли на улучшенную форму землепользования, приблизив к себе землю в 8—9 раз и уничтожив тем самым через полосицу и вклинивание. Право выселения на хутора было предоставлено каждому крестьянину. В самой станице введен более или менее правильный севооборот.

В 1923 году население станицы составляют бывшие казаки и на 50 проц иногородние крестьяне, выходцы из Ставропольской, Воронежской и других губерний. В 1917 году процент казачьего населения был несколько выше, выражаясь приблизительно в 60—65 проц. общего количества населения станицы. По сравнению с 1917 г. численность населения уменьшилась в 1923 г. на 2,1%. Война и революция нанесли огромный удар крестьянскому хозяйству, значительно уменьшив мужскую рабочую силу, которая в 1923 г., по сравнению с 1917 г. составляла лишь 91,0% Однако, следует заметить, что уменьшение мужской рабочей силы компенсировалось женской, которая по сравнению с 1917 г. поднялась до 112,6% Об'ясняется это явление отчасти ростом под-

растающего поколения с одной стороны, а, с другой стороны, большим наплывом беженцев из голодных районов, главным образом, стариков и женщин с детьми.

Ст. Ильинская.

Станица Ильинская расположена в северо-восточном углу Кубанской области в равнинной местности, являющейся естественным продолжением Приазовской равнины Донской области. Почвы—приазовские карбонатные черноземы мощностью менее 1 метра. Экономическое положение станицы благоприятное: она находится в 36 верстах от станицы Малороссийской, в 36 верстах от станицы Кавказской, в 24 верстах от ст. Еи. Станица расположена в центре железнодорожного кольца, образуемого ж.-д. линией Ростов—Баку Краснодар—Царицын, Кавкасская—Ставрополь, примерно на одинаковом расстоянии от этих линий. Станица Ильинская была типичной представительницей селений северной равнинной части Кубанской области, характерезующихся зерновым направлением хозяйства, с вышесредней земельной обеспеченностью, общинным землевладением и землепользованием и связанным с этим последним пестропольем и чрезполосицей.

До революции в ст. Ильинской число хозяйств равнялось 2.616, из них казачьих 1.511—65 проц., крестьянских 805—35 проц. Основной массой являлись хозяйства казачьи: крестьянские хозяйства находились, как в самой станице, так и на хуторах, на юртовых землях. Из этих посторонних хозяйств 345 не имели ни посева, ни усадьбы, 252 имели только усадьбу, 88 имели только посев и 180 имели усадьбу и посев.

По размерам посевной площади хозяйства распределялись следующим образом: без посева—35,0 проц., с посевом до 5 дес.—6,8 проц.. 5—10 дес.—18,5 проц., 10—20 дес.—18,1 проц., 20—30 дес. — 15,0 проц., 30—50 дес. — 5,1 проц., более 50 дес.—1,5 проц.

Среди казачьего населения беспосевных дворов было лишь 14 проц., среди иногороднего—80 проц. Беспосевные хозяйства в значительном количестве занимались промыслами, 57 проц. всего их количества составляли сельско-хозяйственные рабочие. К найму сельско-хозяйственных рабочих прибегало 55 проц. всех сеющих хозяйств. Наем рабочих чаще всего практиковался во время уборки, перевозки и обмолота урожая. На поденный наем падает до 72 проц. всех случаев найма сельско-хозяйственных рабочих, на срочные наемы—15 проц. и на годовой наем—9 проц. К последним видам найма прибегали, главным образом, крупные посевные хозяйства.

Площадь землепользования в 1917 г. составляла 30.657 дес., из них под пашней 29.073 дес. Это явление характерно для степной земледельческой станицы, направляющей всю свою хозяйственную деятельность на культуры зерновых хлебов: в погоне за максимальными посевами земледелец принес в жертву пашне остальные угодья—сенокос и пастбища.

На одно наличное хозяйство в ст. Ильинской приходилось 13,2 десятины. В прошлое время уборка хлебов производилась почти исключительно машинами, что касается сенокоса, то машинами скашивалось примерно 50 проц. сенокосной площади.

Машина быстро завоевывала станицу. Так, в последние годы перед войной по старине руками сеяло не более 20 проц.

При чистом трехполье севооборот был принудительный. Толока давала плохой корм и зачастую была удалена за 15—16 верст. Скот терял молочность, уставал в жару и должен был подкармливаться дома. Кормовые сеялись в огородах. Урожай падал вследствие истощения земли. Сторожилы помнят урожаи в 150—120 пудов, причем урожай в 90 пудов считался средним. В пос-

ледние годы до войны средний урожай упал до 45—50 пудов. Трехполье теперь изживает себя, но попытки изменить систему срывались, встречали противодействие.

После ликвидации белогвардейщины (1920 г.) делилась только ближайшая часть земли (выдавали под посев озимой по одной десятине), остальные посевы совершались по выбору хозяина, где угодно. В землепользовании до сих пор царит путаница и чрезполосица. Эта путаница усугубляется тем, что рядом с пахотной землей имеется и пустующая земля. Из 52.000 десятин юрта станицы Ильинской в 1922 г. засевалось 5.000 десятин, а в 1923 г. 7.000 десятин. По всей же волости из 79.000 десятин засевалось лишь 11.300 десятин. Количество скота по сравнению, с довоенным временем значительно сократилось, из 3.000 хозяйств платящих сельско-хозяйственный налог, 1.113 безхудобные. Голод 1921 г. совершенно разорил хозяйства и унес до 25 проц. всего населения. Скота хорошего не сохранилось: он или погиб или продан во время голода. Точно также во время голода продан или обменен на хлеб лучший инвентарь. Сейчас поднимаются и крепнут лишь самые мощные хозяйства, имеющие скот и инвентарь. Фактически эти хозяйства пользуются выгодами, вытекающими из наличия лишней земли. В настоящее время станица Ильинская—бедное селение, малопосевное, состоящее на 80 проц. из маломощных хозяйств, не имеющими скота, с огромным избытком рабочих рук. В таком положении находится ряд станиц к северу и югу от станицы Ильинской, входящих в обширный район, пострадавший от голода.

Село Старо-Марьевка.

Село Старо-Марьевка, Ставропольского района и губернии, расположено в 22-х верстах от гор. Ставрополя и насчитывает в настоящее время 998 хозяйств и 6.099 душ населения обоего пола.

В дореволюционное время и в первые годы революции основным занятием жителей было земледелие и отчасти скотоводство. В последние же годы село потеряло скотоводческий характер. Это можно иллюстрировать следующими данными: в 1917 году на душу населения приходилось 26,62 голов всех видов скота, а в 1923 г. это количество снизилось до 6,75, т. е. произошло сокращение на 77,6% в то время, как посевная площадь сократилась с 8.472 дес. в 1917 г. до 5.437 дес. в 1923 г., т. е. лишь на 36 проц. Дальнейшему росту посевной площади мешает недостаток живого инвентаря, который сократился за те же годы в отношении лошадей с 1,75 на одно хозяйство до 0,52, в отношении рабочих волов 1,64 до 0,75. В селе есть 2 вальцовых и 6 водяных мельниц и 1 просорушка. Село расположено в безводной местности, от чего сильно страдает и население и скот. Для проводки воды в селе делались изыскания, которые определили потребную сумму приблизительно в 100.000 руб. Эту сумму нужно было уплатить самому населению, правда, с большой рассрочкой. Но здесь столкнулись интересы бедняков с зажиточными. Последние воспротивились, и дело заглохло. Зажиточные чувствуют, что, во-первых, платить больше придется им, во-вторых—у них всегда есть возможность провести воду за 8—10 верст из колодца, в третьих, за доставку воды из колодца бедняк обычно платит ему личным трудом. Один из примеров—за доставку одной бочки воды два дня отработки в летнюю пору. Естественно, что беднота предпочитает не пить „дорогой воды" и собирает ее во время дождя с крыш в особые чаны.

Общего землеустройства не было. У бедноты есть стремление выделиться из общины и получить землю группой в одном месте, ближе к селу. Причина кроется в том, что земля одного хозяина подчас бывает разбросана в разных местах за 10—15 верст от села, а это безлошадному не под силу, так как только за провоз хлеба с поля ему приходится платить от 1-го до 2-х пудов

с копны. Во время пребывания комиссии в селе происходило собрание бедноты по этому вопросу. Среди них было много красноармейцев. Единодушие царило полное. Только пробравшиеся на собрание зажиточные хозяева язвили по поводу бесплодных мечтаний голытьбы. До сего время землеустроились только 4 группы, из которых 2 вышли на хутора. Нарекание встречает самая большая группа выделившихся, так называемая группа Маслова в 510 душ. Причиной этому служит то обстоятельство, что эта группа, зажиточная по своему составу, ввиду платности землеустроительности работ, сумела раньше других захватить наиболее удобный и лучший участок вблизи села с лугом и 7-ю десятинами леса. Однако, надо сказать, что она сумела произвести кое-какие улучшения, например: исправлены пруды и колодец, частично орошен луг и т. п. Государственного земельного имущества в районе села нет. Земли вполне достаточно, арендные отношения совершенно не развиты. Так, если в 1917 г., арендовали землю 167 хозяйств, а сдавали 198, то 1920 году число арендующих хозяйств понизилось до 7, в 1922 г. до 1-ой и в 1923 г. поднялось до 3-х, но ими арендовано лишь 2,33 дес.

Село Винодельное.

Село Винодельное того же района, Ставропольской губернии, расположено на конечной станции жел. дорожной ветки, соединяющей его с городом Ставрополем и имеет 1422 хозяйства. До районирования оно отличалось от других тем, что имело торговые предприятия и заготовительные организации. С районированием же губерний в селе помещаются Райисполком, так что теперь оно является административным и культурным центром. В нем, находятся, кроме Райисполкома, Сельсовета и ячейки РКП: районное управление милиции, народный суд, районный народный следователь, почта, телеграф, агроучасток, ветеринарный участок, больница, детский дом, довольно развитая сеть школ и т. п. Из промышленных предприятий в селе есть 2 вальцовые мукомольные мельницы и при одном из них маслобойный завод. Обе мельницы сданы в аренду—одна бывшему владельцу, другая—артели рабочих и служащих. Кроме того имеются 2 тепловые мельницы простого помола с одним зерновым поставом каждая и 10 ветрянок. Рабочих на одной вальцевой мельнице с маслобойным заводом—17 чел., на другой—7 чел., на тепловых по одному машинисту. Семь ветряных мельниц эксплоатируются самими владельцами, без найма рабочих,—три—артелью инвалидов. Имеется только один кирпичный завод, принадлежащий Сельсовету и сданный им в аренду частному лицу. За время революции посевная площадь сократилась больше, чем вдвое, в 1917 г. она равнялась 19,279 дес., в 1923 г.—9.021 дес.

Сокращение рабочих лошадей произошло с 2,3 голов на одно хозяйство в 1916 г. до 0,5 голов в 1923 г. Нагрузка на одну единицу рабочего скота увеличалась за этот же период с 6.44 до 8,1 дес. посева. Таким образом дальнейшее увеличение посевной площади упирается в недостаток рабочего скота. До войны и революции крестьяне совсем не оставляли земли под пар и толоку, а из года в год засевали на одних и тех же землях, в итоге крайнее и отощение почвы и плохие урожаи.

В настоящее время в области землепользования картина изменилась к лучшему. В районе села имеются государственные земли, но они не используются, так как общество имеет достаточное количество своей земли. Интерес к землеустройству проявляют больше середняки, как наиболее заинтересованные в дальнейшем улучшении своего хозяйства. Бедняки же и маломощные не могут выйти из общества, так как у них нет инвентаря, препятствует землеустройству и высокая плата за землеустроительные работы. Беднота ждет, что плата будет понижена, если не упразднена совсем. До сего времени земле-

устроились три группы, из которых две—на земле общества, а третья частью на земле общества, частью на государственной земле. Выделившимися группами занята часть выгона и допущено вклиниванье, что вызывает справедливое недовольство общества, хотя во время выделения протестов не было. Это об'ясняется тем, что крестьяне ближе осведомлены о сущности производимых землеустроительных работ.

Село Киевское.

Село Киевское, Виноделенского района, Ставропольской губернии, характерно, как отдаленное от культурных центров и железных дорог (до ближайшей ветки, соединяющей село Винодельное с г. Ставрополем, 40 верст) и водных сообщений. Оно расположено на глинисто-солонцеватой равнине. Благодаря этому наиболее удачные урожаи бывают в годы, обильные влагой. Восточные сухие ветры подчас захватывают зерно во время налива, отчего оно становится щуплым и непригодным для посева. Привозное же зерно плохо прививается и дает низкий урожай. Особенно тяжело на положение сельского хозяйства отразился голодный 1921 год. Основной отраслью сельского хозяйства является хлебопащество. Скотоводчество, игравшее раньше довольно видную роль, в последние годы, по причине сокращения скота с 16.952 голов в 1917 г. до 6.944 гол. в 1923 г., т. е. на 60% утратило свое значение.

Промышленных предприятий, если не считать одной вальцовой и 6 ветряных мельниц, в селе совсем нет. Вальцовка, сданная Сельсоветом в аренду прежнему владельцу гр. Юнда, сильно изношена и в настоящий момент ремонтируется. Из ветряных только три имеют по одному наемному рабочему, остальные обслуживаются самими владельцами. Из посторонних заработков населения необходимо указать на добычу соли, из близ лежащего соляного озера Яшалты. Это дает определенное подспорье крестьянству. Во время сухой и жаркой погоды, когда соль кристаллизуется сама и ее просто выгребают на следующих условиях: $^2/_3$ государству и $^1/_3$ добывшему. Соль сбывают в Кубанскую область в обмен на хлеб. Но работа это очень кратковременна и настолько тяжела, что люди падают в обморок, а ноги покрываются язвами. Находясь несколько часов подряд в соленной воде, под солнцепеком, можно добыть лишь один короб соли. Крестьяне считают, что при настоящих тяжелых экономических условиях кое-какую роль играет также возможность сбывать за пол-цены дохлую скотину для пищи калмыкам, если удается доказать милиционеру, что это покупается „для производства мыла".

Как было сказано, земля общества представляет из себя неплодородную солончаковую почву, чем ближе к селу, тем она хуже. Это своеобразие условий порождает своеобразие земельных взаимоотношений различных групп обществ, стремления захватить землю ближе к селу, как это наблюдается в иных селах, здесь нет. Земля общества мало интересует крестьян, которые издавна вынуждены были арендовать землю у соседей-калмыков. И если в настоящий момент проявлен интерес к землеустройству, то не на своей земле, а на 18.000 десятинах калмыцкой, которая является спорной. В 1922 году границы этой земли были остолблены и она была присоединена к земле села Киевского, но теперь судьба ее разбирается высшей земельной инстанцией. У крестьян создалось определенное отрицательное отношение, как к самому землеустройству, так и к землемерам. Кроме того, плата за землеустройство в 50 коп. с десятины по плечу лишь более зажиточным, а постановление губернского С'езда Советов о бесплатном землеустройстве бедноты повисло в воздухе, в виду дефицитности бюджета. Стремление к выделению из общества имеется у зажиточной части населения, которая переселяется на лучшие земли Сальского округа, Донской Области.

Безлошадные, конечно, остаются на тех же неплодородных землях. В настоящий момент землепользование крайне нерационально—наделяют землей в нескольких местах, иногда по 5 саж. Есть случаи пользования землей при 10-ти душах в 4-х разных местах. Государственное земельное имущество годно лишь на выпас и в настоящее время пустует. Аренда земли одной группы у другой не практикуется. Часть малопригодной земли пустует, другая, более пригодная, эксплоатируется самым хищническим способом и дает все меньшие урожаи. Севооборота нет, травосеяние не привилось. О наличии каких-бы то ни было агрикультурных мероприятий под руководством агронома не приходится говорить, так как уже несколько лет население его у себя не видит.

Горская деревня.

Всего обследовано было 5 селений, а именно: во Владикавказском округе сел. Ардон (плоскостное) и село Цей (горное); в Назрановском—сел. Кантышево (плоскостное) и селение Могучкал (горное, вернее предгорное) и в Сунженском округе станицу Слепцовскую. Помимо этого обследованы были Районный (волостной) Исполком селения Алагир и Партком.

Селение Ардон, расположено в 35-х верстах от Владикавказа, плоскостное, 962 двора, около 6.000 жителей, населяют осетины, но есть около 220 чел. русских, занимаются земледелием. Есть Исполком, ячейка, суд и ряд других советских, торговых и кооперативных органов, Селение Цей, в 103 верстах от Владикавказа, горное, 130 дворов, около 500 чел. населения, осетины. Часть жителей в ближайшее время переселяется на плоскости, занимаются почти все сельским хозяйством, посева имеется по 1/4 десятины на душу в горах и постолько же на плоскости, Ни Исполкома, ни других учреждений нет, обслуживается Исполкомом, расположенным в 16 верстах.

Селение Кантышево расположено от Владикавказа в 26-ти верстах, от станции Беслан в 8-ми верстах, плоскостное, 723 двора, около 4.000 жителей, населяют ингуши, — земледельцы. Имеется Исполком, ячейка и ряд других государственных и кооперативных учреждений. Селение Могучкал, расположено в 24-х верстах от Владикавказа, предгорное, 10 дворов, населяют ингуши,—земледельцы, при чем посев у них имеется только на горах, составляя около 1/2 десятины на двор. Учреждений никаких нет, Исполком в 10-ти верстах. Станица Слепцовская расположена от Владикавказа в 48 верстах, от жел. дор. станций в 2-х верстах, население—около 8.000 человек, населяют русские (казаки), занимаются земледелием, здесь же находится окружной Исполком.

До революции главная масса земли нынешней Горреспублики находилась в распоряжении казачества, населенного царским правительством для укрепления своего положения на Кавказе, горцы же были загнаны в горы и имели ничтожные наделы, вследствие чего последние вынуждены были вести кочевой образ жизни или заарендовать земли у казаков, что, главным образом, имело место в Назрановском округе; помимо этого в прошлом наделы земли у ингушей и осетин были неравномерны. С установлением советской власти в Горской республике произведено увеличение надела для горского населения за счет бывшего казачества, у которого произведена была отрезка земли; часть казачества в годы революции из некоторых районов (ст. Сунженская, ст. Тарская, ст. Воронцово-Дашковская) была совершенно выселена из своих станиц за Терек и Моздок, а земли их переданы были горцам. Таким образом, с установлением

Советской власти, положение горцев, в смысле увеличения надела земли, значительно улучшилось. Однако, неравномерность распределения земли между ингушами и осетинами сохранилась до сих пор.

Для характеристики приведем цифровые данные:

Наименование округа	Приходится посева в 1916 году		Приходится посева в 1923 году	
	На одну душу	На одно хозяйство	На одну душу	На 1 хоз. в дес., считая разм. семьи и прим. 5 д.
Владикавказский округ	0,26	1,7	0,46	2,3
Назрановский округ	0,45	2,3	0,80	3,
Сунженский округ	0,94	5,	0,74	3,7
Среднее по ГССР	0,5	2.9	0,6	—

Таким образом, после революции обеспеченность посевов по Сунженскому округу значительно уменьшилась за счет увеличения в остальных округах, хотя округ все же продолжает оставаться более обеспеченным, чем остальные районы. Далее по округам различна типичность среднего размера хозяйства, так для Сунженского округа середняцким хозяйством будет считаться хозяйство, наделенное, примерно, четырьмя десятинами земли, а для остальных округов середняцкое хозяйство характеризуется меньшим посевом.

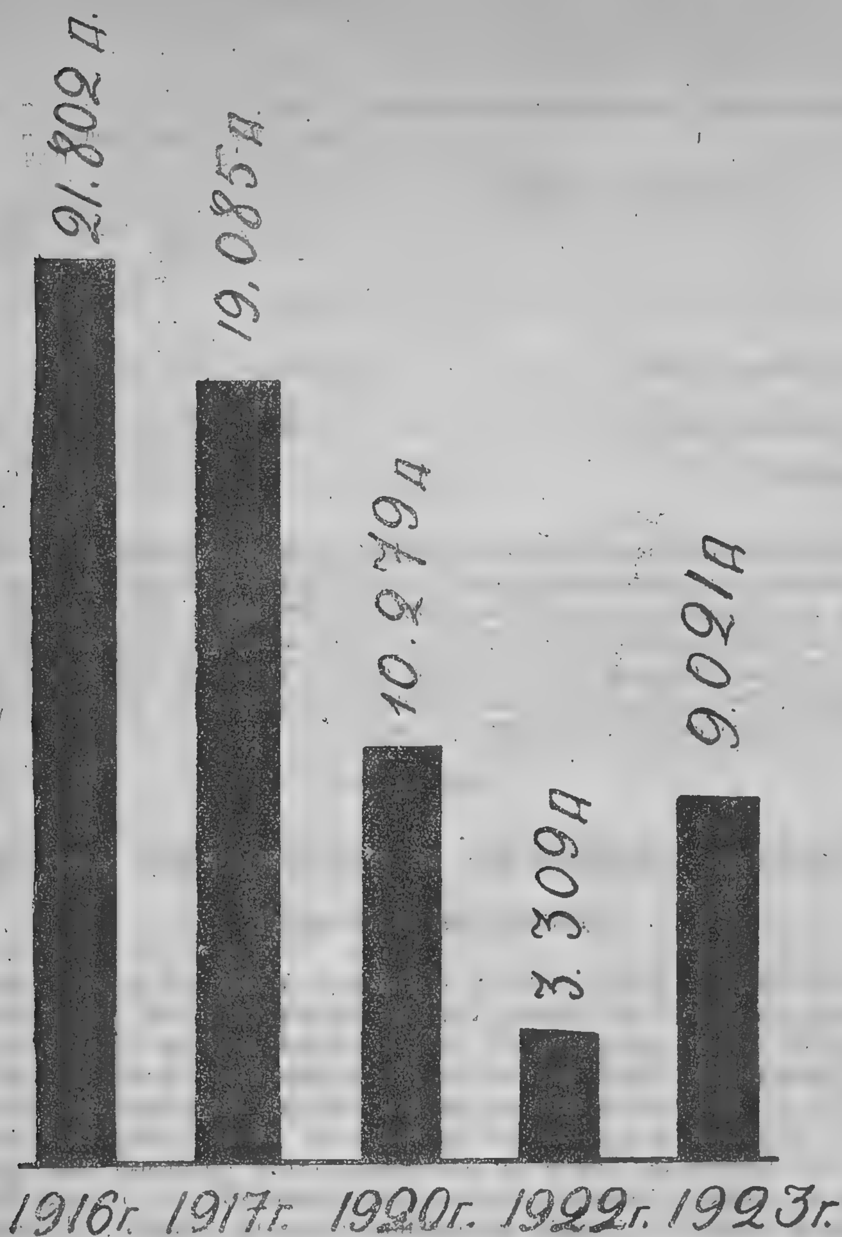
Сельское хозяйство и расслоение деревни.

Посевная площадь.

С величайшим трудом хлебороб поднимает землю. Он далеко еще не овладел теми земельными богатствами, которые находятся в его распоряжении, об этом говорят данные обследования. Так, крестьяне слободы Дьячкино, Донской области, захватившие после революции у помещиков все земли, не в состоянии ее обработать. Огромные земельные запасы станицы Ильинской на Кубани лежат втуне. В обследованном хуторе Быстрянском, Донской области, точно также значительное количество земли не использовывается. Голодный 1921 год тяжело ударил по сельскому хозяйству юго-восточного края. Но в 1913 году наметился определенный перелом в сторону увеличения посевной площади. Приводим данные относительно села Винодельного, Ставропольской губернии.

Год	Посевная площадь
1916	21.802 десятины
1917	19.085 „
1920	10.279 „
1922	3.309 „
1923	9.021 „

Посевная площадь с. Винодельного, Ставропольской губ.

Представление об изменении посевной площади по годам в хут. Быстрянском дает следующая таблица:

	Годы					
	1914	1917	1920	1921	1922	1923
Посевная площадь в десят. .	2230,1	2104,0	906,5	768,5	345,3	1097,3
В %% считая за 100 1914 г.	100	90,3	38,9	32,9	14,8	47,0

Увеличение посевов протекает различным темпом, но в общем и целом сдвиг на лицо. Это подтверждается данными по всему юго-восточному краю (без Дагестана), посевная площадь которого, сократившись в 1922 году по сравнению с 1920 г. почти на 30%, в 1923 году снова почти достигла размеров посевной площади 1920 г.

Изменение в соотношении культур.

Наряду с расширением посевной площади, мы наблюдаем изменение в соотношении посевных культур. Примером может служить хут. Быстрянский Донской обл. Этот частный пример, как в зеркале, отражает изживание тех нездоровых явлений, которые были обусловлены, с одной стороны войной, с другой,—голодом. Прекращение экспорта и посев самых разнообразных семян, полученных крестьянством на обсеменение, в значительной мере извратили характер полеводства Юго-Востока, как поставщика ценных экспортных хлебов—пшеницы и ячменя. В 1923 году мы наблюдаем изменение в соотношении культур, в смысле приближения к товарному довоенному типу хозяйства. В слободе Дьячкино, это изменение представляется в следующем виде:

Годы	Приходится посева в %							
	Рожь	Пшеница	Ячмень	Просо	Подсолнух	Кукуруза	Бахча	Прочие
1917	9,72	56,04	20,31	1,85	4,68	—	3,76	3,64
1922	26,15	17,5	10,68	15,74	14,48	12,11	2,31	1,03
1923	20,7	40,7	17,2	4,3	9,7	1,9	3,6	1,9

Эта таблица ярко рисует те изменения в соотношении культур, которые произошли в период 1917-23 г.г. В 1917 г. экспортные культуры—пшеница и ячмень—являются преобладающими: под посевом первой находится 56,04%, под посевом второй 20,01% посевной площади, в то время как продовольственная культура—рожь занимает лишь 9,72%, просо 1,85%, а кукуруза совершенно не сеется. В 1922 г. экспортные культуры утрачивают свое преобладающее значение; первое место занимают продовольственные культуры: рожь—26,15%, площадь посева проса возростает до 15,74%, наконец, появляется кукуруза, занимающая 12,11% посевной площади. В 1923 году мы уже видим приближение к соотношению культур 1917 г. По сравнению с 1922 г., посев продовольственных культур—ржи, проса и кукурузы падает; посев ржи сокрашается до 20,7%, проса до 4,3%, а кукуруза почти совершенно сходит на нет—вместо 12,11% засевается лишь 1,9%. В то же время возрастает значение экспортных культур: по сравнению с 1922 г. под посев пшеницы отводится вместо 17,5%—40,7%, а площадь посева ячменя возрастает с 10,68% до 17,2%.

В 1923 году первое место занимает пшеница, это говорит о том, что крестьянское хозяйство утрачивает свой потребительский характер.

Приближение соотношения посевных культур к посевам 1917 года мы наблюдаем и по всему краю, о чем дают представление следующие цифры:

Годы	Озим. рожь	Озим. пшен.	Яров. пшен.	Ячмень	Просо	Кукур.	Подсолнух	Картофель
1917	5,1	27,6	21,2	22,4	3,7	4,5	6,9	0,4
1923	8,6	30,9	14,7	14,9	4,0	9,7	8,1	0,7

Группировка хозяйств по посевной площади *).

Юго-восточная деревня в 1923 году вступила в новую фазу своего развития, которая характеризуется расслоением деревни,—с одной стороны, усилением группы крупных посевщиков, появлением кулацкого зародыша, с другой стороны,—увеличением на другом полюсе группы маломощного крестьянства, постепенно переходящего в с.-х. пролетариат.

Для юго-восточной деревни, об этом процессе дает яркое представление группировка крестьянских хозяйств по посеву. Приводимые ниже данные обследования села Старомарьевского, Ставропольской губернии, свидетельствуют о тех изменениях, которые происходили в крестьянском хозяйстве за годы революции и НЭПа. Обследователями взяты следующие группы: 1—беспосевные, 2—с посевом от 0 до 2-х десятин, 3—от 2-х до 4-х десятин, 4—от 4-х до 10-ти десятин, 5—от 10-ти до 16 десятин и 6 свыше 16 десятин. В условиях Ставропольской действительности 2-я и 3-я группы являются маломощными, 4-я и 5-я—середняцкими и 6-я—зажиточной. Настоящая таблица рисует изменение этих группировок с 1917 г. по 1923 г. в % соотношении.

Группировка хозяйств по посевной площади в %.

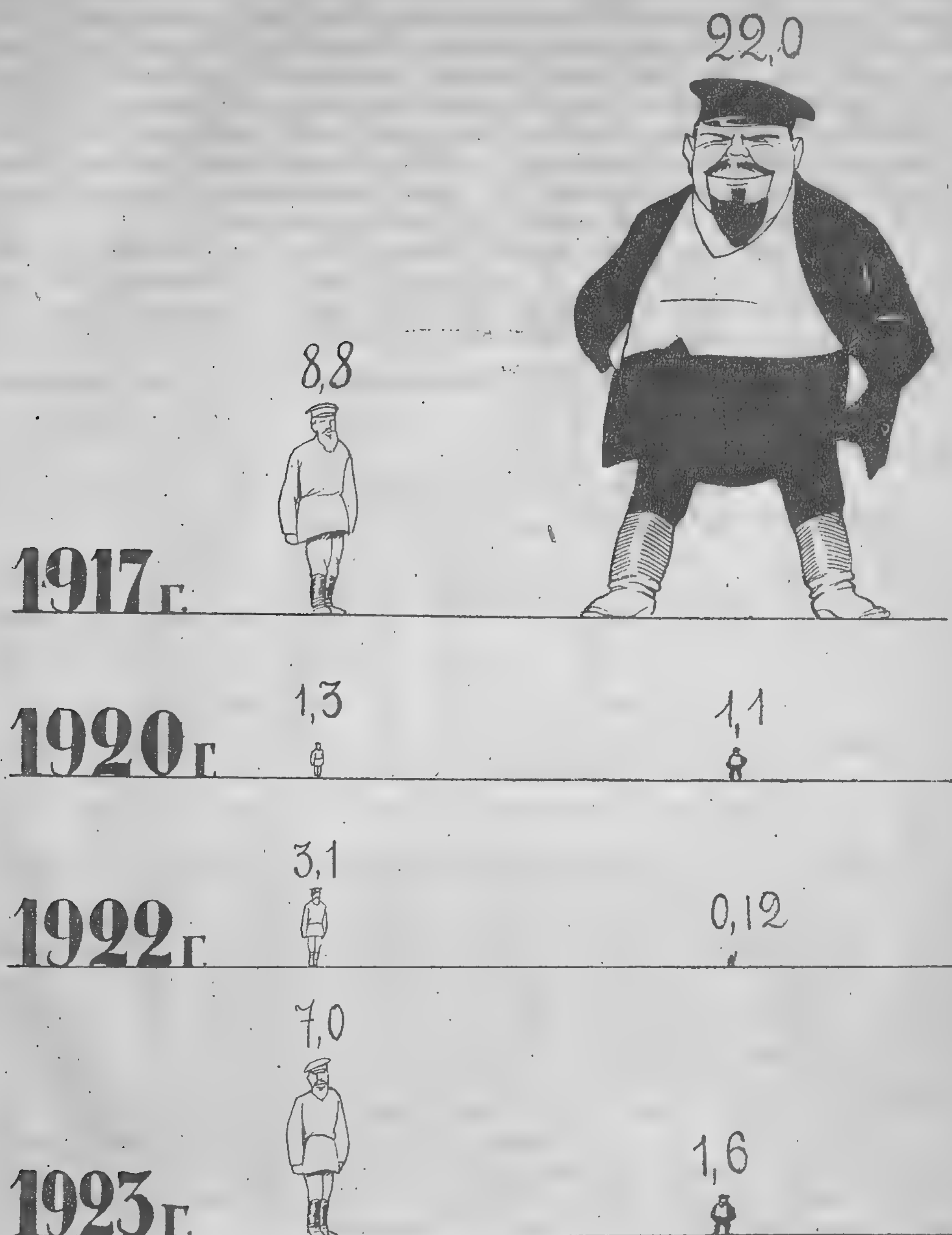
Годы	Бесп. I	0-2 д. II	2-4 д. III	4-10 д. IV	10-16 д. V	свыше 16д VI
1917	8,8	3,8	3,8(?)	28,0	24,6	22,0
1920	1,3	7,0	27,0	55,0	8,5	1,1
1922	3,1	20,4	37,3	38,1	1,1	0,12
1923	7,0	13,1	22,7	44,3	11,3	1,6

*) Существенной чертой сельского хозяйства Юго-Востока в дореволюционное время являлось преобладающее значение крестьянских хозяйств. Так, по переписи 1916 г. крестьянских посевов и казачьих хозяйств в Донской области насчитано было 4.127,6 тысяч десятин, тогда как частновладельческих посевов было 297,3 тысяч десятин. В Предкавказьи, без Ставропольской губернии, крестьянских и казачьих посевов было 3.301,9 тысяч десятин, а частновладельческих 176,3 тысяч десятин.

Занимая преобладающее место в сельском хозяйстве Юго-Востока, казачьи и крестьянские хозяйства были здесь по своим размерам значительно выше крестьянских хозяйств Европейской России. В то время, как в среднем на одно хозяйство в Европейской России приходилось, по переписи 1916 г. 4,00 десятины,—по Донской области на одно хозяйство в среднем приходилось 9,3 десятины, по Ставропольской губернии 11,8 десятины, по Кубанской области 6,2 десятины. Таким образом, дореволюционное сельское хозяйство Юго-Востока характеризуется незначительной ролью частновладельческих хозяйств и преобладающим значением крупного крестьянского хозяйства.

Количество хозяйств в % отношении к общему числу хозяйств в с. Старо-Марьевском, Ставроп. губ.

Беспосевные. **Имеющие свыше 16 дес.**

Как видно из таблицы, в 1917 г. главнейшую массу хозяйств составляли— середняки 52,6% и зажиточные—22%, а количество беспосевных хозяйств было больше, нежели маломощных. 1920 год отображает следующий этап революции, с его политикой разверсточного периода, когда одновременно производились давления на зажиточных и помощь беднейшим. В этот период большинство

беспосевных хозяйств обзавелось посевом, перейдя, повидимому, в группу маломощных, тогда как зажиточные и примыкающие к ним слои середняцких хозяйств перешли в нисшую группу середняков, произошло ярко бросающееся в глаза равнение по середняку, беспосевные и зажиточные насчитывались лишь единицами. 1922 год рисует картину падения мощности крестьянского хозяйства после голода 1921 года. Как общее правило, количество середняцких и зажиточных хозяйств сократилось, при чем большему сокращению подверглась группа наиболее состоятельных хозяйств На другом полюсе, наоборот, количество беспосевных и маломощных возросло с такой же неумолимой последовательностью. Опять произошло уравнение на основе маломощности и малопосевности (2-я, 3-я и 4-я группы составляют 95,8% всех хозяйств).

Ту же картину расслоения деревни рисуют данные обследования слободы Дьячкино, Донской области, где до войны преобладал не середняцкий тип хозяйств, а кулацкий. Вот группировка хозяйств по посеву, характеризующая те изменения, которые претерпела общественно-экономическая структура деревни с 1917 г. по 1923 г.

Группы по посеву	1917 г.		1920 г.		1921 г.		1922 г.		1923 г.	
	Абсол.	В %	Абсол.	В %	Абсол.	В %	Абсол.	В %	Абсол.	В %
1 (0—1 д.)	59	27,57	21	13,63	25	15,44	44	24,04	27	12,98
2 (1,1—4 д.)	26	12,15	33	21,43	80	49,40	49	26,78	51	24,52
3 (4,1—10 д.)	60	28,04	73	47,40	50	30,78	62	33,83	61	29,33
4 (10,1—19 д.)	36	16,82	21	13,64	4	2,42	21	11,47	48	23,08
5 (19 и выше)	33	15,42	6	3,90	3	1,86	7	3,83	21	10,09
Всего	214		154		162		183		208	

1-й этап—1917, с высоким процентом мельчайших и беспосевных хозяйств и не менее высоким % крупно-посевщиков. 2-й этап—1920-21—отражает нивеллирующее влияние социализации земли на группировку хозяйств. Наполовину сокращается первая группа и почти исчезают высшие группы, идет выравнение хозяйства, причем в 1921 году, вследствие продолжающейся разрухи хозяйства, происходит переход середняцкой группы в группу малопосевных. 3-й этап—1922 год — отражает. главным образом, последствия голодного 1921 года, вызвавшего увеличение беспосевной группы за счет малопосевных. С другой стороны, он отражает начинающееся возрождение более обеспеченных хозяйств. Мы наблюдаем здесь дальнейшее увеличение середняцкой и высших групп. Наконец, последний этап—1923 год—можно характеризовать, как момент начавшегося расслоения деревни в связи с непом и приближение его к 1917 году. Если мы оставим одну середняцкую группу и крайне об'единим в одну, т. е. первую со второй и четвертую с пятой, то получаем:

В % к общему числу хозяйств

	1917 г.	1923 г.
1-я и 2-я группа	39,7	37,5
3-я группа	28,0	29,3
4-я и 5-я группа	32,3	33,2
	100	100

Все отличие от 1917 г. заключается только во внутреннем соотношении указанных трех групп, находящихся еще в движении. Насколько быстро пойдет процесс расслоения, можно судить по цифрам прошлого года. В 1923 году, по сравнению с 1922 годом, хозяйства, сеющие 19 дес. и более, увеличились на 200%, а хозяйства с 10—19 дес. посева возросли больше, чем на 100%. В настоящее время, судя по озимому посеву в зяблевой вспашке, в последней группе останется только 40% хозяйств, а остальные перейдут в пятую группу. Часть хозяйств, засеявших от 1 до 10 дес., примыкающих к высшим группам и имеющих рабочий скот, судя по озимому посеву и зяблевой вспашке, передвинется в высшие группы и, наоборот, хозяйства, не имеющие рабочего скота, передвинутся в нисшие группы. Благоприятных условий, которые могли бы поддержать эти хозяйства, на лицо нет. Следовательно, неизбежно усиление крайних групп: зажиточных и маломощных.

Обследование станицы Гиагинской, Кубано-Черноморской области, рисует процесс расслоения деревни с продолжающейся передвижкой середняцких хозяйств, с ростом бедняцких хозяйств на одном полюсе, и усилением кулацких хозяйств—на другом. Процент хозяйств по посеву распределяется по годам следующим образом:

Группировка хозяйств по посеву:

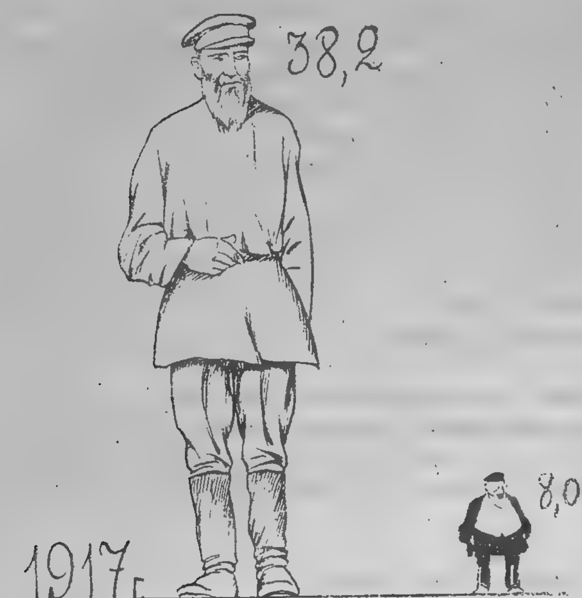
Годы	Без посева	До 1 дес.	1,1—2 дес.	2,1—4 дес.	4,1—6 дес.	6,1—8 дес.	8,1—10 дес.	10,1—13 дес.	13,1—16 дес.	16,1—30 дес. и выше
1917	38,2	2,6	3,6	8,8	13,7	7,2	7,7	5,1	5,1	8,0
1920	25,1	8,4	8,5	20,6	12,1	9,8	6,2	5,3	2,0	2,0
1921	16,2	11,4	10,6	25,9	11,4	6,8	8,1	5,1	2,6	1,9
1922	15,6	5,7	9,3	24,1	18,8	11,7	7,1	4,6	2,0	1,1
1923	15,7	5,9	9,4	19,8	19,6	12,8	6,8	5,5	2,7	1,8

К 1920 году возрастает проц. хозяйств от 1 до 4 десятин, в то время, как количество хозяйств без посева и многопосевных (с посевом от 13 десятин и выше резко уменьшается). С 1920 на 1923 год сокращение далее беспосевных хозяйств приостанавливается; группа хозяйств с посевом до 1 десятины составляет в 23 году 5,9 проц. всех хозяйств против 8,4 проц. в 20 году, группа с посевом от 1 до 2 десятин составляет в 23 году 9,4 проц. против 8,5 проц. в 20 году. Хозяйства с посевом от 4,1 до 6 десятин (наиболее типичные для мелкого хозяйства) увеличиваются до 19,6 проц. в 23 году против 12,1 в 20 году. Вообще рост середняцких хозяйств по сравнению с 20 годом в 23 году заметен. Зажиточные и кулацкие хозяйства, проц. которых по отношению к общему количеству ко всем хозяйствам до 22 года падал, в 23 году начинает заметно расти.

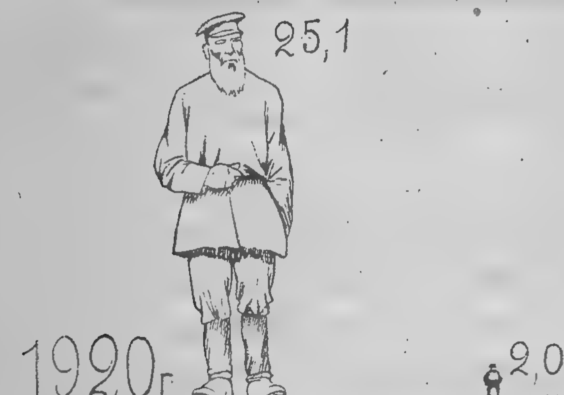
Об этом же процессе свидетельствуют данные обследования хут. Быстрянского, Орловск. в., Донск. обл., с. Винодельного, Ставр. г. и с. Киевского, Ставр. губ., где процесс дифференциации, однако, смягчен переселением оттуда в Сальский округ, Донской области; 90 наиболее крепких хозяйств. Несмотря на это, хозяйства, засевающие 16 дес. и исчезнувшие было в 1922 г., снова появились в 1923 году, составляя в этом году 2 проц. всех хозяйств.

Беспосевные.

Имеющие свыше 16 десятин.

Изменение количества хозяйств в % отношении к общему числу в ст. Гиагинской. Куб.-Черн. обл.

Хозяйства, имеющие свыше 16 десятин в % отношении к общему числу в с. Винодельном, Ставропольской губ.

Такова тенденция развития деревни но, надо заметить, что современный кулак совершенно не похож на дореволюционного кулака,—даже одеждой, как отмечают обследования, он старается не отличаться от крестьянской массы. Его нельзя мерить аршином мирного времени, как нельзя современного „нэпмана" отождествлять с довоенным буржуа, который годами и на широкую ногу ставил свое предприятие или торговое дело. На фоне обнищавшей деревни встает кулак иного типа, применяющий новые формы эксплоатации бедноты, прикрывающий эксплоатацию бедноты „спрягой" или „кумовской" услугой. Но от этого положение дела не меняется. Он держит в ежовых рукавицах маломощного крестьянина, который боится лишиться его „помощи". Надо признать рост кулаков, но надо вместе с тем вырвать у него из рук руль деревенской экономики и во время ударить по рукам, если он прикоснется к политике.

Группировка хозяйств по обеспеченности скотом.

Наряду с уменьшением размеров посевной площади, мы наблюдаем точно также и уменьшение количества скота. Особенно резко это уменьшение выявлено в районах, пострадавших от голода. Так, в станице Ильинской, Кубано-Черноморской области, пострадавшей от неурожая, общее уменьшение скота в 1923 году по сравнению с 1917 годом выразилось в следующих цифрах:

	1917 г.	1923 г.	
Лошадей	7.152	2,907	60 проц.
Крупн. рогат. скота	6.656	3.523	46 „
Овец	20.894	6.307	70 „
Свиней	6.307	829	87 „

Здесь крестьянство всеми силами стремилось к сохранению рабочих лошадей и коров, основы своего хозяйства, принося в жертву овец и свиней, однако, убыль рабочего скота настолько велика, что восстановление его потребует ряда лет. Лошади всюду по убыли стоят впереди; но в отношении мелкого скота сл. Дьячкино, Донск. обл., дает даже увеличение по срав. с 1917 г. на 12 проц.

Это падение обеспеченности крестьянских хозяйств рабочим скотом за годы войны и революции выявляет данные о количестве скота на одно хозяйство, приведенные в обследовании хутора Быстрянского и слободы Дьячкино. В хуторе Быстрянском на одно хозяйство приходится крупного скота:

Годы	Всего лошадей	В том числе в рабоч. воз.	Всего кр. рог. скота	В том числе волов	В том числе коров
1917	3.39	2.67	4.89	0.88	1.28
1920	0.55	0.49	3.06	0.58	1.47
1921	0.61	0.56	2.48	0.42	1.32
1922	0.59	0.49	2.98	0.41	1.23
1923	0.58	0.43	4.65	0.54	1.43

Здесь обеспеченность хозяйств скотом вообще понизилась за время 1917—23 г.г., причем по отдельным категориям убыль далеко не одинакова. Из крупного скота сильно пострадали лошади, сократившиеся частью вследствие войны, частью из-за дороговизны их содержания (по об'яснению самих крестьян). Более благоприятно обстоит дело с крупным рогатым скотом, среднее количество которого упало незначительно, причем это произошло, главным образом, за счет волов и отчасти молодняка. Количество же коров ни только не сократилось, но несколько возросло.

Подобную же картину изменения обеспеченности крестьянского хозяйства скотом дает за год и слобода Дьячкино, где на одно хозяйство приходилось:

Годы	Всего лошадей	В том числе рабоч.	Всего круп. рог. скота	В том числе волов	В том числе коров
1917	3,19	2,46	4,35	0,27	1,56
1920	1,87	1,55	2,69	0,64	1,4
1922	0,87	0,76	2,86	0,95	1,07
1924	0,54	0,5	4,0	1,07	1,01

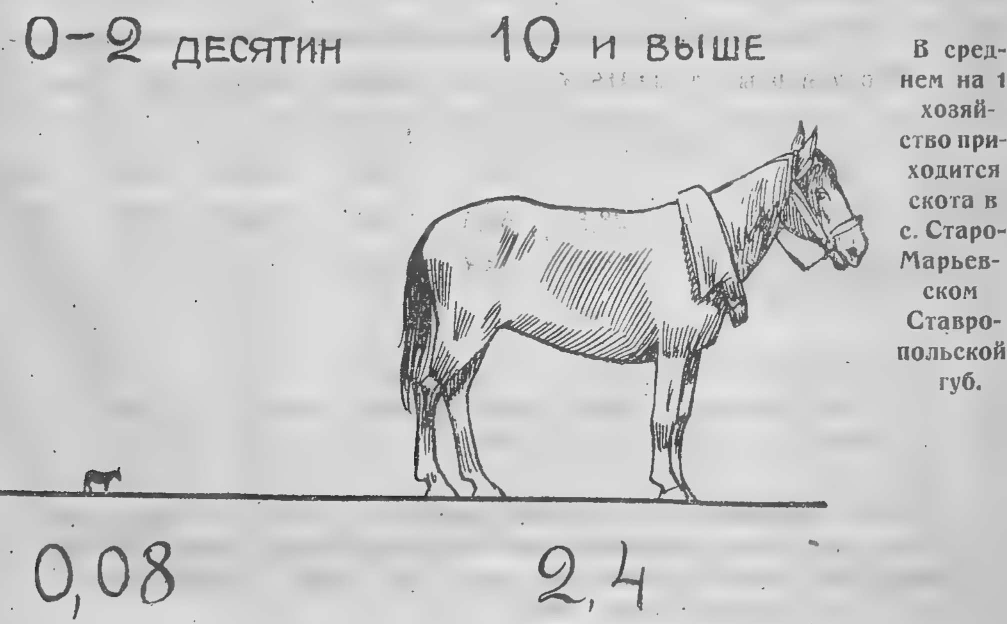
Обеспеченность скотом хозяйства в среднем упала на 25%, при чем по отдельным видам его эта убыль далеко не одинакова. Всего больше пострадали лошади, сократившиеся частью вследствие мобилизации, частью из-за дороговизны их содержания.

Более благоприятно обстоит с крупным рогатым скотом, сократившимся в общем итоге на 7,6%, причем однако, это сокращение относится за счет сокращения только коров (35%) и молодняка (51%), волы, как рабочая сила, взамен исчезнувшей лошадиной, наоборот сильно увеличились (плюс 29,6%).

Как показывают результаты обследования, убыль скота теснейшим образом связана с посевной площадью, отражая те сдвиги, которые деревня переживала за годы революции и новой экономической политики. Обследование села Старо-Марьевского, Ставропольской губернии, отражает обеспеченность хозяйства каждой группы рабочим скотом за годы 1917—23 г.г. в следующих цифрах:

Годы	Группы					
	беспосевн.	0—2 дес.	2—4 дес.	4—10 дес.	10—16 дес.	16 и выше десятин
1917	1 *)	0,35	0,5	1,6	3	4,25
1920	—	0,27	1,03	2,22	3,65	4,1
1922	0,4	0,25	0,8	1,4	3,1	4
1923	0,07	0,08	0,36	1,09	2	2,8

*) Сравнительно большое количество рабочего скота у беспосевной группы в 1917 году об'ясняется тем, что сюда вошло несколько чисто скотоводческих хозяйств.

В среднем на 1 хозяйство приходится скота в с. Старо-Марьевском Ставропольской губ.

Об этом же свидетельствуют данные обследования слободы Дьячкино, где на одно хозяйство приходится рабочего скота (считая пару волов за единицу):

Годы	Группы				
	0—1 д.	1,1—4 д.	4,1—10 д.	10,1—19 д.	19 д. и выше
1917	0,12	0,73	2,24	3,64	6
1920	—	0,69	2,23	2,92	5,33
1922	0,3	0,99	1,36	1,73	3,42
1924	—	0,11	0,95	1,53	3,74

Последовательный рост обеспеченности рабочим скотом крестьянских хозяйств, в связи с ростом посевной площади, вполне подтверждается и данными обследования села Винодельного Ставропольской губернии, где на одно беспосевное хозяйство приходится 0,07 голов рабочего скота, на одно мелкое 0,2 и на одно среднее 1,1, на одно крупное 2,7 головы рабочего скота.

В связи с уменьшением общей обеспеченности рабочим скотом, как общее явление, наблюдается рост хозяйств без рабочего скота. В слободе Дьячкино хозяйства без рабочего скота в 1921 г. составляли 28% общего числа хозяйств, в 1922 г.—36%, в 1924 г.—37,5%. В селе Киевском, Ставропольской губернии, количество хозяйств без рабочего скота возросло с 1917 года по 1923 год с 15,8% общего количества хозяйств до 43,36%. В станице Ильинской количество безлошадных хозяйств, составлявших в 1917 г.—849, в 1923 г. повысилось до 1993. В хуторе Быстрянском процент хозяйств, не имеющих рабочего скота, по отдельным группам посевщиков представляется в следующей таблице, дающей наглядное представление о тех тяжелых условиях, в которых находятся мелкие крестьянские хозяйства.

Группы	1915 г.	1917 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.
1 (0 — 1 д.) . . .	71,4	81,1	88,8	25,0	78,7	100
2 (1 — 4 д.) . . .	28,5	66,6	66,6	78,8	79,6	97,6
3 (4 — 10 д.) . . .	7,4	16,1	38,0	34,1	18 5	42,1
4 (10—19 д.) . . .	0,0	0,0	18,7	14,2	—	19,4
5 (19 и выше) . . .	1,5	0,0	0,0	—	—	—
Итого . . .	11,0	13,8	53,9	50,3	52,1	52,7

Отсюда,—применение в широких размерах коровы в качестве рабочего скота. Отсюда же, на что указывают почти все обследования, наем рабочего скота в большинстве случаев является одной из форм эксплоатации кулаком бедняка. Но об этом речь будет ниже.

Обеспеченность сельско-хозяйственным инвентарем.

Все обследования указывают на тяжелое положение деревни в отношении сельско-хозяйственного инвентаря. Так, в станице Гиагинской, Кубано-Черноморской области, сельско-хозяйственные машины и орудия не приобретались с начала революции. В то время, как число хозяйств из года в год увеличивалось, с.-х. инвентарь уменьшался, вследствие ломки и порчи. В 1920 году орудий вспашки во всех хозяйствах было 1.311, а в 1923 году это количество уменьшилось до 1.087. Таково же положение с сеялками и сноповязалками: в 1920 году сеялок было 298, а сноповязалок 424, а в 1923 году эти цифры упали до 183 сеялок и 279 сноповязалок. Необходимо отметить, что большая часть указанного инвентаря сосредоточена в хозяйствах с большой площадью посева (зажиточных и кулацких) и в меньшей части у середняков. Маломощные хозяйства, за редким исключением, почти не имеют инвентаря. Особенно остро чувствуется нужда в зерноочистительных машинах, за недостатком которых крестьянство имеет семена с большим процентом засоренности.

В слободе Дьячкино приходится на одно хозяйство:

Годы	Пропашных орудий	Косилок	Сеялок
1917	1,28	0,44	0,37
1924	1,10	0,40	0,30

Обследование слободы Дьячкино указывает на то, что покупки нового инвентаря или капитального ремонта старого, кроме редких случаев, почти не было. В хуторе Быстрянском отмечено пять случаев приобретения инвентаря, но инвентарь был приобретен не на рынке, а в своем хуторе.

В той же слободе 45,7% хозяйств дали сведения о том, что сельско-хозяйственный инвентарь находится в ветхом состоянии, 22,9% хозяйств указали, что инвентарь в среднем состоянии и лишь 31,4% отметили хорошее состояние инвентаря.

Что касается распределения сельско-хозяйственного инвентаря по группам посевщиков, то здесь мы имеем следующую картину:

В селе Старо-Марьевском, Ставропольской губернии, на 100 хозяйств в группе приходится:

Группы	Плугов	Борон	Сеялок	Жаток	Молотилок
1 (беспосевн.) .	—	—	—	—	—
2 (0 — 2 д.) . .	10	13	—	0,7	2
3 (2 — 4 д.) . .	30	33	0,4	3	2
4 (4 —10 д.) . .	59	76	0,4	20	4
5 (10—16 д.) . .	99	133	3	55	9
6 (свыше 16 д.).	115	175	—	94	16 ?

Примерно, в такой же пропорции распределены по посевным группам сельско-хозяйственные орудия и в слободе Дьячкино, Донской области. Здесь на одно хозяйство в среднем приходится инвентаря:

Группы	Плугов	Букеров	Косилок	Сеялок
1 (0 — 1 д.)	--	—	—	—
2 (1 — 4 д.)	0,3	0,1	0,1	—
3 (4 — 10 д.)	0,4	0,4	0,4	0,3
4 (10—19 д.)	0,9	0,8	0,8	0,7
5 (19 и выше)	1,8	1,9	1,0	9,8
Итого	0,6	0,5	0,4	1,3

На 1 хозяйство приходится с.-х. инвентаря в сл. Дьячкино, Донской обл.

Приведенные данные указывают на то, что обеспеченность инвентарем возрастает параллельно с увеличением посевной площади. Обследование хутора Быстрянского отмечает, что малопосевные группы крестьянских хозяйств во время голода распродавали инвентарь за бесценок. Отмечен случай, когда

за 12 пуд. ржи и 20 пуд. кизяку была продана совершенно исправная косилка. Это вынужденное, вызванное голодом, разбазаривание сельско-хозяйственного инвентаря маломощным крестьянством привело к росту за их счет количества без, инвентарных хозяйств. Процент хозяйств без сельско-хозяйственного инвентаря по годам представляется в хуторе Быстрянском в следующем виде:

Группы	1917 г.	1922 г.	1923 г.
1. (0—1 д.)	81,8	66,6	100
2. (1—4 д.)	66,6	34,1	86,7
3. (4—10 д.)	45,1	18,5	39,0
4. (10—19 д.)	11,1	—	1,1
5. (19 и выше)	—	—	—
Итого	23,8	38,5	41,8

Таким образом, наряду с наймом рабочего скота, маломощные хозяйства вынуждены прибегать к аренде инвентаря, попадая, таким образом, в кабалу к кулаку.

Рабочая сила.

О характере изменения количества рабочей силы по годам, отражающем влияние империалистической войны, дает представление обследование села Старо-Марьевского, Ставропольской губернии. В селе Старо-Марьевском количество рабочей силы претерпело следующие изменения:

Годы	Число работников	
	мужчин	женщин
1916	913	1621
1917	1439	1517
1920	1207	1480
1922	1261	1562
1923	1326	1675

Наибольшему сокращению подверглось количество мужской рабочей силы в 1916 г. Это об'ясняется, конечно, империалистической войной. Наиболее благоприятным по его количеству был следующий 1917 год, который вернул с фронта большинство мужчин. Гражданская война вновь отвлекла мужчин в рабочем возрасте и вернула часть их обратно.

Обследование хутора Быстрянского и слободы Дьячкино говорит об уменьшении рабочей силы по годам, начиная с 1917 г. На одно хозяйство приходилось:

ГОДЫ	Всего	Муж. раб. силы	Жен. раб. силы	Всего раб. силы
В хут. Быстрянском:				
1917 г.	7,43	1,78	1,76	3,54
1920 г.	6,40	1,47	1,58	3,11
1923 г.	5,30	1,27	1,44	2,71
В слободе Дьячкино:				
1917 г.	7,42	—	—	3,35
1920 г.	6,94	—	—	3,19
1924 г.	6,8	—	—	2,90

Данные о распределении рабочей силы по группам хозяйств соответственно увеличению посевной площади по хут. Быстрянскому приводят к тому же заключению, к какому пришел в своей брошюре: „Деревня, как она есть" Я. Яковлев. Количество, рабочей силы, приходящейся на одну десятину посева, в маломощных хозяйствах значительно выше, нежели в хозяйствах зажиточных и кулацкого типа. В хуторе Быстрянском на одно хозяйство в 1923 г. приходилось:

Группы хозяйств.	Посев в среднем на 1 хоз.	Работников на 1 хоз.
1 (0—1 д)	—	2,00
2 (1,1—4 д)	2,86	2,13
3 (4,1—10 д)	6,76	2,55
4 (10,1—19 д)	12,69	3,60
5 (19,1 и выше)	21,66	3,66

Т. о., в среднем на десятину посева в высших группах приходится значительно меньше работников, чем в низших.

Не имея скота и инвентаря или имея его в недостаточном количестве, низшие группы используют рабочую силу, поскольку отсутствует промысел, не в своем хозяйстве. Зажиточные и кулацкие хозяйства, в руках которых сосредоточен скот и инвентарь, являются естественными потребителями рабочей силы маломощного крестьянина, которому, как говорится, „некуда податься" и невозможно подняться. Немудрено поэтому, что вопрос о нарождающемся с.-х. пролетариате, судя по обследованиям стоит одинаково остро на Дону. на Кубани и в Ставрополье.

Аренда инвентаря и наем скота.

Прямым следствием катастрофического сокращения рабочего скота и сельско-хозяйственного инвентаря является, с одной стороны,—совместное товарищеское использование середняками живого и мертвого инвентаря, с другой стороны—эксплоатация зажиточными и кулацкими слоями деревни маломощного крестьянства.

И то и другое об'единяется названием „спряга", имея по существу принципиально различный характер, оба вида „спряги"—кулацкая и середняцкая имеют широчайшее применение. По данным обследования хутора Быстрянского, Донской области, процент спрягавшихся хозяйств выражается в следующих цифрах:

Группы	% спрягающихся хозяйств
1 (0—1 д.)	92,3
2 (1—4 д.)	87,4
3 (4—10 д.)	69,8
4 (10—19 д.)	92,7
5 (19 и выше)	100,0

Обследование отмечает, что у середняков спряга носит артельный характер,—324 домохозяина соединяют рабочий скот поочередно и поровну производя запашку.

Что касается группы, засевающей до одной десятины, в которой ни рабочего скота, ни коров нет, эта группа спрягается с высшими группами и спряга эта носит характер замаскированной эксплоатации. Пример подобной спряги: за вспашку и уборку одной десятины берутся две рабочие людские силы на всю уборку и молотьбу. Второй случай: за вспашку и уборку земли берется 50% собранного хлеба.

Последний случай относится к хозяйствам, имеющим рабочий скот, но не стремящимся увеличивать посев, в целях избежания налога. Эти хозяйства исключительно используют свой рабочий скот на обработку земли для маломощных. Маломощные умалчивают об этом, опасаясь лишиться этой помощи.

В станице Гиагинской, Кубанской области, за плуг и борону на 2—3 недели маломощный крестьянин платит от 7—10 пуд. пшеницы.

Кулацкая такса в слободе Дьячкино, Донской области, такова: первый случай—за вспашку 1/2 десятины земли взят на все лето на работу подросток. Второй случай—за посев 3-х десятин взято 50% урожая и 18 дней одна рабочая сила. Третий случай—за посев 1 1/2 десятины взята на 4 месяца одна рабочая сила.

В селе Киевском, Ставропольской губернии, где население занимается добычей соли, в течение двух—трех недель, когда соль в озере Яшалта осаждается сама, за перевозку соли до села на расстоянии 8—10 верст бедняк платит за лошадь 1/3, а иногда и 1/2 добычи. Между прочим, личного найма в этом селе нет, их заменяют „отработки", несмотря на всю тяжесть этих отработок, беднота не дает отпора, так как боится лишиться и этой работы.

По данным обследования станицы Гиагинской, Кубано-Черноморской области и др. *аренда инвентаря и наем скота являются основными формами зависимости крестьян маломощных от крестьян более зажиточных.* Число хозяйств,

вынужденных прибегать к найму лошадей и аренде инвентаря, все время растет, начиная с 1917 года. Большинство маломощных договаривается, таким образом, чтобы за отдачу половины или третьей части земли своего надела в пользование зажиточному крестьянину тот вспахал ему остальную часть земли. Пахота одной десятины земли стоит 15 пуд. пшеницы. При такой „аренде" земли каждый старается сделать так, чтобы его надел не увеличивался, а числился юридически за тем, кто его получил у земотдела и чтобы он сам платил за нее налог, передаваемый ему для уплаты кулаком. При таком положении зажиточный или кулак стараются улизнуть от повышения ставки продналога. Середняцкие хозяйства здесь точно также в меньшей мере в этом отношении зависимы от зажиточных и кулаков. Имея в некоторой части инвентарь и рабочий скот, середняцкие хозяйства об'единяются для совместной обработки земли.

Таким образом мы наблюдаем, с одной стороны —экономическую „смычку" маломощного крестьянина с кулаком, где кулак играет роль умного медведя из сказки, которому достаются у хлеба вершки, а у репы корешки, с другой стороны, самоорганизацию середняцких хозяйств, которая может служить в нынешних условиях основой для коллективизации крестьянского хозяйства. Здесь наша задача вырисовывается ясно и отчетливо: надо помочь маломощному крестьянину избавиться от кулацкой „помощи", которая обходится ему слишком дорого, надо выростающее из самой экономики деревни коллективистическое начало ввести в организованное русло.

Батрачество.

В связи с расслоением деревни, как об этом говорят обследования, батрачество начинает играть в деревенской жизни заметную роль.

Возрождение батрачества в деревне рисует следующие цифры, взятые из обследования слободы Дьячкино:

Годы	Рабочих в сельском хозяйстве (батраков)	Служащих	Мастерство, торговля и пр.
1917	65	25	75
1920	5	2	6
1922	7	2	6
1924	29	4	7

Эти цифры указывают на рост сельско-хозяйственного пролетариата в 1924 г., когда производилось обследование. В станице Гиагинской, Кубанской области, во время обследования было взято на учет 52 батрака.

Обследование ст. Гиагинской делит всех батраков на две группы: постоянных, не имеющих никакой собственности, состоящих преимущественно из приезжих, не коренных жителей, и временных батраков, работающих исключительно сезонно и, помимо батрачества, обрабатывающих свое хозяйство. На второй тип батрачества указывает и обследование станицы Ильинской, Кубано-Черноморской области. В большинстве случаев батраки—это бывшие хозяева, разорившиеся в последние годы, вынужденные продавать свой труд зажиточным хозяйствам. Они не потеряли надежды снова подняться на ноги, стать самостоятельными хозяевами. Часто это не батраки, в полном смысле этого слова, а полубатраки, полухозяева, нанимающиеся на сроки, и работники за хлеб или за деньги, в боль-

шей части за обработку земли средствами хозяина. В виду большого предложения рабочих рук, хозяева выбирают себе более покорных, согласных на все условия. Зимою создается такое положение, что безлошадные, чтобы не умереть с голоду, идут в батраки на крайне тяжелых для них условиях.

Связанный своим хозяйством, надеясь возродить его полубатрак, полухозяин, боится лишиться того, что имеет. В селе Винодельном, Ставропольской губернии, отмечено, что сама беднота, несмотря на безвыходность своего положения, не склонна жаловаться на свою зависимость от богатеев, она боится окончательно лишиться возможности засевать свою полосу. Не малое значение имеет также пережиток голодного года, когда за кусок хлеба каждый из них рад был работать от зари до зари. Та ничтожная оплата, которую он за свой труд получает, по сравнению с оплатой того времени, кажется ему большим достижением.

Батрачество существует нелегально. В слободе Дьячкино попытки выяснить точное количество батраков столкнулись с сокрытием найма, как со стороны нанимателей, так и со стороны самих батраков. Количество их удалось выяснить только при помощи молодежи и середняков. В станице Гиагинской, Кубано-Черноморской области, количество батраков как в станице, так и в волости неизвестно. Выявление батрачества тормозят сами хозяева, которые всячески стараются повлиять на своих батраков, чтобы последние не регистрировались и вообще не об'единялись. Большинство батраков выдает себя за квартирантов или родственников и обращается в волисполком только тогда, когда хозяин его выгоняет, ничего не заплатив. Если зажиточный крестьянин и кулак скрывают батрачество потому, что это им выгодно, то батраки вынуждены это скрывать из страха перед безработицей. Батраки не организованы: в станице Гиагинской, Кубано-Черноморской области, где при обследовании взято на учет 52 батрака, батраков членов союза не было, подавляющее большинство батраков не имеет никакого представления о профсоюзе. В слободе Дьячкино из 29-ти батраков только один имеет связь с уполномоченным Всеработземлеса, остальные не регистрируются из боязни, что кулак не возьмет зарегистрированного. По тем же причинам в станице Ильинской, Кубано-Черноморской области, батраки не желают иметь дела с союзом.

Относительно условий найма, имеется указание в обследовании слободы Дьячкино, Донской области, и хутора Быстрянского, той же области, где преобладает поденщина. Поскольку батрачество существует нелегально, этот вопрос весьма трудно выяснить. Рабочее время батраков, само собой разумеется, неограниченно и работают они „от зари до зари“ (станица Гиагинская). Одним словом, никаких пределов для эксплоатации батрака, в смысле ограничения рабочего времени, нет. Форма оплаты труда батрака и размер ее в станице Гиагинской, Кубано-Черноморской области, таковы: 20-30 пуд. пшеницы в год, пара белья, сапоги или полушубок; поденно летом 1923 г. за рабочий день по уборке хлеба батрак получал от 1 до 3-х пуд. пшеницы. В хуторе Быстрянском, Донской области, летом мужской труд оплачивался 20-30 фунт. ржи, а труд женщины 20-15 фунт. в день. В слободе Дьячкино, Донской области, поденно за работу при паровой молотилке батрак получал 1 пуд 30 фунт. хлеба в день, в зависимости от пола. Наряду с эксплоатацией труда взрослых в станице Гиагинской, Кубано-Черноморской области, отмечается также наличие батраков детей, отдаваемых в батраки маломощными семьями.

Следует отметить наличие излишних рабочих рук, которые не могут найти применения в сельском хозяйстве, (станица Гиагинская, Куб.-Чер. обл., и хутор Быстрянский, Донской области.) Нарождающееся кулачество пользуется безвыходным положением бедноты, получая даровую рабочую силу в качестве процента за взятый взаймы хлеб. В хуторе Быстрянском отмечен 21 случай,

когда маломощные хозяйства брали у зажиточных взаймы хлеб, с обязательством возвратить его после нового урожая и отработать в качестве процента 6—8 дней.

В селе Старо-Марьевском, Ставропольской губернии, зажиточные хозяйства обеспечены своей рабочей силой и не прибегает к найму батраков и группа беспосевных хозяйств, которых в этом селе насчитывается 70, обречена на безработицу, т. к. посторонних промыслов нет.

Таким образом, нарождающийся пролетариат и полупролетариат находится в крайне тяжелых условиях, он почти целиком во власти кулачества. Организовать эту силу и противопоставить в деревне кулачеству—нетерпящая отлагательства задача Всеработземлеса.

Кредит.

В кредите нужда огромная. „... Нужда в кредите на развитие сельского хозяйства огромная“,—говорит обследование села Старо-Марьевки, Ставропольской губернии. „Нужда в кредите на приобретение рабочего скота и инвентаря огромная.“ (Село Винодельное, Ставропольской губернии). „Нужда в долгосрочном кредите у крестьян колоссальная, главным образом, для приобретения сельскохозяйственного инвентаря и рабочего скота, посевного материала и строительного леса. Особенно тяжелым для крестьян является отсутствие в продаже строительного леса, который в станице можно достать только лишь случайно“. (Станица Гиагинская, Куб.-Чер. обл.) „Почти каждый домохозяин ищет и ждет кредита“. (Слобода Дьячкино, Донской области). В хуторе Быстрянском вопрос о кредите, как отмечает обследование, среди маломощных хозяйств стоит очень остро. На 8-ми сходах, проведенных комиссией, производившей обследование, вопрос о кредите занял одно из первых мест.

Деревня нуждается в кредите и в первую очередь нуждаются те маломощные хозяйства, которые, как видели ниже (см. „Аренда инвентаря и наем рабочего скота“) вынуждены итти в кабалу к нарождающемуся кулаку. Без кредита в известной части они, несомненно, перейдут в группу беспосевных, увеличив тем самым кадры деревенских батраков, которым и так некуда девать своих рук. Между тем, мы наблюдаем, что даже тот незначительный по сравнению с потребностями деревни кредит, который она получит, идет не столько на избавление бедняка от кулацкой эксплоатации, не столько на поддержку маломощного хозяина, которому без кредита невозможно подняться, сколько в руки кулака и зажиточного крестьянина, который может обойтись и без кредита.

Размеры кредита, на что указывают все обследования, не в состоянии удовлетворить спроса на него со стороны крестьянина. Старо-Марьевскому интегральному кооперативу Ювсельбанк в кредите совершенно отказал, ссылаясь на его неработоспособность, так как ранее существовавшее ЕПО растратило капитал Губсоюза. В селе Винодельном население до сих пор кредитом не пользовалось, в начале февраля местный интегральный кооператив получил от Ювсельбанка ссуду в размере 1000 черв. руб. для кредитования 3 сентября 1924 г. из 15% годовых, но при этом Ювсельбанком было удержано 10 паев по 10 руб., так что фактически ссуда получена в размере 900 черв. руб. Но из этой суммы интегральный кооператив населению ссуд не выдавал, так как размер процента в его пользу не установлен общим собранием. В станице Гиагинской лишь с начала 1924 г. сельско-хозяйственное товарищество и ЕПО стремятся наладить продажу в кредит сельско-хозяйственного инвентаря.

В Тарасовской вол. (обсл. сл. Дьячкино) местное кредитное т-во не окрепло и достаточных средств не имеет. Торгует мануфактурой, т. е. тем товаром, которым торгует и ЕПО, а сельско-хозяйственных орудий почти не имеет. Заявок на кредит

со стороны деревни имеется: на приобретение живого инвентаря деньгами—6.000 руб. зол., на семена—1.500 пуд., на 30 сельско-хозяйственных орудий, в том числе на два трактора „Фордзон". Однако, эти заявки не могут быть удовлетворены, хотя бы наполовину, на что указывают работники кредитного товарищества. В хуторе Быстрянском в кредитное т-во подано 42 заявления, из которых 27 просит кредита на приобретение рабочего скота, остальные на семена. И здесь, точно также, кредитное т-во не в состоянии удовлетворить потребность кредита,—на долю хутора от выданного Ювсельбанком кредита пришлось лишь 990 руб.

Если размеры кредита совершенно недостаточны, то и условия получения кредита надо признать слишком тяжелыми. В селе Винодельном, получив ссуду от Ювсельбанка из 15% годовых, интегральный кооператив предлагает выдавать из 20%, при чем процент будет удерживаться при выдаче ссуды, а вместе с ним может быть и паи в Ювсельбанк. По мнению крестьян, на таких условиях кредита, воспользуются лишь такие хозяйства, которые рискнут поставить на карту все. Общий размер кредита, выданный Ювсельбанком интегральному кооперативу настолько ничтожен, что на него можно купить лишь 4—5 лошадей среднего качества. Дробление его между многими хозяйствами вряд ли окажет заметную помощь. Между тем, до революции в селе существовало кредитное т-во, обслуживающее денежным и товарным кредитом все местное население и снабжавшее сельско-хозяйственными орудиями население соседних сел. Размер денежных ссуд колебался от 300—1000 руб. Денежный кредит выдавался на срок до 2-х лет из 12% годовых, а товарный с 6% годовых.

В селе Старо-Марьевке условия кредитования неприемлемы для наиболее нуждающихся. Кредит выдается под имущественное обеспечение или поручительство имущих граждан. У бедноты своего имущества нет, а охотников за него поручиться тоже не находится. Таким образом, кредитом может воспользоваться только, в лучшем случае, середняк, а в худшем—зажиточный. В хуторе Быстрянском крестьяне платят за ссуду 18%. Перечисленные факты говорят о том, что кредит не только незначителен и является каплей в море по сравнению с нуждой деревни, но и о том, что условия получения его слишком тяжелы для маломощного крестьянства.

Поэтому вполне естественно, что большая часть кредита распределяется среди более зажиточных, а частью кулацких хозяйств, в известной степени содействуя расслоению деревни. Мы имеем сведения о распределении кредита между группами хозяйств по хутору Быстрянскому и слободе Дьячкино и эти сведения говорят о том, что кредит распределялся не в интересах того маломощного крестьянина и бедняка, для которого кредит означает избавление от кулацкой кабалы, от кулацкой „спряги". В слободе Дьячкино выданный кредит распределялся по группам хозяйств следующим образом:

ГРУППЫ	Состоит хоз. членами кред. т-в	Число хозяйств, взявших кредит	Сумма кредита
1. (0—1 д.)	1	—	—
2. (1, 1—4 д.)	24	—	—
3. (4, 1—10 д.)	26	8	590
4. (10, 1—19 д.)	32	11	953 } 1253
5. (19, 1 и выше)	18	3	300 }
Итого	96	22	1843

Из этой таблицы видно, что принципы имущественного обеспечения приводят к тому, что кредитом пользуются те самые группы хозяйств, которые путем „спряг“ и „отработки“ эксплоатируют бедняка. Между тем, в той же слободе Дьячкино зарегистрировано 7 случаев кредитования бедняка кулаком.

Кому выдан кредит в сл. Дьячкино.

0—10 ДЕСЯТИН | **10 И ВЫШЕ**

В хуторе Быстрянском из полученного от Ювсельбанка 990 руб. точно также значительную долю получили зажиточные и кулацкие хозяйства. Распределение кредита по хутору Быстрянскому представляется в следующем виде:

Группы	Состоит член. кред. т-ва	Пол. кредита	Размер кредита	
1 (0 — 1 д)	—	—	—	
2 (1,1 — 4 д)	13	—	—	
3 (4,1 — 10 д)	15	5	500	
4 (10,1—19 д)	15	5	440	} 490
5 (19,1 и выше)	3	1	50	
Итого . .	46	11	990	

Все хозяйства, получившие кредит, за исключением одного, использовали его на приобретение рабочего скота, а между тем, хозяйства, засевающие от 1 до 4-х десятин, из которых 80% не имеет рабочего скота, кредита не получили.

Очевидно, наша кредитная практика далеко не совпадает с нашей кредитной политикой. Кредит идет не по назначению и попадает в руки кулака, между тем, как мы ниже видели, коллективистическое начало вырастает из недр деревенской экономики—из середняцкой „спряги“. Надо, очевидно, не только организовать эту „спрягу“, но и кредитовать ее.

Вот пример, свидетельствующий о том, что кредит может послужить могучим толчком к организации коллективов. В хуторе Быстрянском после доклада о кредите, в комиссию по обследованию явились представители 28-ми хозяйств с просьбой дать им устав по обработке земли, чтобы с лета приступить к работе, расчитывая на полученный кредит приобрести рабочий скот.

61 десятина.

За мертвыми цифрами скрывается живая действительность.

Сафронов, Анисим Иванович, имеет 61 десятину посева, 15 десятин сенокоса, мельницу (двигатель—локомобиль), 12 волов, 4 лошади, 7 коров, 6 полуторников, 3 телят годовиков, 28 овец, 4 козы, 9 свиней и 6 поросят.

Семья состоит из 20 человек, из них работоспособных 10 человек, подростков 5 человек. Между прочим сам с женой в поле не работает, а исключительно руководит хозяйством. Вся работа лежит на четырех сыновьях с их женами. Кроме этого нанимают на поденные работы в течение всего лета от 5 до 8 чел. *Наем исключительно происходит за отработок маломощными хозяйствами, за взятый зимою хлеб и за вспашку от 2 до 3 дес. земли маломощным хозяйством.*

Дом состоит из 8-ми просторных комнат, обставленных городской мебелью, в двух—мягкой. Пол крашеный и покрыт подстилками. На каждого сына приходится по отдельной комнате. В каждой комнате весь угол заставлен иконами. Кроме дома есть еще отдельная кухня и столовая, большие каменные сараи и конюшни. С.-х. инвентарем обеспечен вполне. Он имеет все, начиная от железных борон и кончая культиватором и паровой молотилкой, все находится в исправном виде. Ежегодно количество живого и мертвого инвентаря возрастает. В нынешнем году сдал с.-х. налог в количестве 1280 пуд. и продал пшеницы 1128 пуд. и 340 пуд. ржи, за хлеб приобрел городские товары на всю семью, которая в настоящее время обута и одета во все городское.

Раньше хозяйство было такое же. Во время 1920—1921 г.г. оно пришло в упадок, *но с 1922 года быстро восстанавливается.*

28 десятин.

Денисков, бывший атаман хутора. Засевает 28 дес., имеет 4 вола и одного верблюда. Сам мало работает, жена имеет вид нерабочей крестьянки, а типичная „атаманша“. Умеет принимать „начальство“, но только не местное, а приезжее. Выписывает газету и имеет кодекс законов: земельный, гражданский и уголовный. Все мероприятия советской власти знает и в деревне является авторитетом, влияя на всю отсталую массу односельчан. Сам—противник всяких общественных организаций, все мероприятия совласти стремится истолковать в свою пользу. В 1919 году был атаманом.

В текущем году продал 450 пуд. хлеба, а 79% налога не выполнил. На проданный хлеб купил городские товары.

Зная хорошо законы, он тем не менее занимался самогонокурением, за что по суду поплатился одним верблюдом и одной коровой.

Там же после доклада на собрании женщин—крестьянок о кооперации семь вдов организовали коллектив, соединив своих коров и расчитывая таким путем приобрести пару волов.

Летом спрягался для обработки земли с тремя маломощными хозяйствами, от двух из них получил за вспашку от 2-х до 3 х дес. земли, по одной рабочей силе на все лето, а одному маломощному хозяйству обрабатывал землю, из расчета $^2/_3$ всего урожая себе и $^1/_3$ этому хозяйству.

Осенью за высокий процент двум хозяйствам отпустил заимообразно хлеб до будущего урожая. За 120 пудов взятого хлеба маломощный хозяин работал и в будущем должен еще отработать всего 12 дней, в качестве процента за взятый хлеба.

3 десятины.

Бороденко, Анисим Панкратьевич. Рабочего скота нет, есть одна корова и теленок. Посева имеет 3 десятины, *спрягался с зажиточным Сафроновым, который ему вспахал и убрал эти 3 десятины; а от него взял 2 рабочих силы почти на все лето.* Хлеба не хватило, взял 20 пуд. взаймы до будущего урожая и *за процент должен летом отработать 6 дней.* Семян на весенний посев не имеет, зяблевой вспашки тоже нет. За семенами на посев, по его словам, придется обратиться к кому-нибудь за помощью.

Городских товаров не покупал, за исключением спичек, керосину и соли, которые приобретал за молочные продукты,—между тем у него одна корова на 5 душ детей,—рахитиков. Помещение в 12 кв. арш. с двумя маленькими окнами. Грязь, сырость, топки нет. Дети больны, взрослые переболели за зиму по 2—3 раза. Дети почти наги и разуты. Из-за отсутствия одежды, старший 10-ти летний мальчик не ходит в школу.

На вопрос, почему он не пользуется кредитом, ответил, что не сумеет его уплатить в срок и боится, как бы последнюю избенку не продали. В коллектив пошел бы с удовольствием, да туда не принимают без рабочего скота, а купить не на что.

В помощь Комитета Взаимопомощи не верит, хотя ниразу туда не обращался. Жалуется, что нужда заела, никак не может вывернуться. Газет не читает и книг тоже. Предполагает идти в наймы,—иначе не обернется.

Горская деревня.

Иные процессы мы наблюдаем в горской деревне. В Горской республике в целом, так и в отдельных округах видно, что с момента окончательного установления в Горской республике Советской власти с 1920 г., наблюдается рост, хотя и медленный, среднего типа хозяйства, а именно: середняцких хозяйств (с обеспеченностью 1—4 дес.) по республике в 1920 году было 59,7%, в 1922 году—65,6% и в 1923 г.—67,7%.

Рост середняцкого хозяйства идет за счет бедноты, процент которой с 16,5 в 1920 г. понижается к 1923 году до 13,8%, а равно за счет беспосевной группы, которая от 5,8 в 1920 г. уменьшается к 1923 г. до 2,1% хозяйств.

Примерно, такие же выводы напрашиваются при рассмотрении нижеприводимой группировки хозяйств по степени обеспеченности землею (с учетом сенокоса в переводе на пашню) на едока при сопоставлении данных за 22—23 23—24 налоговые годы, из которых выясняется: а) увеличение к 23—24 г. среднего типа хозяйств, т. е. хозяйств с обеспеченностью от $^1/_2$ до 1 дес. на душу пашни, а бедняцкие, и в самой сильной степени, зажиточные хозяйства разлагаются:

С обеспеченностью на едока:	Число хозяйств в %%: 22—23 г.	23—24 г.
от 1/4 дес. до 1/2 дес.	100%	97,5%
„ 1/2 дес. „ 1 „	„	127,5%
„ 1 дес. „ 2 „	„	81,%
„ 2 дес. и больше	„	43,9%

б) группировка хозяйств по рабочему скоту и коровам:

	В %% от общего числа хозяйств:		
	1920	1922	1923
Без рабочего скота	17,3	27,9	19,1
с 1 головой	47,9	49,3	44,9
„ 2 „	26,4	19,4	27,4
„ 3	5,5	2,8	6,3
„ 4 „	2,9	0,6	2,3
без коров	16,3	23,7	16,2
с 1 коровой	36,6%	49,5	47,2
„ 2 „	29,4	21	25,1
„ 3 „	10,9	4,2	7.2
„ 4 „	6,8	1,6	4.2

Таким образом, приведенные цифры в отношении группировки хозяйств по рабочему скоту и коровам говорят, что в этом отношении отмечается почти незначительное изменение в положении хозяйств, владеющих одной головой скота, которые составляют в 1920 году,—47,9%, а в 1923 году —несколько меньше, т. е. 44,9%. Сюда же в группу середняков следует включить хозяйства, владеющие двумя головами рабочего скота, ввиду того, что наличие двух голов скота характерно для среднего типа хозяйств Сунженского округа, где в хозяйстве фигурируют пароконные подводы; эти хозяйства численно уменьшились было к 1922 году против 1920 года на 7%, что является результатом неурожая 1921 г., вынудившего часть крестьян продавать свой скот, но затем уже к 1923 г. они вновь заняли свое первоначальное положение среди остальных хозяйственных единиц.

Соединив число середняцких хозяйств, т. е. владеющих одной—двумя головами рабочего скота, получим, что они составляли в 1923 г. главную массу, т. е. около 74,3% всех хозяйств. Эта цифра по сравнению с 1920 годом не уменьшается.

В отношении наличия коров, число хозяйств составляет 47,2% от общего числа хозяйств, эта группа остается почти в одинаковом положении с

1922 г., а в отношении 1920 г. резко увеличивается за счет более обеспеченных коровами групп, ослабив, таким образом, эти последние, т. е. владеющие 2-мя и больше коровами.

Однако, при общей передвижке горской деревни в сторону середняка (уменьшение в 1923 г. по ср. с 1922 г. хозяйств без рабочего скота с 27,9% до 19,1% и без коров с 23,7% до 16,2%) мы наблюдаем также выпячивание зажиточных и кулацких хозяйств. Количество хозяйств с 3 лошадьми с 2,8 до 6,3%, а с 4—0,6 до 2,3%. Точно также и количество хозяйств с 3 коровами возросло с 4,2 до 7,2%, а с 4—с 1,6 до 4,2%.

Вместе с тем комиссия констатирует устойчивость середняцкого хозяйства, что подтверждает также выводом, который комиссия получила в результате обследования 12-ти крестьянских бюджетов *).

Из обследования этих бюджетов комиссия получила следующие данные: на 1 голову домашнего скота в плоскости Осетии в среднем на год не хватает для прокорма в зажиточном хозяйстве: 27,5 пуд. зерна, а в середняцком обеспеченность лучше, т. к. не хватает лишь 19,2 пуд. зерна; то же самое и по Сунженскому округу: в середняцком не хватает 21,9 пуд. на 1 голову скота, а в зажиточном 26 2 пуд.; таким образом, середняцкие хозяйства по этим бюджетным данным являются более устойчивыми, что и подтверждают ранее сделанные нами выводы.

Данные обследования говорят об уменьшении рабочего скота в сельском хозяйстве в республике от 1920 г. к 1922-ому году, что является естественным, в виду постигшего республику в 21 г. неурожая; в 1923 г. положение с рабочим скотом улучшается настолько, что количество его превосходит наличие скота, имевшегося в 1920 г.; исключение составляет Сунженский округ, где увеличение скота выразилось в меньшей степени, что надо об'яснить свирепствующим в этом районе бандитизмом.

В отношении состояния инвентаря имеются данные за 2 года—1922 г. и 1923 г. Как видно из этих данных, мы имеем здесь, также как и в отношении рабочего скота, значительное увеличение сельско-хозяйственного инвентаря. Так, сохи увеличились на 29,5%, плуги—на 58,2%, бороны—на 66,5%, сеялки—на 104% и телеги на деревянном ходу—на 83,49%. В соответствии с этим, увеличивается в 1923 г. обеспеченность на одно хозяйство инвентарем, поднявшись с 1,5 до 2—к 1923 г.

К 1923 г. мы имеем значительное уменьшение беспосевных и бесскотных хозяйств, что характеризуется следующими данными:

Годы	Без посева	Без рабоч. скота	Без коров
1920	5,8	17,3	16,3
1922	6,5	27,9	23,7
1923	3,1	19,1	16,2

Общая посевная площадь из года в год увеличивается, что характеризуется следующими цифрами: 1920 г.—101961 дес., 1920—21 г.—102058 дес., 1921—22 г.—145000 дес., 1922—23 г.—147209 дес.

Таким образом, наблюдается к 1923 г. рост крестьянского хозяйства. Вследствие этого, можно констатировать, что общее экономическое улучшение

*) В своеобразных условиях горской деревни, слабо дифференцированной до революции, деление на бедняков, середняков и кулаков является условным.

крестьянского хозяйства в 1923 г. по сравнению с предшествовавшими ему периодами; улучшение, однако, это является относительным, т. к. горская деревня, а особенно горные районы, находятся в довольно тяжелых условиях.

Основной и преобладающей культурой в Горской республике является культура кукурузы, которая составляла в 1922-23 г. в среднем 56 5% от всех культур посева, в то время, как пшеница занимала 28%. Если мы возьмем посев культур по округам, то увидим, что культура кукурузы занимала в каждом округе различное положение; так, во Владокруге посев кукурузы составлял в 1922-23 г.—57,6%, а под пшеницу—19%, в Назрановском—кукуруза 72,04%, а пшеница—19%, в Сунженском округе кукуруза занимала только 29,2% и под посев пшеницы отводилось 44,7% всей площади.

Аренда земли в горской деревне.

Личный наем в горской деревне очень мало распространен, что, главным образом, об'ясняется чисто местными условиями; наем больше всего распространен у осетин на плоскости, где нанимаются русские беженцы, застрявшие там в дни голода.

Основной формой зависимости бедняцкого элемента от обеспеченных групп является сдача маломощными хозяйствами в аренду своей земли. Другие формы зависимости, как заем денег, инвентаря в горской деревне почти не имеет распространения, т.к. в этих случаях, в силу бытовых условий, между населением существует взаимопомощь, основанная на родственных связях. Однако, эта „взаимопомощь" явлена одним из видов смягчений, правда, по сравнению с русскими областями, эксплоатацией бедняка.

Аренда имеет широкое распространение, по примерному подсчету статбюро от всего количества хозяйств в обследованных селениях и давших показания об аренде, арендуют землю около 15% всех хозяйств; во-вторых, имеются селения во Владикавказском и Назрановском округах, где половина домохозяев ²/₃ их, а то даже и большинство берут в аренду землю. Сдают в аренду землю исключительно маломощные хозяйства, которые составляют 94,2% от всех сдающих варенду, остальное составляют середняки. Кто арендует землю, видно из приводимой таблицы. Число показаний, что пашню арендовали чаще всего домохозяева:

бедняки	середняки	богатые
в %% числе селений		
1,9	69,1	29,0

Следовательно арендуют, главным образом, середняки, а затем кулаки. Причины сдачи в аренду земли беднотой вполне естественны и кроются в отсутствии у бедноты необходимого рабочего скота и инвентаря. В значительной степени здесь сказывается влияние переселенцев с гор, переехавших на плоскость, но вынужденных сдавать свою землю в аренду, за отсутствием необходимых средств производства, а также в незначительной степени—сдача в аренду нагорными жителями земли, наделенной им на плоскости, за отдаленностью их жительства от расположения их надела. Условия аренды характеризуются следующей таблицей:

Наименов. округа	Число показаний об аренде земли		
	за деньги	из половины	за отработ.
Владикавк.	9,7%	74,2%	16,1%
Назран.	60	40	—
Сунженск.	16,7	16,7	66,6
ВСЕГО по ГССР.	25	55,6	17,4

Таким образом, аренда по Горской республике носит смешанный характер По Владикавказскому округу господствует испольная система аренды, в Назрановском—денежная и в Сунженском—за отработки, а в среднем по Республике аренда производится, главным образом, на испольных началах. Если исходить из справки статбюро о стоимости каждого вида аренды в переводе стоимости аренды на золото, то получим, что при сдаче в аренду исполу бедняк получает 9 р. 50 к. с десятины, за отработку—7 р. 17 к. с десятины, денежная часть составит 6 р. 33 к. с десятины.

Арендуется земля, главным образом, у своих односельчан—65,4% показаний и 32,7% показаний у домохозяев соседних сел.

Кредит в горской деревне.

В какой мере развит был кредит в мирное время и в какой степени он оказывается сельскому хозяйству теперь, видно из помещаемых ниже цифр:

Год	Кем откр. кредит	Число Т-в коим откр. кредит	Сумма откр. кредита	Сумма кредита в средн. на одно Т-во	Фактическ. позаимств.	В средн. фактическ. позаимствов. на 1 Т-во
			В золотых рублях			
1915 г.	Госбанком . .	129	3216000	25000	2824945	21900
	Союзом . . .	86	2052000	24000	1012769	11776
1922	Госбанком . .	—	143950	—	143950	—
1923			совзн. 22 г. + 470 з.		совзн. 22 г. + 470 р. з.	
	Ювсельбанком	20	17600	900	17600	

Примечание. Сведения за 15 год показаны по Горской республике в старых границах.

Из приведенных данных видно, как незначительно теперь кредитование по сравнению с мирным временем. Кредитование началось здесь в средине 22 года и производилось раньше Госбанком, а в сентябре м-це 23 года кредитование сосредоточено в руках Ювсельбанка.

Индивидуального кредитования пока почти не проводилось. Было всего два случая кредитования: одна ссуда была выдана Госбанком в размере 15 черв., а другая ссуда-через с.-х. кооператив членам последнего. В довоенное же время в 1915 г. индивидуальное кредитование через т-во выразилось в сумме около 7.000.000 зол. рублей. Ссуды теперь, как и в дореволюционное время, выдавались краткосрочные до одного года, хотя некоторые ссуды Госбанк выдавал сроком до 2-х лет. Процент также одинаковый—от 6 до 12%, хотя, однако, Ювсельбанк до 5-го марта с. г. взимал несколько больший процент, который доходил до 15%.

Население жалуется на обременительность паевого взноса при индивидуальном кредитовании, который составляет 10 руб. Уплата его для горского крестьянина является действительно тяжелой.

Совхоз „Труд“.

Совхоз „Труд“ Кубчерсельхозтреста имеет 1539 десятин земли, из которых сенокоса 300 десятин, усадьбы 7 десятин, сада 7 десятин, огорода 5 десятин, толоки 250 десятин (перемежающейся) и пашни 955 десятин. До революции здесь была усадьба монастыря, находящегося в горах около станицы Ново-Свободной, приносившая монастырю от 20 до 35000 руб. в год доходу. Посев 1923 года был 356 десятин; совершенно необработано было 569 десятин или 59% всей пашни. Из засеянных 356 десятин было убрано только 220, а остальные 136 пропали от неуборки и, отчасти, градобития. Сад в 7 десятин дал урожай в 45 пудов яблок и только. Не лучше дело обстояло и с пасекой в 85 ульев, давшей сбор в 35 пуд. меду. Штатных рабочих в совхозе 32 человека, кроме того, с весны до осени было 30 человек сроковых и во время уборки (с 1 мая по 1 октября) работало поденно 20 человек. Несмотря на такой штат, сенокос убирали крестьяне, за что получили половину сбора, т. е. 20000 пуд. сена. О получении какого либо дохода с совхоза не приходится и говорить, так как управляющий едва может расплачиваться с рабочими. Помощи крестьянскому хозяйству совхоз, конечно, не оказывает, а наоборот сам нуждается в их помощи для уборки урожая и пахоты земли. Недалеко от совхоза, в поле, находятся 3 трактора, которые там загрузли и стоят с 1921 года. До настоящего времени совхозом к их использованию никаких мер не принималось и на мой вопрос, почему, управляющий совхоза отвечал: „Они не наши, а тракторного отряда, который их оставил в 1921 году, и нам нет никакого смысла их использовать“. В 1924 г. управляющий совхоза никакого дохода получить не думает, а считает, что будет хорошо, если всю землю удастся обработать.

Торговля и кооперация.

Продажа и покупка хлеба.

По сравнению с прошлым годом хлебная торговля возросла. Крестьяне хутора Быстрянского заявили, что продажа и покупка хлеба в нынешнем году производилась в больших размерах, чем в прошлом году. В станице Гиагинской каждый крестьянин, даже маломощный, продал несколько пудов пшеницы для покупки мануфактуры и других городских товаров. В слободе Дьячкино продажа и покупки хлеба производилась всеми хозяйствами, за исключением беспосевных, которые лишь покупали хлеб. По словам крестьян, продажа хлеба обеспечивала покупку необходимых крестьянину городских товаров—керосина, спичек, соли.

Крестьяне хутора Быстрянского указывают, что продажи и покупки хлеба обусловлены в значительной мере удобством для тех или иных хозяев внесением налога или деньгами или натурой. Относительно села Винодельного, Ставропольской губернии, определенно указывается, что при потребительском характере хозяйства, крестьянство сбывало зерно для уплаты налога деньгами или же для покупки зерна лучшего качества, которое отвечало бы кондиционным требованиям. В селе Старо-Марьевском той же губ. отмечается, что излишки продукции могли сбывать лишь середняцкие и зажиточные хозяйства, так как урожай в 1923 г. был очень плох—30 пуд. и ниже.

Более подробные сведения, отвечающие на вопрос, какие именно хозяйства продавали и покупали хлеб, дают данные обследования хутора Быстрянского и слободы Дьячкино.

В слободе Дьячкино на 100 хозяйств приходится:

ГРУППА	ПРОДАЖА		ПОКУПКА	
	Процент хоз. продающих хлеб	Причит. на 1 хоз. продан. хлеба	Процент хоз. покупающих хлеба	Причит. на 1 хоз. куп. хлеба
1 (0—1д)	—	—	27,2	24
2 (1,1—4)	22,3	31	21,9	12
3 (4,1—10д)	47,6	40,8	23,8	19,8
4 (10,1—19д)	62,5	77,6	31,2	11,2
5 (19,1 и выше)	100	140,7	25	102
В среднем . . .	43,2	76,1	25,6	24,2

Как было выше отмечено, покупка и продажа хлеба в значительной степени обусловливается приспособлением крестьянскаго хозяйства к взносу налога (деньгами или натурой). Однако, как видно из приведенной таблицы, мы имеем в среднем на одно хозяйство некоторый излишек проданного хлеба (продано 76,1 пуд., куплено—24,2); этот излишек крестьянство пустило в обмен на городские товары.

Представление о том, какие хозяйства являлись поставщиками хлеба на рынок дает следующая таблица о продаже и покупке хлеба в хуторе Быстрянском:

Из ста хозяйств:

Группы	Продавали	Покупали	Прод. и покуп.	Не прод. и не покуп.
1—2 (1—4 д.)	16,6	25,0	20,8	37,6
3 (4, 1—10 д.)	28,5	31,4	14,3	25,8
4 и 5 (10, 1—19 д.)	48,3	13,8	10,3	27,6

Как видно из этой таблицы, среди хозяйств, засевающих до 4-х десятин, значительно преобладает хозяйство, покупавшее хлеб, то же явление мы наблюдаем и в группе хозяйств, засевавших от 4-х до 10-ти десятин, лишь хозяйства зажиточных и кулацких—от 10 десятин и выше преобладает хозяйство продававшее хлеб над покупавшими.

Сведения, собранные в хуторе Быстрянском и слободе Дьячкино, говорят о том, что выгодную рыночную кон'юнктуру использовали зажиточные и кулацкие хозяйства, которые придержали хлеб до более высоких цен, середняк лишь отчасти использовал повышение цен на хлеб, а маломощный крестьянин к ноябрю почти прекратил продажу хлеба.

Из общего количества проданного хлеба продано по месяцам (в процентном отношении к общему количеству проданного хлеба).

Группы	Авг.	Сент.	Окт.	Ноябрь	Дек.	Январь	Февр.
1 (0—1 д.) . . .	—	—	—	—	—	—	—
2 (1,1—4 д.) . .	4,0	69,6	4,8	3,2	—	—	—
3 (4,1—10 д.) . .	8,1	15,6	21,3	22,1	19,6	13,3	—
4 (10,1—19 д.) . .	2,1	6,1	11,5	13,8	21,3	24,0	21%
5 (19 д. и выше) .	1,3	1,8	2,6	12 5	33,7	10,9	37,2

Как видно из этой таблицы, больший процент проданного хлеба в отношении всех групп приходится на последние месяцы, т. е. в период повышения цен на хлеб. Но это пошло исключительно на пользу высших групп 5-й и 4-й, продававших хлеб именно в последние месяцы, тогда как 2-ая и 3-ья группы продали большее количество своего хлеба, когда цена ее была низка. 5-я и 4-я группы прдавали мало хлеба в период дешевизны хлебов, и участие их в продаже по степени повышения цен. Отсюда можно полагать, что излишки в этих группах еще имеются, тогда как 2 и 3 группы продажу хлеба прекратили. Поэтому повышение цен в дальнейшем будет только на руку зажиточному и кулаку.

Хлебозаготовители и хлебозаготовки.

Можно определенно сказать, что роль частных хлебозаготовителей в деревне незначительна, но что в то же время частные хлебозаготовки имеют тенденцию к расширению, т. к. частные хлебозаготовители лучше приспособляются к крестьянскому рынку, пользуясь такими приемами заготовок, к которым не прибегают ни госорганы, ни кооперация. Что содействовало успеху частных хлебозаготовок? Из материалов обследования Кубано-Черноморским Губкомом станиц Платнировской и Выселенковской видно, что частный торговец не ждал, когда к нему придет хлебороб, он посещал отдаленные от железной дороги хутора и населенные пункты, уславливался с хлеборобами и, раздав им мешки, ждал в пакгаузе сдачи хлеба в готовом для отправки виде. В станице Выселенковской (по тем же материалам) частный хлебозаготовитель платил крестьянину дороже, нежели Выселенковское ЕПО. ЕПО платило за пуд пшеницы от 48 до 85 к., а частные хлебозаготовители от 51 к. до 1 руб. Таким образом в станицах Платнировской и Выселенковской хлебный рынок оказался в руках частных заготовителей. В станице Гиагинской, несмотря на множество государственных ссыпных пунктов, в 1923 г. наблюдалось появление частных покупщиков хлеба, которые непосредственно скупают хлеб по крестьянским дворам. Опрошенные комиссией крестьяне, на вопрос, почему они продают хлеб частным скупщикам, ответили: „В ЕПО и Товариществе принимают хлеб на товарообмен и редко платят деньгами, а товары нам не всегда нужны; государственные учреждения требуют слишком высокую кондицию по нашему зерну и поэтому продаешь скупщику—он платит деньгами и принимает всякое зерно“. Между прочим отмечается, что частные скупщики купленную пшеницу тут же перемалывают и отправляют их в станицу мукой.

В той же станице Гиагинской частные скупщики в 1922 году насчитывались единицами. Тоже отмечается в обследовании хутора Быстрянского, Донской области. Для примера приведем данные о заготовках в селе Винодельном, Ставропольской губернии. С июня 1923 г. по 1 марта 1924 г. здесь заготовлено: Хлебопродуктом—140.904 пуд. хлеба, 76.559 пуд. масло-семян и 639 пуд. шерсти;

агентством Губсоюза—149.012 пуд. хлеба, 54.514 пуд. масло-семян; местным кооперативом—4.353 пуд. хлеба, и 1.009 пуд. масло-семян; частными хлебозаготовителями—12.000 пуд. хлеба.

Приведенные данные свидетельствуют не только о том, что частные хлебозаготовки занимают в деревне небольшое место, но также и о том, что кооперация может справляться с хлебными заготовками в достаточной степени. На это имеются указания в обследовании станицы Гиагинской, Куб. Чер. обл., где заготовлено: Контрагентством Госторга (с августа по январь 1924 года) 45.000 пуд. пшеницы, 22.000 пуд. масло-семян и 1000 пуд. ячменя; ЕПО через свой аппарат заготовил 37.000 пуд. пшеницы, 49.000 пуд. масло-семян, 1770 п. ячменя, 1500 пуд. фасоли и около 2000 пуд. кукурузы; сельско-хозяйственное товарищество—за 1923 г. заготовило: около 7000 пуд. пшеницы и 20000 пуд. масло-семян. Это наблюдается там, где кооперация достаточно сильна. Там же, где кооперация слаба, как, например, в селе Старо-Марьевке, Ставропольской губернии, хлебозаготовительные операции ее ничтожны.

Хлебозаготовительные операции велись, по преимуществу, путем товарообмена, на что имеются указания в обследовании станицы Ильинской и станицы Гиагинской, Куб. Чер. обл., а также в селе Киевке, Ставропольской губернии, интегральный кооператив совершенно отказался принимать от крестьян совзнаки. Вообще надо заметить, что совзнаки в деревне потеряли кредит, а новые деньги, судя по обследованиям, вглубь деревни не проникли. Из опросов крестьян хутора Быстрянского, Донской области, выяснилось, что деревня совзнаков у себя не держит и деньги старается переводить в червонцы. Крестьяне очень заинтересовались новыми деньгами, но их не видали. Обследование станицы Ильинской указывает, что хлеб обменивается, главным образом, на мануфактуру и таким образом устанавливается непосредственная смычка между хлебом и мануфактурой, которые в торговом обороте всего Юго-Востока занимают первое место.

В ст. Ильинской все продукты расцениваются на пшеницу. Продукты животноводства и скот в зерне расцениваются значительно выше, чем в довоенное время.

1)	Масло топленое	1 фунт	30	фунт. пшеницы
2)	Яйца 10 шт.		15—20	„
3)	Молока	1/4 ведра	10	„
4)	Рыба, свежая, судак	1 фунт	8 1/2	„
5)	Мясо	1 „	10	„
6)	Баранина	1 „	12	„
7)	Шерсть овечья мытая	1 „	1 пуд	„
8)	Воск	1 „	1 п. 20 ф.	„
9)	Спички	2 кор.	5 фунт.	„
10)	Корова с теленком		85 пуд.	„
11)	Бык трех лет	1	145	„
12)	Овца	1	12	„

Кто торгует?

Поскольку в деревенской торговле преобладал товарообмен, постольку хлебозаготовители обслуживали в то же время деревенский рынок предметами городской промышленности. Наряду с кооперацией и частной торговлей на деревенском рынке выступали и государственные хлебозаготовители. Так в селе Винодельном, Ставропольской губернии, по торговле мануфактурой на первом месте идет Хлебопродукт и лишь на втором—кооператив.

Каков удельный вес частной торговли в деревне? На территории Орловской волости, по материалам обследования хутора Быстрянского, параллельно с

потребительской и сельско-хозяйственной кооперацией имеется 16 частных предприятий, торгующих: по 1-му разряду—4, по 2-му—4, по 3-му—5 и по 4-му—2.

Эти частные торговцы торгуют следующими товарами: пять—мануфактурой, кожевенными товарами и галантереей, три—галантерейными товарами, два—мясом, два—мылом и три—с'естными припасами. В селе Винодельном, Ставропольской губернии, имеются следующие торговые предприятия: отделение Акц. О-ва „Хлебопродукт", агентство Ставропольского Губсоюза, лавка Интегрального кооператива и два частных торговых предприятия (владельцы их занимались торговлей и до революции). В станице Гиагинской торгуют: Епо, Сельско-хозяйственное Т-во, Т-во табаководов, военная лавка, продающая товары крестьянам, и 23 человека местных частных торговцев, из которых 14 торгуют мануфактурой, бакалеей и железо-скобяными товарами. В слободе Дьячкино, Донской области, единственным посредником между городом и деревней является кооперация, частной торговли, за исключением одной лавочки, нет. В селе Старо-Марьевке, Ставропольской губернии, имеется лишь кооператив, точно также как и в селе Киевке, той же губернии. В станице Ильинской наряду с лавкой Епо и Сельско-хозяйственного Т-ва, существует лавочка бывших торговцев, организовавшаяся под флагом Комитета Общественной Взаимопомощи.

Частная торговля.

В Орловской волости на долю кооперативного оборотного капитала приходится 93,938 руб. 36 коп. золотом, а на частного 42,882 руб. 30 коп. золотом. Как будто бы перевес на стороне кооперации, однако, если мы примем во внимание, что частный торговец быстрее оборачивает свой капитал, то перевес останется на стороне частной торговли.

Кто такие торговцы?

1. Беленов торгует мануфактурой по 3-му разряду. Прежний торговец. По его заявлению, торгует на 3—4 червонца в день. Есть приказчики. Товар дает в кредит крестьянам на любую сумму. В среднем в день проходит 15—20 покупателей.

2. Петровский торгует мануфактурой и галантереей по 3-му разряду. Раньше был приказчиком, своей торговли не имел. Торгует на 4—5 червонцев в день. В лавке сидит жена, сам ездит за товаром в Ростов. В Ростове от СКВО (В. К. У.) получает товары в кредит, сам крестьянин также отдает в кредит. На товар накидывает 18—20%, является хорошим конкурентом кооперации. Ассортимент товаров подобран по вкусу крестьянина. В день проходят 25—30 покупателей.

3. Безуглов (с компанионом) торгует по 3 разр. мануфактурой, кожевенными товарами и галантереей. Раньше был хлебопашцем, начал торговлю с продажи двух овец, а в настоящее время имеет товаров на 250 червонцев. Компанион раньше был торговцем. Торгует за наличный расчет. Товары приобретает в Царицыне в кредит у частных лиц, а иногда в кооперации. На товар надбавка 15—18%.

4. Крячков—компанионы: Жуков, Марченко, Васильев. Торгуют всякими товарами по 3 разряду. Раньше сам не торговал, был жестянником, компанионы же были торговцами. Товары приобретают в Ростове за наличный расчет и в кредит. На товары надбавка 15—20%. Торгует в день 4—5 червонцев, покупателей проходит 20—25 чел.

5. Киселев торгует по 3 разряду. Раньше был торговцем. Товары приобретает у частных лиц в Ростове в кредит. В день торгует на 3—4 червонца. Приказчика не имеет, жена торгует. В день проходит 20—25 чел. покупателей. Товар отпускает крестьянам в кредит. Начал торговлю с продажи вещей. В настоящее время имеет на 300 червонцев товару.

6. Т-во „Свой Труд", хозяин Антонов, компанионы Петровский и Пучко. Торгуют по 4 разряду мануфактурой, бакалеей, кожевенными товарами и другими. Раньше торговцем не был, был хлебопашцем. Компанионы — бывшие торговцы. Начал торговлю с продажи коровы, а в настоящее время имеет на 450 червонцев товару. В день торгует на 6—7 червонцев. Покупателей проходит 25—30 человек в день. Товары высылают из Ростова в кредит. В Ростове постоянно живет компанион Петровский, служит в торговом предприятии, не в госпредприятии-ли? который посылает товары в кредит. На товары надбавка 15—20%. Крестьянам товар отпускает в кредит. Приказчика не имеет.

Таковы деревенские „нэпманы",—четверо из них раньше не были торговцами. Обращает на себя внимание, во-первых, то, что они получают кредит не только у их частных оптовиков, но также у кооперации и госторговли, во-вторых—сами они кредитуют крестьян, и в-третьих, накидывают на свой товар, сравнительно, немного—15—20%.

Таким образом, частная торговля, если и не держится на кредите, то во всяком случае, кредит позволяет торговцу при незначительных капиталах широко развивать свои операции. Торговец кредитует крестьянина. Между тем, по заявлению председателя местного ЕПО, кооператив часто не может добиться кредита у госорганов и даже вынужден иногда прибегать к кредиту у частных лиц, платя высокий процент. В отношении кредита кооперация поставлена в худшие условия по сравнению с частным торговцем.

Далее отмечается, что частный торговец стремится отпускать товары по ценам ниже кооперативных, хотя бы эта разница была незначительна: ситец в феврале ЕПО продавало по 42 коп. аршин, сельско-хозяйственная кооперация по 40 коп., а частный торговец по 39 коп.; набор товара на сапоги стоил в кооперативе 13 руб. 50 коп., а у частного торговца 13 руб. 25 коп.

Частная торговля не имеет значительных оборотных капиталов, но она лучше приспособляется к рынку, быстрее оборачивает свой капитал и широко пользуется кредитом. Она использует испытанный прием торговли, имевший в дореволюционное время в деревне широкое распространение—отпуск товаров в кредит.

„Кооперация торгует хорошо".

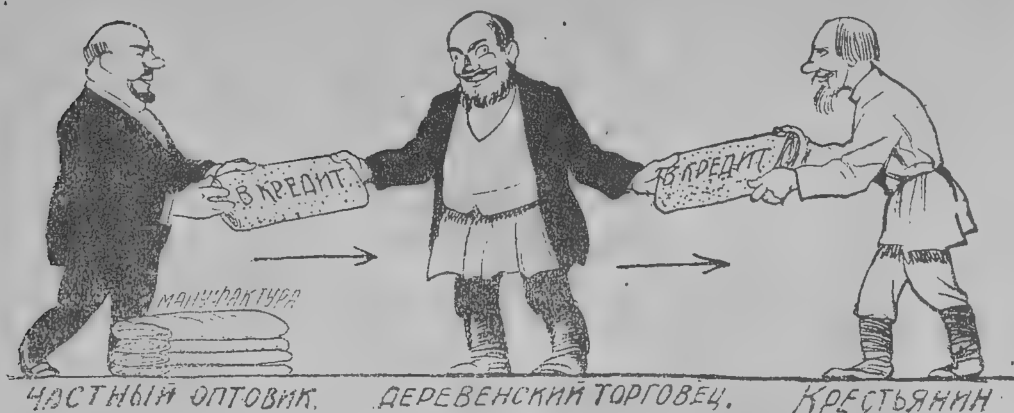

„Но Антонов и Беленов еще лучше торгуют, потому что дают в забор".

Когда в хуторе Быстрянском крестьян спросили: „Кто лучше торгует, кооперация или частные торговцы?"—крестьяне ответили: „Кооперация торгует хорошо, но Антонов и Беленов еще лучше торгуют, потому что дают в забор". Надо уяснить себе, какое важное значение имеет кредит для крестьянина. В то же время широкая организация потребительского кредита в деревне поможет нам смягчить те товарные кризисы, которые из года в год переживает наша промышленность и торговля. Кредит сверху до низу, от фабрики до деревенского потребителя необходим и деревне и кооперации, и государственной торговле и промышленности.

Кооперация до сих пор не имеет достаточного кредита. В станице Ильинской кооперация банковского кредита совершенно не имела, имея товарный кредит у своих союзов. Частные же торговцы на почве старых связей пользуются кредитом оптовых фирм, а более солидные из них имеют и банковский кредит. В селе Винодельном Ставропольской губ., частная торговля „Дружба"—Багирова возникла при поддержке Госбанка. Имея мельницу, Багиров пользовался кредитом банка и часть полученных средств использовал на расширение торговли. И здесь, частные торговцы предоставляют крестьянину мелкий кратковременный кредит.

Деревенский торговец покупает в кредит и продает в кредит.

Как торгует кооперация?

Хотя частная торговля и не имеет оборотных капиталов и часто существует в деревне в распыленном виде (ларьки и пр.), но тем не менее удельный вес ее довольно значителен. Это отмечается и в Орловской вол. и в станице Гиагинской, и в станице Ильинской. Есть, положим, места, где кооперация торгует монопольно, как, например, в селе Старо-Марьевском, Ставропольской губернии, но, находясь вблизи от города, этот „монополист" имеет слишком незначительный оборот: за февраль 1924 года продано товаров на 524 руб. 7 коп. В Тарасовской же вол., Донской обл. кооперация действительно овладела рынком и не дает возможности расти частной торговле.

Мы уже отмечали, что кооперация находится в отношении кредита в худших условиях, чем частный торговец. Несмотря на все наши заботы о кооперации, мы не сделали для нее того, что сделал частный оптовик для деревенского торгаша. Что кооперация не имеет оборотных средств—это всем достаточно известно. Но это препятствие, стоящее на пути развития кооперации, можно обойти, предоставив ей кредит. Вопрос о кредите кооперации—вопрос о борьбе с частной торговлей в деревне. До тех пор, пока этот вопрос не будет разрешен, кооперация будет биться попрежнему, прибегая порой к помощи частных лиц. В Орловской волости (хутор Быстрянский) кооперация с трудом выдерживает конкуренцию частной торговли, она лишена возможности диктовать цены на рынке. В Тарасовской волости (слобода Дьячкино) ЕПО удалось расширить оборот, но без кредита продолжать работу не в состоянии. В селе Винодельном, Ставропольской губернии, ИКО в состоянии удовлетворить лишь незначительную часть потребностей населения, так как оно не имеет средств для расширения оборота. В станице Гиагинской, сельско-хозяйственное Т-во из-за отсутствия средств и кредита не в состоянии развить работу.

Кооперация не имеет кредита у госторговли и не продает в кредит.

Но не всякий кредит идет на пользу кооперации. Гиагинское ЕПО хотя и имеет товарный кредит у Кубсоюза, но теряет на ассортименте, не всегда получая тот товар, который нужен. В этом случае кредит из положительного фактора превращается в отрицательный. Товарная неувязка между низовой кооперацией с одной стороны, союзами и госорганами с другой, приводит к тому, что в селе Старо-Марьевском, Ставропольской губернии, в феврале 1924 года кооператив закупил у частных лиц товаров на большую сумму, чем у Губсоюза: у частных лиц куплено на 450 руб. 31 коп., у Губсоюза на 232 руб. 25 коп.

Факты кредитования кооперации у частных лиц под высокий процент и закупка у них товаров свидетельствуют прежде всего о том, что у нас нет еще единого фронта госторговли и кооперации. Создание его—настоящая задача дня, тем более, что рыночный торговец и частный оптовик этот фронт создали.

Мы имеем баланс ИКО села Винодельного, Ставропольской губернии, из которого видно, на какие средства существует кооперация.

Баланс ИКО на 1 марта 1922 г.

Актив.		Пассив.	
Касса	700 р. 05 к.	Капитал основный	12885 р. 26 к.
Товары	13553 р. 25 к.	„ запасный	34 р. 10 к.
Имущество	12887 р. 20 к.	„ паевой	164 р. 41 к.
Паи в Юсвельбанке	100 р.	Займы в Губсоюзе	213 р. 31 к.
Текущие расходы	1472 р. 42 к.	„ в Юсвельбанке	1000 р.
Зернопродукты	3110 р. 42 к.	„ в Агентстве Губсоюзе	10894 р. 85 к.
Разные лица	920 р. 53 к.	„ у частных лиц	3667 р. 29 к.
Конссуда	213 р. 31 к.	Переходящие суммы	993 р. 68 к.
Тара	96 р. 60 к.	Прибылей прошл. года	1492 р. 96 к.
Машины и с.-х. инвент.	866 р. 76 к.	„ текущего года	2574 р. 68 к.
	33.920 р. 54 к.		33.920 р. 54 к.

Из этого баланса видно, какое огромное значение для кооперации имеет кредит, и что в тоже время паевые взносы не являются сколько нибудь заметной величиной в средствах кооперации. В Орловской волости, Донской области, из оборотного капитала сельско-хозяйственного кооператива 13.700 руб. на долю паевых взносов приходится лишь 417 руб. Несмотря на тяжелые усло-

вия существования кооперации, мы видим, однако, что обороты ее растут: оборот ЕПО станицы Гиагинской, Куб.-Чер. обл., за первую половину 1923 г. выразился в сумме 21.362 р., за вторую половину 1923 года—53.221 руб., т. е. увеличился почти вдвое.

Больной вопрос об ассортименте товаров в кооперации все еще продолжает оставаться больным вопросом. Но здесь скорее не беда первичной кооперации, а „беда" ее. Пользуясь товарным кредитом у своих союзов, деревенский кооператив сплошь и рядом вынужден брать не то, что ему нужно, а то, что ему дают, по пословице: „даровому коню в зубы не смотрят". Ответственность за нагрузку деревенских кооперативов неходовыми товарами целиком ложится на союз, который заставляет низовую кооперацию расплачиваться в конечном счете за дефекты работы всего кооперативного аппарата в целом.

Частная торговля конкуррирует с кооперацией в подборе ассортимента товаров (Орловская волость), в станице Ильинской, Куб.-Чер. обл., сельско-хозяйственное Т во имело мало ходовой товар. В станице Гиагинской при обследовании в лавках кооперации оказалось мало легкой мануфактуры, железо-скобяных товаров и совершенно отсутствовала бичева, дешевая крестьянская обувь, лампы и другие товары крестьянского обихода. Дальнейшее раскрепощение низовой кооперации и признание абсолютно недопустимым превращение кредитования кооперации, способ загрузки ее неходовыми товарами будут содействовать приспособлению кооперации к требованиям крестьянского рынка. Неполный ассортимент товаров, как это отмечено в станице Гиагинской, влияет на привлечение пайщиков.

Вопрос о ценах и „накидках" на основании данных обследований представляется в следующем виде:

Кое-где кооперация наступает и диктует рынку цены, но в большинстве случаев ей приходится самой обороняться от наступления частной торговли. К первым относится Гиагинское ЕПО, снизившее в декабре 1923 г. цены и заставившее снизить цены частных торговцев, а крестьян почувствовать на деле влияние кооперации. К обороняющимся кооперативам относится Е.П.О Орловской волости, способное лишь выдержать конкуренцию с частной торговлей. Порой торговец отпускает товар ниже кооперативных цен и при том еще дает крестьянину в кредит. Вот история борьбы Ильинского ЕПО с лавкой КОВ, которое по существу является бывшей лавочкой торговцев, отчисляющей в пользу КОВ лишь определенный процент.

ЕПО по существу до февраля прошлого года, когда открылась лавка КОВ'а, являлось монополистом. С-х. Т-во имело малоходовой товар и торговало не бойко. Мануфактура, железо-скобяные и москательные товары шли нарасхват. За ходким товаром образовывались длинные очереди. Отпускные цены ЕПО устанавливало высокие, начисляя на покупную цену при исчислении отпускных цен до 40—45 процентов. С открытием лавки КОВ'а начинается борьба с ЕПО на почве конкурренции. ЕПО становится перед необходимостью снижения ц-н. Так, с открытия лавки КОВ'а, ЕПО покупает керосин (в декабре 1923 г.) по 1 руб. 94 к. за пуд, а продает по 2 руб. 80 коп., т. е. набавляет 45% на покупную цену, в феврале же 1924 года при покупной цене в 1 руб. 50 к. пуд, продает керосин по 2 руб. пуд, удовлетворяясь значительно меньшим процентом „накидки". Дело в том, что лавка КОВ'а, открыв свои действия в феврале, купила керосин по 1 руб. 64 коп., а продавала по 2 руб. пуд, делая всего начисление на покупную цену в размере 22,56%.

Нижеприводимые данные о продажных ценах и величине % „накидок" на ряд продуктов широкого потребления в лавке ЕПО и КОВ'а на 5/III—24 г. свидетельствуют о продолжающейся борьбе конкуррентов.

	ПОКУПКА	ПРОДАЖА	Накидка	Накидка в % к себестоимости
ЕПО керосин	1-57	2 руб.	43 к.	28%
КОВ	1-64	2 руб.	36 к.	22%
ЕПО соль 1 п. мелк.	-70	1 руб.	30 к.	42%
КОВ			в лавке КОВ нет.	
ЕПО соль 1 п. крупн.	-68	90 к.	22 к.	32%
КОВ			н е т.	
ЕПО сахар пес. 1 п.	12-	15 руб.	3 руб.	25%
КОВ	12-	14 руб.	2 руб.	18%

Здесь обращает на себя внимание высота „накидок" в кооперации, в особенности на те продукты, которых нет в лавке КОВ (соль мелкая и крупная). Являясь монополистом, кооперация в данном случае допускает нездоровый уклон, гоняясь за прибылью.

Закупая керосин по более дешевой цене, чем КОВ, ЕПО накидывает больший процент (28%, а КОВ 22%) и продает его по той цене, что и КОВ. Вообще процент кооперативных накидок все еще высок по сравнению с частной торговлей. По данным обследования хутора Быстрянского (Орловская волость) накидки частных торговцев к себестоимости колеблются от 15-20%.

В селе Винодельном, Ставропольской губернии, ИКО идет на втором месте за „Хлебопродуктом", торгующим всеми предметами крестьянского обихода. Заметной разницы в ценах между частной торговлей и кооперацией не наблюдается: в некоторых случаях цена на товары в частных лавках выше, но бывает и наоборот—на некоторые товары цены у частных торговцев ниже, чем в кооперативе.

Во всяком случае, еще нельзя сказать, что кооперация является хозяином деревенского рынка и диктует ему цены. Однако,пример Гиагинского ЕПО говорит о том, что уже теперь она может занять в деревне первенствующее положение. Уменьшение „накидок", связанное с сокращением накладных расходов, поможет кооперации занять командные высоты в деревенской торговле.

Кооперация и крестьянство.

Несмотря на все дефекты кооперативной торговли, кооперация, как общее правило, завоевывает симпатии крестьянства. В селе Винодельном, Ставропольской губернии, крестьянство отдает предпочтение государственной кооперативной торговле. В станице Гиагинской, где ЕПО заставило снизить рынок цены, отношение крестьянства к кооперации хорошее В станице Ильинской население смотрит на госторговлю и кооперацию лучше, чем на частную. Хотя о кооператорах и говорят „что они не прочь кое-что положить себе в карман, но хоть в лавочке народ не обманывают". Тарасовское ЕПО с'умело привлечь к себе крестьянство хорошим ассортиментом и кредитом, которое оно предоставило крестьянству. Этот опыт Тарасовского ЕПО заслуживает серьезного внимания. По словам крестьян хутора Быстрянского, торговец Безуглов именно потому торгует и лучше кооперации, что дает в кредит. Это оружие нужно выбить из рук частного торговца его же оружием.

Вопрос о привлечении члена кооперации теснейшим образом связан с тем, насколько хорошо кооператив обслуживает нужды крестьянства. Номинально кооперирована значительная часть крестьянства. В Орловской волости (хутор Быстрянский) членами потребительской кооперации состоит 52,5% домохозяев, а сельско-хозяйственной—25,7%. В станице Ильинской членами кооператива

состоят до 30% всех хозяев, а сельско-хозяйственной—до 20%. В станице Гиагинской потребительская кооперация насчитывает в своих рядах 873 человека, а сельско-хозяйственная увеличила состав своих членов с 1 сентября 1923 г. по 1 января 1924 г. с 34 чел. до 402 чел. членов. Этот рост членов характерен не только для Ильинского сельско-хозяйственного кооператива, в Тарасовской волости точно также наблюдается рост членов кредитнаго Т-ва. В слободе Дьячкино, Тарасовской волости, кооперация с'умела завоевать себе среди крестьянства достаточный авторитет: при проведении добровольного членства, когда крестьянам было предложено перейти в Глубокинское ЕПО, крестьяне отказались, заявив что работа Тарасовского ЕПО оправдывает их надежды.

В обследованных кооперативах мы наблюдаем значительное колебание в размере паевых взносов. В Тарасовском ЕПО паевой взнос 5 руб. золотом, в станице Гиагинской, Куб.-Чер. обл.—3 руб. золотом, в селе Винодельном, Ставропольской губернии, до 1-го марта 1924 г.—1 пуд. пшеницы, после 1 марта—1 руб. 50 коп. золотом. Обследование слободы Дьячкино отмечает, что высокий паевой взнос—5 руб. золотом—препятствует привлечению в среду кооперации маломощного крестьянства и бедноты. Если сравнить состав членов кооперации слободы Дьячкино (Донская обл.) с высоким членским взносом—5 руб. золотом, с составом членов кооператива села Винодельного, Ставр. губернии, с низким паевым взносом—1 руб. 50 коп. золотом, то найдем здесь существенную разницу.

Состав членов Тарасовского ЕПО в слободе Дьячкино:

Групы	Количество членов
1 (0—1 д)	2
2 (1,1—4 д.)	8
3 (4,1—10 д.)	20
4 (10,1—19 д.)	14
5 (19 д. и выше)	9

Состав членов кооператива села Винодельного, Ставропольской губ.:

рабочие . . . . 27 чел.
служащие . . . . 78 „
крестьяне-бедняки . . . . . 149 „
крестьяне-середняки . . . . 29 „

Как видно из этого сопоставления, в слободе Дьячкино преобладают середняки и зажиточные крестьяне, а в селе Винодельном абсолютное и относительное большинство членов составляют крестьяне-бедняки.

В общем следует отметить, что авторитет кооперации растет, растет и количество членов. Однако, население имеет о кооперации очень смутное представление. В хуторе Быстрянском крестьяне задавали комиссии следующие вопросы:

„Какую пользу может дать кооперация, кроме кредита?".

„Как организовать с-х коллектив по совместной обработке земли?".

„Как достать с-х. машины кооперированным хозяйствам?".

Крестьяне жаловались на то, что до сих пор им этого никто толком не раз'яснил.

Торговля и кооперация в горской деревне.

Кооперативная сеть в Горской республике развита очень слабо — имеется всего лишь 62 потребительских и сельско-хозяйственных кооператива, при чем таковые расположены в плоскостных районах; в горах же кооперацией население вовсе не обслуживается, в виду отсутствия доступных средств сообщения. В соответствии с этим, в обследованных нами сел. Цей и Могучкал, как в горных районах, кооперативы отсутствуют, в остальных же селениях—Кантышево, Слепцовское и Ардон имеются ЕПО, а в последних двух также с-х. кооперативы.

Что касается торгово-заготовительных аппаратов, то почти во всех селениях имеются представительства и пункты организаций Хлебопродукта, Госторга, Кубчерпайторга, а в ст. Слепцовской также заготпункт Горсоюза. Все представительства, хотя и ставят себе цели исключительно по ведению заготовок продуктов сельского хозяйства, но фактически они ведут также торговые операции, так как для удовлетворения требования населения об уплате за продукты, помимо товаров, также частично деньгами, они ведут реализацию части своих валютных фондов, и в этой части своей деятельности являются довольно серьезными конкуррентами кооперации, т. к. они более обеспечены средствами, чем последние. В отношении Госторга, впрочем, надо сказать, что он только недавно стал организовывать свои филиалы, т. к. до этого он вел заготовку через посредников—частных лиц.

Если учесть то обстоятельство, что заготовками в той или иной степени, в зависимости от средств, занимается также кооперация, то мы увидим существование в деревне целого ряда организаций, выполняющих одни и те же функции по ведению хлебозаготовок. Между тем не все эти низовые организации, вследствие отсутствия средств, или других причин, не обеспечены полной нагрузкой в своей работе; в этом мы убедились на примере ст. Слепцовской, где заготовительные операции всех имеющихся там организаций за весь заготовительный период сказались в очень незначительной цифре (всего 13.000 пуд. по всем органам).

Между тем, увеличение нагрузки одного аппарата за счет совершенной ликвидации другого дало бы, во первых—известную экономию средств, а с другой стороны устранило бы параллелизм в деле заготовок.

Далее необходимо остановиться на деятельности заготпункта Горсоюза ст. Слепцовской. Горсоюз вначале задался целью вести в ст. Слепцовской только заготовку, но впоследствии открыл розничное отделение и, вместо укрепления и поддержки местного ЕПО, быть может, невольно вступил в конкурренцию с последним, торгуя одинаковым товаром, имея очень незначительный оборот (1000 руб. в месяц). Был случай, когда пункт, являясь более мощным и имея вследствие этого меньше организационных расходов, стал продавать сахар несколько дешевле сахара ЕПО, купленного последним у того же Горсоюза. Это создало повод к возмущению населения против ЕПО и Горсоюз поспешил передать весь сахар для реализации последнему.

Необходимо поэтому в интересах сокращения накладных расходов пересмотреть низовую торгово-заготовительную организацию, ликвидировав все параллельные аппараты, не имеющие полной нагрузки и сконцентрировать дело заготовки в одних руках.

Сельско-хозяйственных кооперативов по существу нигде нет, т. к. до сего времени ни один с-х. кооператив не имел и не продал ни одной с-х. машины. Только теперь Горсоюз предполагает начать снабжение их, для чего им заключен договор с Ювсельсоюзом; пока это, однако, в проекте и, надо полагать, дело еще отдаленного будущего.

С.-х. кооперация ведет заготовку хлеба и снабжение населения предметами широкого потребления, т. е. выполняет те же функции, что и ЕПО, что является совершенно ненормальным, т. к. это ведет лишь к существованию в деревне еще одной слабой организации.

Кооперация в обследованных районах, да и везде по Горреспублике, влачит самое жалкое существование. Одной из основных черт, характеризующих положение кооперации, является отсутствие средств. Средства, образующиеся от взносов, в виду незначительности кооперированного населения, ничтожны, кредита же никто из обследованных кооперативов, за исключением Слепцовского с.-х. кооператива, не получал. Последний получил кредит, но очень незначительный (400 руб.), что не помогло ему выйти из того тяжелого положения, в каком он находился; кооператив в данное время за отсутствием средств прекратил свою деятельность.

Отсутствие у низовой кооперации собственных средств ставит последнюю почти в полную зависимость от Горсоюза; кооперация вынуждена покупать товары преимущественно у последнего, т. к. Горсоюз предоставляет им частичный товарный кредит. Между тем, кредитование это далеко не всегда выгодно, обычно в отношении мануфактуры в каждой партии последней получается значительная доля неходового товара, который лежит в кооперативах без движения, создавая лишь излишний мертвый капитал. Больше всего неходового товара нами было найдено в Катышевском ЕПО. Некоторые кооперативы брали неходовой товар и затем возвращали его обратно, чем создавали лишь излишний накладной расход по перевозке товара из деревни обратно в город. Некоторые кооперативы вовсе отказались от приобретения мануфактуры, как, например, Ардонское ЕПО. Слепцовское ЕПО; другие же кооперативы, при наличии средств, обращаются к частным спекулянтам, каковые, им предоставляют товар по свободному выбору; так поступил Ардонский сельско-хозяйственный кооператив, который купил 1000 арш. ситца у частных лиц. Затем, отмечаются случаи приобретения у Горсоюза товара по ценам, превышающим рыночные цены; так Слепцовское ЕПО в марте месяце с. г. купило сахар в Горсоюзе по 17 руб. 30 коп., в то время, как на рынке таковой можно было бы приобрести по 15 руб. 35 коп.

Отсюда можно иметь представление о том, какое положение занимает кооперация в деревне в сопоставлении с частным торговцем покрупнее. В Ардоне, у лавочника весь товар ходовой, т. к. он покупает его там, где ему удобнее. Кооперация, за отсутствием средств, покупает товар мелкими партиями, что ведет к увеличению накладных расходов, причем за товаром ездят обычно по два человека и тратят каждый раз около 3-х дней, что в окончательном итоге опять ложится тяжким бременем на накладные расходы, так как необходимо оплачивать раз'ездные расходы лицам, командируемым за товаром. Все это незнакомо ардонскому торговцу, который оборачивается за одни сутки и всякими правдами и неправдами добудет товар, хотя бы из Ростова, а то и из Москвы. В конечном итоге получается, что у частных торговцев, из тех кто покрупнее (не считая мелких, которые никакой роли в деревне не играют) и товар лучше и цены дешевле и население к нему идет охотнее, чем в кооператив. Кроме того, ардонский торговец умеет заманить население, предоставляя кредит.

Отсутствие ассортимента и высокие цены приводят к малым размерам оборотов кооперации, что характеризуется следующими данными:

	Общ. обор. в зол. руб.	
Слепцовское ЕПО январь 1924 года	1056	заготовок за отсутствием средств не ведет
„ ЕПО февраль 1924 года	767	
Ардонский с.-х. коопер. средн. за месяц	500	
Тоже ЕПО январь 1924 года	783	
Кантышевское ЕПО январь 1924 года	974	

Лучше всего, надо сказать, работает Слепцовское ЕПО, которое, не имея мануфактуры, и не ведя заготовок, все же по обороту стоит на первом месте, создавая эту цифру оборота на продаже разной мелочи.

В Ардонском ЕПО накидки производятся на глаз, так что вместо 10% получалось по ошибке 50%. Записи в книги ведутся неудовлетворительно, но собираются завести правильную отчетность по получении книг, которые будут получены.

Кооперативные организации вынуждены были каждую неделю раз, а то и 2 раза ездить во Владикавказ, чтобы превращать падающие совзнаки в товар. о кооперировании населения дают представление следующие цифры:

	Число членов	Число дворов в селении
Ардонский с.-х. коопер.	60	962
„ ЕПО	70	962
Слепцовск. ЕПО	705	1215
Кантыш. ЕПО	56	723

„Ножницы".

До снижения цен на продукты фабричной промышленности и повышения цен на хлеб, как отмечено в нескольких обследованиях, крестьянство ограничивалось лишь покупкой самых необходимых товаров,—керосина, спичек и соли. Изменение соотношения цен, увеличив покупательскую способность крестьянина, благоприятно отразилось на торговле. Изменение цен с 1 октября 1923 г. по 1 марта 1924 г. рисует следующая таблица (село Винодельное, Ставропольской губернии):

Наименование продуктов и товаров	На 1/IX 23 г.	На 1/X 23 г.	На 1/XI 23 г.	На 1/XII 23 г.	На 1/I 24 г.	На 1/II 24 г.	На 1/III 24 г.
Заготовительные цены кооперативных организаций (в зол.)							
Пшеница озим.	0,40	0,45	0,50	0,60	0,70	0,80	1,30
Ячмень	0,30	0,35	0,40	0,45	0,50	0,55	0,60
Семя подсолн.	0,52	0,56	0,65	0,50	0,60	0,76	1,05
Цены в Интегральном кооперативе (в зол.)							
Ситец (арш.)	0,80	0,80	0,70	0,65	0,55	0,45	0,42
Спичек (кор.)	0,03	0,03	0,03	0,03	0,03	0,02	0,02
Керосин (фунт.)	0,07	0,07	0,07	0,07	0,07	0,05	0,05
Железо сорт. (пуд.)	8,00	8 00	8,00	8,00	8,00	8,00	8,00
Мыло бел. (фунт)	0,15	0,15	0,20	0,20	0,25	0,25	0,25
Ткань летн. (арш.)	0,90	0,90	0,85	0,80	0,75	0,65	0,65

Принимая цены продуктов сельского хозяйства на 1/IX 1923 г. за 100, мы получим следующую скалу повышения:

Наименование продуктов	На I/IX 23 г.	На I/X 23 г.	На I/XI 23 г.	На I/XII 23 г.	На I/I 24 г.	На I/II 24 г.	На I/III 24 г.	Процент повышения с I/IX—23 г. по I/III—24 г.
Пшеница озим. . .	100	112,5	125	150	175	200	325	+ 225
Ячмень	100	117	133	156	167	183	200	+ 100
Маслосемена . . .	100	106	123	96	113	143	198	+ 98

Понижение цен на продукты промышленности представляется в следующем виде, принимая цену на 1/IX за 100:

Наименование товаров	На 1/IX 23 г.	На 1/X 23 г.	На 1/XI 23 г.	На 1/XII 23 г.	На 1/I 24 г.	На 1/II 24 г.	На 1/III 24 г.	Процент снижения с 1/IX—23 г. по 1/III—24 г.
Ситец	100	100	87,5	81,25	68,75	56,25	52,50	— 47,5
Спички	100	100	92	88	85	77	77	— 33
Керосин фунт. . .	100	100	100	100	100	71	71	— 29
Железо	100	100	100	100	100	100	100	—
Мыло	100	100	133	133	133	167	167	— 67

Таким образом значительнее всех товаров повысилась в цене озимая пшеница на 225%, затем яровая пшеница на 189%, тогда как ячмень повысился лишь на 100%. В то же время цена ситца понизилась на 47,5%, спичек на 33%, керосина на 29%, цена железа осталась без изменения, а на мыло даже повысилась на 67%. В итоге „ножницы" значительно сомкнулись.

За 1 пуд озимой пшеницы крестьянин мог приобрести:

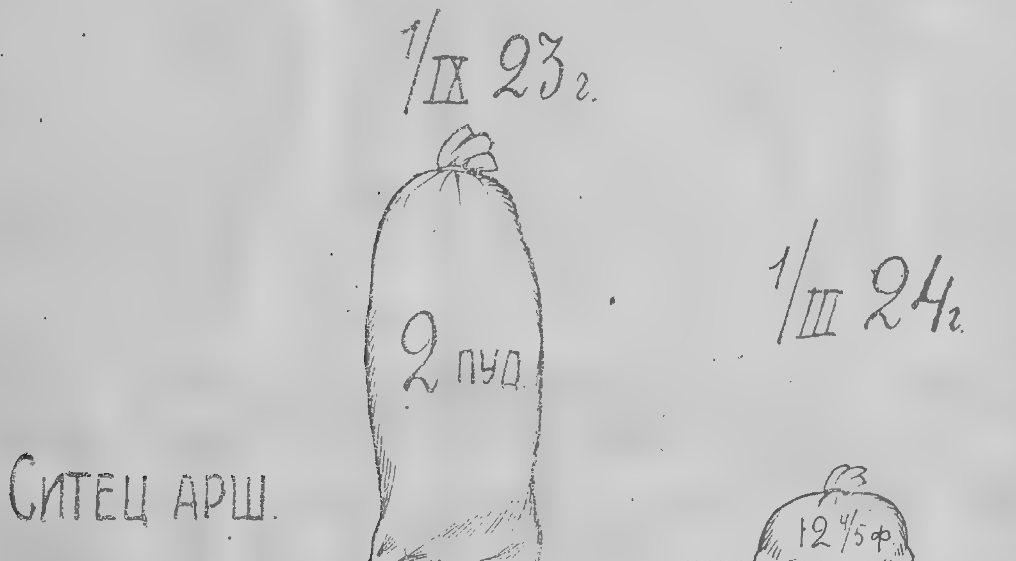
Наименование товаров	1/IX—23 г.	1/III—24 г.
Ситцу (арш.)	0,5	3,09
Спичек (кор.)	13,3	65,0
Керосину (фунт.)	5,71	26,0
Железа (пуд.)	0,05	0,16
Мыла бел. (фунт.)	2,66	5,2

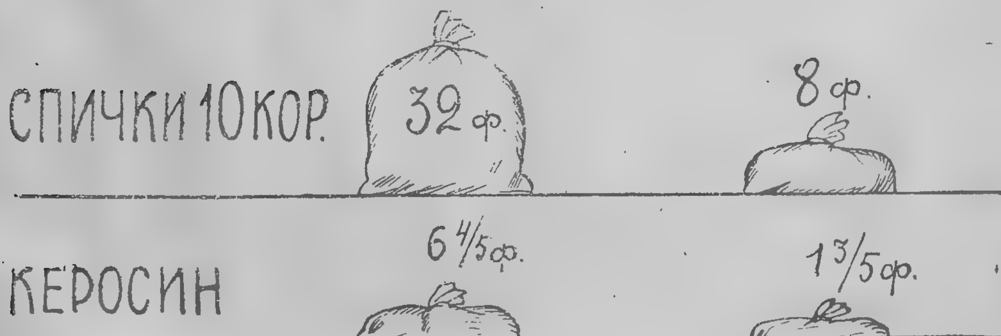
За городские товары крестьянин платил следующее количество пшеницы:

Наименование товаров	Пшеница озимая (в пудах)						
	На 1/IX 23 г.	На 1/X 23 г.	На 1/XI 23 г.	На 1/XII 23 г.	На 1/I 24 г.	На 1/II 24 г.	На 1/III 24 г.
Ситец (арш.)	2,0	1,8	1,4	1,08	0,79	0,57	0,32
Спички (кор.)	0,08	0,07	0,06	0,05	0,04	0,03	0,02
Керосин (фунт.)	0,07	0,15	0,14	0,12	0,10	0,08	0,04
Железо (пуд.)	20,0	18,0	16,0	13,33	11,43	10,0	6,15
Мыло бельев. (фунт.)	0,37	0,33	0,40	0,33	0,36	0,31	0,19

Таким образом, по сравнению с 1 октября 1923 года, 1 марта 1924 года крестьянин платил за ситец более, чем в 6 раз меньше пшеницы, за спички— в 4 раза меньше, за керосин—почти в 2 раза, за железо—в 3 с лишним раз, за мыло—почти в 3 раза.

Крестьянин платил пшеницу за товары:

„Ножницы“ в Горской деревне.

В Горской республике несоответствие цен между продуктами сельского хозяйства и госпромышленности, так называемые „ножницы“, оказалось в более сильной степени, чем в остальных районах. Об'ясняется это тем обстоятельством, что здесь мы имеем основной культурой сельского хозяйства кукурузу, для какового продукта чрезвычайно неблагоприятно сложилась кон'юнктура рынка.

Мы имеем здесь следующие три фактора, приведшие к особой раздвижке „ножниц“ в Горской республике:

а) значительное понижение цены на основной продукт сельского хозяйства—кукурузу против дореволюционного периода;

б) изменение соотношения между кукурузой и пшеницей против дореволюционного периода в сторону нижения против пшеницы стоимости кукурузы, что является чувствительным для горского хозяйства, поскольку сельско-хозяйственный налог приходилось уплачивать в пшеничных или ржаных единицах;

в) и, наконец, падение цены против дореволюционного времени на кукурузу при обратно-пропорциональном росте цен на продукцию промышленности.

Для иллюстрации этих явлений приведем цифры.

Примерная цена кукурузы в зерне до революции и теперь:

Годы	Цена пуда кукурузы в копейках	% дореволюционной цены
1913	55 коп.	100
1923—24	24,1 коп.	43,82

(Цена на 1923—24 гг. выведена за время с 1-го января 1923 г. до 1-го марта 1924 г. по месячным ценам на каждое первое число).

Цены на кукурузу и основной промышленный товар—ситец до революции и в 1923 году таковы:

Год и месяц	Цена куруз. за пуд в зерне в коп.	% стоим. куруз. в 1923 г. по отнош. к стоим. в 1913	Цена ситца за аршин в копейках	% стоим. ситца в 23 г. против 1913
1913	55	100	14	100
1923 г. 1 января . .	23	41,81	34	242,85
1 февраля	25	45,45	40	285,7
1 апреля	19	34,54	49	350
1 июня	23	41,81	61	435,7
1 августа	27	49,09	67	478,57
1 октября	20	36,38	70	500
1 декабря	25	45,45	40	285,7
1924				
1 января	26	47,27	40	285,7
1 февраля	29	52,73	40	285,7

Повышение цен на кукурузу в Горской республике, принимая цену кукурузы на 1 октября 1923 года за 100, представляется в следующем виде:

Наименование продукта	На 1/IX 23 г.	На 1/XII 23 г.	На 1/I 24 г.	На 1/II 24 г.	% повышения с 1/IX—23 г. по 1/II—24 г.
Кукуруза. . .	100	125	130	145	+ 43,0

Понижение цен на ситец за тот же период времени, принимая цену ситца на 1 октября 1923 г. за 100, протекало таким образом:

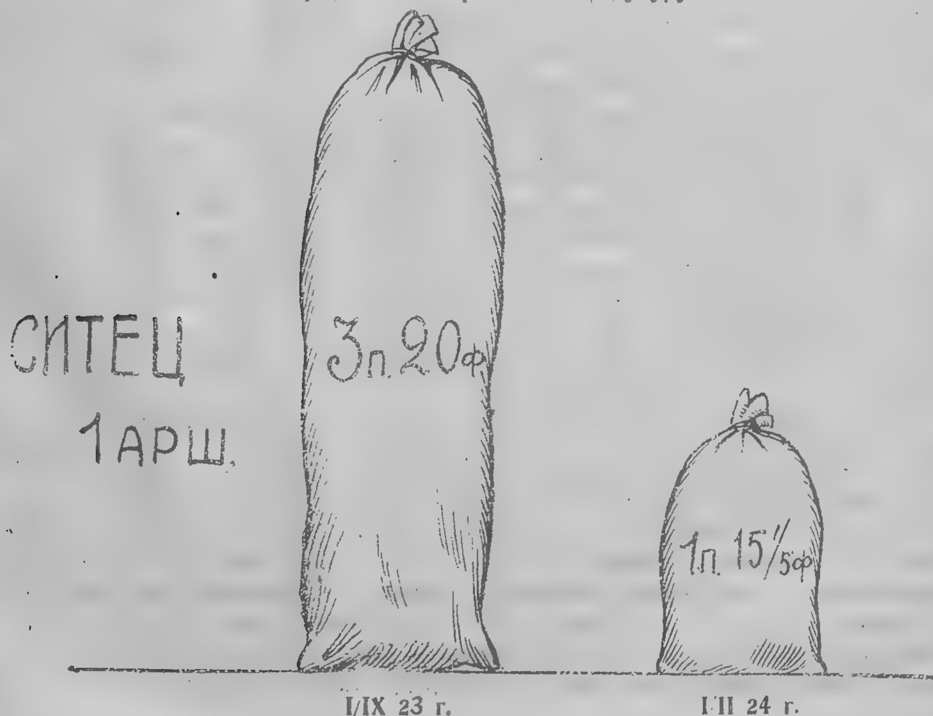
Наименование товара	На 1/IX 23 г.	На 1/XII 23 г.	На 1/I 24 г.	На 1/II 24 г.	% снижения с 1/IX—23 г. по 1/II—24 г.
Ситец	100	57,14	57,14	57,14	— 42,86%

За 1 аршин ситца горец платил следующее количество кукурузы:

Наименование товаров	Кукуруза (в пудах)			
	на 1/IX 23 г.	на 1/XII 23 г.	на 1/I 24 г.	на 1/II 24 г.
Ситец 1 арш.	3,50	1,60	1,51	1,38

Таким образом горец платил в феврале 1924 годе в $2^1/_2$ раза с лишним меньше кукурузы, чем 1 октября 1923 года. Здесь „ножницы“ сдвинулись меньше чем в русских областях, и положение горской деревни надо признать довольно тяжелым.

За 1 арш. ситца горец платил кукурузы:

1/IX 23 г. **1/II 24 г.**

„Власть хороша, да мануфактура дорога“.

При обследовании горской деревни, один горец сказал: „Власть хороша, да мануфактура дорога“.

Дорогов-горец из дальнего селения Джерех, не застав Комиссии в Могуч-кале, поленился приехать во Владикавказ и просить только об одном, чтобы дали дешевую мануфактуру в кредит. Житель села Ардон—Дзугаев Сослан, из зажиточных сказал: „Мы знаем, что власть наша, да дорого все, купить не на что, вот в чем беда. Вы вот смотрите, а у меня на одной ноге ботинок, а на другой чувяк, сапоги стоят 30 руб., и чтобы их купить, надо продать 20 пуд. кукурузы. Пуд соли стоит 5 пуд. кукурузы, а ЕПО работает слабо. Была бы мануфактура и дешевле товары, а также и твердая монета, а в остальной справимся“.

Партия и советы.

Бумага заедает.

При обзоре деятельности обследованных ячеек, прежде всего бросается в глаза, что деятельность их протекает, главным образом, под знаком всевозможных „кампаний“, начиная от кампании по сбору налога и кончая кампанией по воздухофлоту. Между тем, в той самой станице Ильинской, Кубанской области, где была проведена последняя кампания под флагом Комитета Общественной Взаимопомощи, о чем упоминали выше, существует лавочка частных торговцев и никакой работы среди батрачества не ведется. Конечно, нужны и кампании, но при крайне ограниченном количестве работников в деревне, надо выбирать то, что важнее. В хутор Быстрянский, где ячейки нет, член волостной ячейки, находящейся в пяти верстах, приезжал лишь для собирания сельско-хозяйственного налога и для перевыборов Сельсовета. Во всяком случае „административно-командное“ начало еще преобладает в жизни ячейки над организационной и культурной работой.

Мы питаем большое пристрастие ко всякого рода планам, порой забывая, что план существует не для плана, а для более успешного выполнения стоящих перед нами задач, а эти задачи не всегда втискиваются даже в очень хорошие планы. Относительно упомянутой выше ячейки станицы Ильинской, Кубанской области, в обследовании указано: „ячейка работала по примерному плану, высылаемому Кавказским Парткомом и по плану, выработанному Волпарткомом, который был разработан бюро Волкома для руководств над всеми ячейками, но работа проводилась часто сверх плана, т. к. жизнь нарушала планы. И далее в обследовании отмечено: „план не выполнен сполна, потому что нет достаточных сил для его выполнения“.

План—хорошая, даже необходимая вещь. Но при построении плана, необходимо общие задачи сочетать с конкретными условиями, и прежде всего экономить силы деревенских коммунистов. А этого пока нет.

Мы все хорошо знаем, что в деревне мало работников, что пополнение кадра их—нелегкая задача, и тем не менее канцелярщина кое-где отрывает работников от непосредственной практической работы. В селе Старо-Марьевке, Ставропольской губернии, бумага заедает ячейку. Работает за ячейку лишь один секретарь, да и тот не очень грамотный. „Не успевает он один справиться с работой, несмотря на то, что работает он целый день. Так и держит он все дела у себя дома, чтобы свободную минуту можно было посвятить своей

канцелярской работе. Им в райкоме недовольны и ругают при каждом докладе и за каждый информационный отчет, который содержит 92 пункта с массой подпунктов. На все эти пункты надо дать обстоятельный ответ, а времени не хватает. Более или менее развитые члены партии сами по горло заняты работой".

В обследовании станицы Гиагинской отмечено, что много времени отнимает писание всяких докладов в Отдельский комитет партии и Областной комитет.

Надо разгрузить сельскую ячейку от бумажной работы, сократить до минимума отчетность, выбросив ненужные „пункты" и „подпункты".

Что делает ячейка?

Что делает ячейка? Более подробные сведения о вопросах, которые ставятся на собраниях ячеек, мы имеем относительно станиц Гиагинской и Ильинской. Здесь мы имеем неизбежный „текущий момент", вопросы международной и вообще „большой политики" и—меньше всего—насущные вопросы местной жизни. Между тем, в обследовании отмечается, что именно обсуждение вопросов местного значения вызывает особый под'ем.

Очевидно, наряду с вытравливанием из деревенской ячейки излишней канцелярщины, необходимо наполнить работу ее конкретным содержанием, связывая общие вопросы с конкретными задачами.

Однако, несмотря на загрузку неизбежной административной работой и бумажным делом, ячейки, во всяком случае в значительной своей части, сдвинули с мертвой точки политико-просветительную работу и порой, как, например, в станице Ильинской, достигли осязательных результатов. Здесь создан ряд кружков: политграмоты, марксистский (с участием учителей), хоровой, драматический, сельского хозяйства, литературный, спортивный, музыкальный, естественно-научный и грамчека. Из них работает политграмота, марксистский хоровой и грамчека, остальные в стадии развития. Клуба нет, не имеется и партийной библиотеки, а есть библиотека, но неважная, при избе-читальне, пользуются ею хорошо: все члены ячейки получают и читают. Из членов ячейки 5 членов выписывают газеты: „Советский Станичник", один „Бедноту", один выписывает журнал „Кубанский кооператор" и один „Известия ЦИК".

Точно также сносно поставлена политико-просветительная работа и в селе Виноделном, Ставропольской губернии, где работают две школы политграмоты; организуется кружок по изучению ленинизма. Хуже обстоит дело в станице Гиагинской, где никто из членов газет не выписывает, а многие совершенно их не читают, снабжение ячейки литературой носит случайный характер, большинство членов политически неграмотно. Еще хуже обстоит дело в селе Старо-Марьевке, Ставропольской губернии, где не ведется никакой культурно-просветительной работы, тогда как большинство членов точно также политически неграмотно. В этом, конечно, деревенские коммунисты неповинны, ибо, не имея ни надлежащего руководства, ни литературы, без помощи города они не смогут ничего сделать. Прежде всего нужна литература, литература и литература, расчитанная на рядового деревенского коммуниста, популярно написанная и связанная с практическими вопросами деревенской жизни.

Между прочим, следует отметить удачный опыт Ильинской ячейки, которой удалось привлечь к культурно-просветительной работе местную интеллигенцию.

Материалы обследования не дают исчерпывающего представления о работе ячеек, но все же имеется ряд указаний на то, что деревенские ячейки отор-

ваны от крестьянской массы и мало занимаются насущными вопросами деревенской жизни. Эта оторванность отмечена в Тарасовской волости, Донской области; в селе Старо-Марьевке, Ставропольской губернии; в станице Гиагинской, Кубанской области; где, крестьянская масса имеет „мало представления о том, что делает ячейка.“ При таком положении вещей, само собой разумеется, ячейка не может завоевать себе должного авторитета.

В обследовании станицы Ильинской мы находим указания на то, что начинания ячейки встречают „недоверие“ у крестьянства по причине деятельности ячейки в период разверстки. Однако, Ильинской ячейке удалось преодолеть недоверие крестьянства,—в ячейку обращаются за советами, идут с жалобами, единодушно выбирают в ревизионную комиссию ЕПО и КОВ.

Беднота, судя по обследованиям (ст. Ильинская, ст. Старо Марьевская, сл. Винодельное), остается вне сферы влияния ячейки, не втягивается в советскую работу, точно также, как отмечено в некоторых обследованиях, недостаточно влияние ячейки на кооперацию.

Из болезней деревенских ячеек указывается на хозяйственное обростание кое-где—на власть самогона и цепкость религиозных предрассудков. В станице Ильинской коммунисты, наравне с другими, празднуют религиозные праздники „по всем правилам“. „Пекут пироги, готовят лучшую пищу, самогон, зовут гостей и сами ходят в гости“, ячейка борется с этим. Последнее постановление ячейки по этому вопросу было таково: все члены ячейки—одиночки должны выбросить иконы из дома, а многосемейные выбросить иконы из своих комнат; всех соблюдающих религиозные обряды: крещение детей и венчание—исключить из партии.

Деревенский быт засасывает коммунистов, и его влиянию город должен противопоставить свое влияние: дать газету, книгу, живую, а не канцелярскую связь.

В работе среди женщин деревенские ячейки, судя по обследованиям, не могут нащупать правильного подхода. Ильинская ячейка, да и не она одна, никак не может сдвинуть эту работу с мертвой точки. Мы имеем слишком мало материала, чтобы судить о работе РКСМ. Однако можно полагать, что и Комсомол болеет теми же болезнями, какими болеет деревенская ячейка РКП.

Что нужно деревенской ячейке?

Что нужно деревенской ячейке? Мы полагаем, что прежде всего необходимо раскрыть деревенскому коммунисту глаза на ту работу, которая лежит перед ним в каждом данном селе и станице и которую никто, кроме него, не может выполнить. Но сначала надо помочь ему разобраться в сложных процессах, происходящих сейчас в деревне. Надо деревенскому коммунисту дать такую книгу и газету, которая помогла бы ему в его практической работе.

В деревне выкристаллизовывается на одном полюсе кулак, а на другом—батрак, Батрачество становится значительным явлением в жизни Юго-Восточной деревни (а Юго-Восток—сплошная деревня). Организация распыленного сельско-хозяйственного пролетариата и работа среди него выдвигаются на первый план.

Кулаки и беднота.

На фоне расслоения деревни на зажиточных, середняка и бедноту, отчетливо выделяются происки нарождающегося кулака. Так, например, в этих целях гибко используется своеобразное разделение населения на „староселов“ и „новоселов“: среди староселов имеются безземельные, которых староселы согласны принять

в свое общество при землеустройстве, что же касается новоселов, то таковым общество в наделении землей отказывает. Верхи, пользуясь этим, откололи безземельных старoселов от безземельных новоселов и, таким образом, беднота на собраниях выступает дезорганизованно. Расщеплена, нейтрализована беднота, как целостная по своему положению группа и в силу того, что состоит в зависимости от более зажиточных (иногда родственников), свою зависимость считает вполне нормальным явлением.

Причина влияния зажиточных слоев на маломощные хозяйства коренится иногда в промахах низового советского аппарата, когда маломощные хозяйства не чувствуют к себе со стороны советского аппарата должного отношения при разрешении того или иного вопроса. И беднота порой блокируется с зажиточными слоями и поддерживает их во всех требованиях. Из обследования хутора Быстрянского видно, что на сходе группа кулаков, поддержанная маломощными хозяйствами, запрашивала обследователей: „Может ли общество ревизовать Сельсовет" и может ли Сельсовет работать, если его общество не избрало". Обследователь отмечает, что это ни больше, ни меньше, как симптом проявления активности кулаческой группы, главным образом, из эмигрантской среды. Их поддерживают и маломощные хозяйства, поскольку они не чувствуют, что Сельсовет работает в их интересах.

В селе Винодельном обследования указывают, что, не говоря уже о зажиточных группах села, даже маломощные хозяйства не имают к Сельсовету больших симпатий. Это об'ясняется, во первых—той неблагодарной работой, которую приходится вести Сельскому Совету по взиманию сельско-хозяйственного налога, во вторых,—малой творческой деятельностью и некоторой бесхозяйственностью, которую проявил Совет прошлого состава, во главе с товар. Кириченко.

Но зажиточные не остановились перед тем, что их список не был принят при перевыборах. Недавно на сходе по их инициативе была избрана специальная ревизионная комиссия, в которую вошли исключительно зажиточные крестьяне.

Предложения совета проваливаются на сходе по вопросу об образовании семенного фонда, дело отложили до нового урожая. Если отсутствие излишков хлеба в данном случае играло главную роль, то немаловажное значение имело также недоверие к совету.

Другим ярким примером в том же селе могут служить последние перевыборы ИКО. Список, предложенный Советом, был единодушно провален. Однако, те же лица прошли полностью при персональном голосовании. Тут уже сказалась принципиальная оппозиционность по отношению к Совету.—Подобные факты подтверждаются и другими обследованиями.

С фактами, говорящими о неспособности сельских и волостных властей помочь бедноте в ее слабом хозяйствовании бок о бок с прижимающими ее зажиточными хозяйствами, мы встречаемся в разных областях работы низового аппарата: наприм., в вопросах землеустройства, в делах взаимопомощи и т. д.

В Ставропольской же губернии, в селе Старо-марьевском общий сход постановил обложить 10 ф с души трудовой и нетрудовой и 10 ф. со скотины—на постройку водопровода. Беднота собрала и внесла сбор полностью, а зажиточные задерживают взнос: построится водопровод и не надо будет бедноте обращаться за помощью к лошадным зажиточным крестьянам для перевозки воды зимой, не надо будет отрабатывать в уплату за эту помощь на дешевых условиях летом, все это для зажиточного, конечно, невыгодно.

Успешнее, однако, повели дело зажиточные в упомянутой уже нами Старо-Марьевской волости, Ставропольской губернии; Исполком неоднократно поднимал вопрос о землеустройстве, но зажиточные упорно не делают раздела и на сходе забивают бедноту.

Беда.

Иногда зажиточные садятся на „предовские" и „зампредовские" стулья Исполкомов.

В селе Киевке, Ставропольской губ. „председатель Беда, Иван Данилович, —характеризует обследователь,—местный зажиточный крестьянин, лет 36 (род. в 1888 г.) держит почту, аккуратно получая с общества плату, имеет лошадей, коров, держит работника. Говорят, что Беда в память своего сидения в Совете решил построить мост через Маныч, снес для этого общественный амбар. Весной мост снесло, таким образом, обществу осталось в памяти сразу 4 события: сбор на постройку моста, разлом амбара, постройка моста и нет моста".

За все время своей работы Беда на сходе не отчитывался, вопросов почти не выдвигал. Никогда никакими репрессиями Совет не занимался, никого не наказывал, богатеев не пугал. Учтено ли Советом церковное имущество—никто не знает и т. д.

Сельсовет, которым все довольны.

Примером такого безличного Сельсовета, по данным комиссии, может служить Сельсовет с. Старо-Марьевки, Ставропольской губ.

Первый вопрос, который возникает при оценке деятельности сельской власти, это—какой слой он представляет и чьи интересы выражает, Старо-Марьевский Сельсовет представляет безусловно менее зажиточную часть населения, так как в составе его середняки и зажиточные составляют незначительное меньшинство, а бедняки маломощные—абсолютное большинство. Кроме того, в составе Совета имеется 42% (11 из 26-ти) коммунистов.

Гораздо труднее ответить на вторую часть вопроса, чьи интересы Совет выражает. Казалось бы—бедноты. Но реально этого „выражения" не существует ни в какой форме. Имеют ли основание зажиточные быть недовольными своим Советом. Тоже нет, так как Совет их не обижает. Например, имущество ушедших с белыми, осталось нетронутым; не поставлен предел к растущему экономическому влиянию зажиточных над бедными. Короче говоря, Совет не имеет определенной политической физиономии. Поэтому он не заслужил ни особой любви бедноты, ни особого недовольства противоположной части населения.

Дела у Совета очень много. Он тонет в бумажном потоке. Близость города лишь усиливает этот бумажный дождь, хотя до некоторой степени помогает улучшить чисто техническую постановку дела. Если во главе Совета стоит бывший рабочий-кустарь, член РКП т. Затерюкин, то канцелярией управляет прожженный человек, давно работающий по этой части и у земского начальника и спасавшийся от войны в госпитале и инженерной дистанции, некто Павин. Порядок он завел, и бумажка посылается аккуратным образом, куда следует и как следует. Когда говоришь с ним, как-то невольно у него получается, что все и вся держится лишь на нем одном, что не будь его—пропал бы Сельсовет, а тут до пропажи Советской власти рукой подать. Одним словом, порядок „по городскому" чувствуется повсюду. Но по сути дела, Совет далеко не справляется со своей задачей, агронома нет, ветеринара нет, зерноочисти-

тельного пункта нет, прокатного пункта нет, воды в селе нет, пожарного обоза нет и т. п. Правда, школы не зияют разбитыми окнами, но удовлетворительной работы тоже нет. Правда, имеется врачебный пункт, но медикаментов и инструментов, а следовательно, и лечения, тоже нет.

Правда, земельная комиссия как-будто работает и дела большей частью не отменяются, но результатов ее работы для бедноты тоже нет. Подлинное дело заменено бумажным. Да где и быть творчеству, когда Совет не имеет определенной физиономии, а работа поставлена на песке, которым является бюджет, имеющий в расходной части 10.401 руб., а в доходной—лишь 1.478 руб. 02 коп.

А тут еще постоянные неприятности. Налоговые инспектора, которых в год переменилось 5 чел., то и дело грозят отдать его под суд.

Волокита.

В станице Ильинской население знает все больные места хозяйственной жизни Исполкома. В частности о штатах говорят, что они велики, и это осложняет и запутывает делопроизводство: „Если бы их меньше было, а то плутаешься, плутаешься между ними, пока не забудешь, что тебе надо, посылают от стола к столу. Лучше бы их иметь меньше, да жалованье платить аккуратнее: они бы и работали лучше"...

Беспорядочность в волости действует удручающе. Толкотня, грязь, облака табачного дыма—все это создает впечатление трактира. Наблюдая за жизнью ВИК'а, видишь, как посетители приходят за делом, долго осматриваются, не решаясь ни к кому обратиться, наконец, терпение ожидания лопается,--робко подойдет то к одному столу, то к другому.

Бег на месте.

Обследование указывает много фактов старательности в работе низового аппарата, но нет у него уменья, нет у него средств и труды его походят на стремление сделать крупный переход старательным шагом на месте.

Например, Сельсовет села Винодельного (Ставропольской губ): Председатель—член РКП, крестьянин, без хозяйства, зам. председателя—беспартийный, бывший чабан, секретарь—член РКСМ. В работе все старательны, но по признанию самого председателя Совета с половиной своей работы он не справляется. В общей массе еще отсутствует в достаточной степени квалифицированный и выдержанный ответственный работник сельских и волостных органов; встречаются на местах и непригодные для работы в низовом аппарате представители власти.

Но состав сельских и волостных аппаратов далеко не везде удовлетворяет своему назначению. Выше мы уже познакомились с одним из председателей Сельсовета Бедой, действующим на своем ответственном посту, очевидно, по принципу: своя рубашка ближе к телу.

Упомянем, между прочим, о народном следователе участка села Винодельного—„совершенно не считавшегося с декретами и дебоширившего так, что его долго будут помнить окрестные крестьяне". Принимал в его дебоширствах участие и милиционер. В том же селе—судья, крестьянин, коммунист с 1918 г., имеющий свой дом, пару лошадей, в прошлом году (усиленно поговаривают крестьяне) засеял где-то на стороне на Туркменской земле (чтобы избежать нало-

га) 40 десятин. Человек вялый, малоповоротливый в делах, плохо интересующийся ими. Председатели и члены президиумов Исполкомов в большинстве своем —коммунисты, в селах по преимуществу крестьяне из коренных жителей. Связь ответственного состава с партией, рабочим классом и местным коренным крестьянством в лице этих работников, таким образом, как будто установлена надежно. Но фактически она прорывается то там, то здесь такими, примерно, явлениями: работник малограмотен, плохо справляется с работой или на свое хозяйство отвлекается, или выпивает, или не инициативен, нет административных способностей, нехозяйственен, кругом в родстве и свойстве, по ногам и рукам спутан или—обратно—пришлец, чужак, которого только в силу этого одного долгое время не долюбливают и т. д. и т. п.

Ответственная работа в станицах и селах, помимо чуткого учета всех особенностей вообще и данного села или станицы, в частности, и непременной, безусловной хозяйственности работника в общественных делах, требует по своему разнообразному содержанию и особой разносторонности качеств работника. Естественно поэтому, что подбор председателя и членов президиумов нередко оказывается мало удовлетворительным; точно также и в техническом аппарате встречаем людей, которые должны-бы быть далеко за его пределами. Тип секретаря: „прожженого человека", умеющего только угождать начальству и угодить ему, секретаря—формалиста, для которого существо дела—нуль, но лишь-бы форма была, секретарей, у которых под наблюдением большой не по плечу им делопроизводственный аппарат, в котором один перегружен, другой болтается и т. д.

Город пока еще не дал низовому аппарату необходимых сил и хорошего руководства. Наоборот, явления оторванности города от деревни отмечаются всеми обследованиями, а также отмечается и дезорганизующее, неумелое руководство города деревней.

Эту оторванность низового аппарата от города устранить трудно, и удастся это сделать не скоро. Нет, однако, оправдания таким фактам, когда низовой аппарат получает себе в работники от города совершенно негодных людей или столь же негодные руководящие указания и распоряжения.

Так, в Старо-Марьевском селе, Ставропольской губернии, особенно памятными дли сельсовета остались два налоговых инспектора, которые, прибыв в село, распекли волисполком, обещав отдать его под суд и указав, что в их практике это случалось не раз; затем началось пьянство, взяточничество и т. п.

Заезжающие в село Киевку, той же губернии, налогинспектора опять-таки держат себя вызывающе. По сообщениям крестьян „не спросит, а обложит матом, да и вся недолга".

Председателем Орловского ВИК'а было заявлено обследователю: „Вот только и занимаюсь встречей и проводами разных комиссий, приезжающих от краевых учреждений, от областных и окружных, которые не дают продуктивно работать не только ответственному составу волисполкома, но и всему техническому составу". „Между прочим,—говорит далее председатель,—ни одна комиссия не дала практических указаний и не говорит, где у нас плохо, где хорошо, а все требует „аршинных" сведений, на составление которых уходит большая часть времени всего аппарата". То же подмечено и на Кубани.

Нужно вместе с этим отметить, что посылка ведомственных комиссий и представителей иногда является не хорошим руководством низовым аппаратом, а хорошим тормозом в его работе, ибо пред'явление требований низовому аппарату в области выполнения работы того или иного ведомства отрывает низовой аппарат от той плановой работы, которую он сам себе, хотя и не полно, наметил.

Нет средств.

Следующее зло—нищета. С ней нам придется сталкиваться не один раз в дальнейшем. Длинный ряд самых элементарных нужд остается без удовлетворения, хозяйство, остающееся без ремонта, разрушается, работники не получают содержания и бросают работу. Расходные статьи волостных бюджетов „исполняются“ урезыванием, доходные статьи не выполняются на 90%.

Почти повсеместно полная необеспеченность работников содержанием. Вот некоторые цифры. В станице Ильинской на Кубани: председ. ВИК получает 44 руб., члены—42 руб., начальник милиции—14 руб., милиционеры—8 р. 40 к., счетовод—10 р. 80 к., сторож—7 руб. Отмечено бытовое явление: начальник милиции женился из-за куска хлеба на женщине много старше себя по возрасту. Старший милиционер—тоже. Учительство в 1921—22 г. вовсе не получало жалованья, в 1922—23 г.—8 мес. получали по 8 пудов пшеницы в месяц, сейчас получают по 14 руб. 50 к. по 10 разряду и до 20 р. по 14 разряду, а на местном базаре цены „неимоверно высокие“. Побочные заработки: вязанье платков и фуфаек (25—40 рабочих часов—1 пуд. пшеницы), шитье платьев, туфель, сапог, батрачество и т. п.

В селе Винодельном, Ставропольской губернии, работники по несколько месяцев не получают своего содержания или получают лишь частично.

Лучше обстоит дело по Донской области, но на вопрос о желательном минимуме оплаты работников разных категорий редко слышалась цифра, совпадающая с фактически выплачиваемой.

Изыскание средств заставляет местную власть изощряться в изобретении „об‘ектов обложения“ и в требовании по выполнению этих сборов, не считаясь с имущественным положением крестьянского хозяйства. В селе Киевке, Ставропольской губернии, смета Совета составлена с дефицитом в 5090 руб., но Уфинотдел вышел из создавшегося положения очень просто, предложив Совету добрать сверх единого с.-х. налога недостающую сумму. Сход обсуждал вопрос, брал половину расхода, т. е. 2500 руб., но, благодаря умелому подходу председателя, мужики согласились собрать все и разложили на рогатый скот и едоков, каких бы лет ни был. Ждут утверждения Райисполкома и сразу приступят ко взысканию.

Инициативу к сбору Совет проявлял неоднократно, так, собирали по 6 кизяков с скотины на отопление Совета. Обложены по 10 р. ветрянки. Брали по 4 миллиона за бланк заявления о снятии налога по стихийным бедствиям. Был, между прочим, случай, когда бедная вдова, не имевшая денег на уплату за бланк, пропустила все сроки подачи заявления и теперь привлекается к суду...

В Старо-Марьевской волости Ставрополья все, что можно обложить налогом,—обложено и еще что нибудь выдумать обложить, по мнению всех находившихся во время обследования в Совете, нельзя: ничего не обложенного не осталось. В хуторе Быстрянском обложили сборища молодежи (!) гармонистов, балалаечников и др. Эти обложения не всегда оправдывают те нарекания, которые сыпятся на голову изобретателей со стороны населения.

Школа и учитель.

Нетерпимо плохо, подчас кошмарно обстоит с просвещенским делом. Скудное нищенское просвещение по местам, скорее затуманивание, чем просвещение, и почти повсюду—мученичество и учащихся и учащих. Это и в самом деле настоящий фронт борьбы, похожий на красноармейский фронт.

О школе в Киевке (Ставроп. губ.), пишет обследователь, следующее: „Учительский персонал с ноября не получал ни копейки содержания. Часть учительства, устроившаяся на заработок у богатых мужиков, еще как нибудь существует, а оставшиеся только в школе буквально голодают. Нам представилась в одной из школ такая картина: высокая большая комната, наполненная дымом от топившейся испорченной печки, холод как на улице. На лавке, напоминающей собой кровать, сидит ребенок, девочка лет 10—12, поджав ноги, в одной грязной рваной рубашке, накрытой дырявым старым мешком, данным каким-то сердобольным соседом, и плачет, просит есть. Весь вид ребенка напоминает голодающего в 1921 г. Мать, учительница школ, печет в печке лепешки из муки, которую принес из жалости какой-то ученик из школы. И больше в комнате ничего не было. При нашем входе учительница выпрямилась и подошла, чтобы не упасть, все время держалась за стенку. Лицо ее, распухшее, землистого цвета с синими мешками под глазами говорило о том, что человек голодает самым настоящим образом. В других школах Киевки немного лучше, но все же очень тяжелое положение. Везде слышали один вопль: „Дайте хоть мало-мальски сносное существование и накормите в первую очередь". О какой либо работе по переподготовке нет и речи. Из уезда или района никто не приезжал. Газет нет и никто их не читает. Учительница более обеспеченная, не знала, кто на месте Ленина в Совнаркоме. Исполком не имеет ни средств, ни топки (что имел—дал) да и „весна близка". Родители учеников имеют соломы мало и доселе восстанавливвют с'еденные во время голодовки крыши. Посещаемость, несмотря на плохую погоду и распространенность малярии—высокая (отсутствует не более 10% учащихся), в большинстве по болезни.

Учебные пособия (кабинеты, карты, картины, таблицы, и пр.) почти все за время гражданской войны и голодовки расхищены и истрепались; имеется в самом ограниченном количестве лишь в школе 2-й ступени да и то весьма устарелые, в прочих школах 2-ой ступени по постановлению школьного и попечительского советов введен одновременный сбор с имущих родителей (10 пудов зерна в год), но взносы поступают очень слабо (внесено около 5% установленного количества). На собранные деньги куплено немного книг и 3 карты (очень плохие).

Возьмем несколько примеров для характеристики учительства. В станице Гиагинской, Майкопского отдела, на Кубани не все дореволюционное учительство работает в школах, часть его заменена малодыми педагогами. 5 человек перешло на другую работу, главным образом в кооперативные организации или госорганы. Ушли из школы, вследствие низкой оплаты труда. Тяга из школы среди учительства еще и теперь наблюдается, но в меньшей степени, 30% состава учительства в станице не обладает нужной квалификацией и нуждается в довыучке, большая же часть остальных самообразованием занимается слабо и нуждается в замене. Молодая часть учительства методически менее опытна, нуждается в углублении своих знаний, будучи более активна и гибка, она скорее воспринимает идеи трудовой школы, охотней откликается на обращение к ней, к призыву к общественной работе, но нужного языка для крестьянской массы у нее не имеется.

Формальное отношение к обязанностям наблюдается со стороны старых школьных работников, в результате чего они не пользуются авторитетом среди населения. Необходимо пополнение новыми педагогическими силами школ, в особенности, школы II-й ступени. Материальная необеспеченность не устранила тягу к другой, лучше оплачиваемой работе, хотя теперь она значительно ослабла.

При отсутствии средств на культурно-просветительную работу на местах, в силу чего труд привлекаемых к ней школьных работников не оплачивается совершенно, они неохотно принимают в ней участие.

В антирелигиозной пропаганде школьные работники не используются, сами церковь не посещают, но от религиозных предрассудков многие еще не отказались.

Средняя плата в месяц учителя первой ступени в 1914 г.—54 руб., в 1917 г.—60 руб., в 1922 г.—10 пуд. пшеницы, в 1923 г,—18 руб., в январе 1924 г.—то же самое.

Больница и врач.

Приходится сказать, что в деревне Юго-Востока в общем очень недалеко ушло от просвещенского дела и дело здравоохранения. Все прочие, общего характера, бедствия: безлюдье, безденежье, цепкий быт—здесь усложняется положение и тем, что, нет инструментов, нет медикаментов. Дело до того доходит, что остается красоваться одна только амбулаторная или больничная вывеска, а у врача даже и трубки для выслушивания нет. Так в Старо-Марьинской волости, Ставропольской губернии, имеется врачебный участок с амбулаторией. Однако, в последней нет—ни лекарств, ни инструментов. Исполком оказывает помощь, но такую незначительную, что она не заметна. Иногда доставляется вода, топливо. Хотели сделать посерьезнее ремонт, но вопрос поставили на сход, а он отклонил. Участок обслуживается врачем (женщина), который выезжает для осмотра трупов по вызову милиции (указали три случая). Выделена санитарная комиссия, которая к работе не приступала. Сельсовет ничего не сделал для улучшения питьевой воды, несмотря на то, что она очень плоха, с примесью каких-то минералов, вредных для здоровья. В будущем проэктируется проводка водопровода за 7 верст, для чего начат сбор. Санитарный надзор слаб, базаров в селе нет, кладбище предоставлено церковному совету.

Проводили в селе прививку оспы поголовно всем школьникам, частью советским служащим. Об'являли на общем сходе о прививке желающим гражданам холеры, но желающих не нашлось.

Дети по школам осматриваются, но не выслушиваются, в виду отсутствия у врача трубки, осматриваются и арестованные, но очень редко, был только один случай.

В селе Киевке той же Ставропольской губернии фельдшерский пункт и опять таки без лекарства, без инструмента и даже без самого фельдшера, уехавшего в Ставрополь на курсы и повидимому с намерением обратно не возвращаться. За 22 версты, в селе Джалгы имеется лечебный участок, но врач при нем на дальние вызовы отвечает обычно внезапным захварыванием. Выделена в селе санитарная комиссия, но где она и из кого состоит, обследовавший добиться не мог.

Прививку оспы „кому-то" делали—кому и сколько именно, не знают. Школьников не осматривали и т. п. и т. д.

Село почти наполовину переболело малярией.

В Орловской волости, Сальского округа, Донской области—одна амбулатория, при ней палата на 5 коек. Первая еще кое-как работает, хотя в январе месяце обходилась, например, совершенно без топлива и постоянно испытывает острый недостаток в медикаментах. А в палату с ее абсолютно голыми койками больные с самого лета не ложатся: всего за полугодие прошло 12 больных детей из детского дома.

В селе Винодельном, Ставропольской губернии, имеется врачебный участок и больница на 30 коек, но последняя без топлива, белья, посуды и медикаментов, почему и не функционирует.

Суд.

Суды и следственные власти не справляются с нагрузкой. Следствие и судопроизводство превращаются в волокиту и вызывают ряд недоразумений и нареканий. В частности, в делах о самогоне, — самогон отбирается милицией у всех на виду и на слуху, а разбора дела долгое и весьма долгое время не слышно и не видно.

С судом села Винодельного, например, мы уже встречались: судья мало подходящий работник, дела, в отличие от собственного хозяйства, в беспорядке, движение дел не менее года в среднем. Авторитетом суд не пользуется. То же самое отмечается и по Тарасовской волости, Донской области.

Милиция.

В отношении милиции следует отметить, что по местам сеть ее слишком тонка, а работники часто неудовлетворительны.

Развитие самогона—хороший показатель слабости милиции: энергичная работа милиции неизменно приводит к сокращению винокурения. А таких „самогонных" мест еще достаточно.

Встречаются и иные факты, например, в селе Винодельном, Ставропольской губернии, милиция беспрерывно боролась с бандитизмом и тем заслужила признательность населения.

Достижения.

Ответственный состав, например, Гиагинского волисполкома все коммунисты. Оценка отдельных работников дана различная: один из них охарактеризован, как недостаточно инициативный и слабый администратор. Но в целом „среди населения волисполком безусловно пользуется авторитетом и доверием, как в иногородней его части, так и казачьей, за свою работоспособность и правильный подход к населению". С работой волисполкома население знакомо по его отчетам, докладам в отдельных областях деятельности на районных собраниях и обще-станичных.

Гиагинский ВИК: земельные и налоговые вопросы занимают около 75% внимания Волисполкома; довольно часты выезды на места по Сельсоветам, выезды эти дают хорошие результаты; не реже одного раза в месяц делаются выезды по предприятиям в волости специально выделенного для охраны труда члена ВИК'а; землеустройство проведено; ВИК пригласил участкового агронома, являющегося и зав. агропунктом; засеяно показательное поле в 70 десятин; ВИК снабжает дровами школы, больницы, детдома, производя их закупку

в других волостях, т. к. в Гиагинской волости лесов нет; для улучшения и развития коневодства ВИК'ом открыт случный пункт, на котором имеется три хороших производителя, приобретенных на местные средства; для борьбы с эпидемией приглашен ветврач и ветфельдшер; для школы приобретено ВИК'ом учебных пособий на 470 руб., во всех школах произведен ремонт, открыта в станице Гиагинской центральная изба-читальня; закуплены перевязочные средства, хина для аптеки и т. д.

Вполне определенно мы должны подчеркнуть, что низовой аппарат будет вполне, может быть, обеспечен добросовестной и сознательной поддержкой подавляющей массы наличных в деревне культурных работников—учительства, медицинских работников, агрономов и т. д., при том условии, если будет хотя бы до известной степени дана им возможность сносного существования, поддержания связи с культурными очагами, с книгой, газетой и т. д.

Отмечено местами, что учителя совсем „окрестьянились"—не отличались от крестьянина, „только обувь похуже".

В станице Ильинской на Кубани—„учащие могут и хотят работать (доказали это, оставшись на местах в эпоху голода и почти не получая содержания в течение 2-х лет) и горячо стремятся быть в курсе новейших педагогических начинаний и расширить политический кругозор. При всей своей бедности учащие отчисляют по 1 руб. в месяц на выписку газет и журналов; организовали марксистский кружок, который собирается для заслушания научных и политических докладов 2 раза в неделю. Доклады делают сами учащие. Отсутствие средств, пособий, книг, ужасная материальная обстановка, тяжелые условия труда—некоторых доводят до отчаяния.

„Нет времени и сил быть культурным деятелем и хорошим учителем"—жалуется заведующий 1-ой школы 1-ой ступени, один из лучших работников,—„в день даешь четыре урока, нужно и нам готовиться, 2 раза в неделю кружок—нужно и самому читать и готовить доклады; постоянно на очереди празднества, юбилей, концерты, спектакли и пр., нужно вести политпросвет секцию (они возглавляются школьными работниками), а дома семья, дети, нет топки, сына не в чем послать в школу (этот факт обследователь подвердил опросом прочих учителей). „По ночам шью сапоги и ношу солому, купленную на топку".— Вид этого работника (как у большей части других) самый болезненный.

Ком'ячейка и Исполком живут с учительством в теснейшей дружеской спайке и отзываются о нем с самой лучшей стороны. С своей стороны таково же отношение к Исполкому и ячейке школьных работников.

В той же станице врачебный персонал пользуется широкими симпатиями населения, сработался с Исполкомом, ведет санитарно-просветительную работу знахарство почти исчезло.

Ильинский ВИК на Кубани: 1) содействовал сельскому хозяйству— производилось протравление семян и очистков; организован зерноочистительный пункт; в станице Ильинской всю кампанию работало 4 куколеотборника; подготовлялась борьба с вредителями; приобретен трактор Фордзон, учтены улучшенные производители и нормировано их использование; произведено землеустройство; 2) по охране труда произведен учет сельско-хозяйственных батраков сроковых и годовых, 3) благоустройство станицы; приступлено к ремонту колодцев, на что ассигнованно ВИК'ом 150 руб. разложена на

население работа по приведению в порядок мостов и дорог, 4) отпущены средства на ремонт пожарного обоза, 5) производился текущий ремонт одиннадцати общественных домов волости, 6) в детдоме учреждено шефство над детьми в форме десятков хозяйств; к каждому десятку прикреплены определенные дети. 7) ВИК отремонтировал больницу и снабжает ее топливом.

Сельсовет села Винодельного, Ставропольской губернии, отремонтировал одиннадцать зданий на местные средства (2.317 руб.), хотя в целом ряде других направлений (школы, здравоохранение и т. п.) или ничего или слишком незначительно помог.

Что нужно?

Ясно, прежде всего, что одними обследованиями. указаниями, предписаниями и кратковременными (хотя бы и ударными и повсеместными), организующими наскоками на совапларат деревни, последнего не излечишь.

Необходимо, не оставляя настойчивого, упорного вовлечения в работу тех советских сил, которые есть в деревне, действовать вместе с тем и более срочными средствами.

Чистка личного состава низового аппарата и вдумчивая замена его работниками города, на началах соответствующего отбора; надо изыскать средства для деревни; пересмотреть организацию работы городских органов, входящих в непосредственные отношения с деревней по вопросам организации деревенского аппарата.

Наконец, может быть целесообразно выделить несколько волостей в целях постановки опыта более совершенной организации деятельности волостных и сельских аппаратов. В состав ВИК‘ов и Сельсовета этих волостей должны быть назначены более подготовленные для этой работы товарищи и отпущены достаточные средства для широкой постановки работы. Над деятельностью их должно быть установлено постоянное наблюдение и руководство. Такие волости могли бы служить образцовыми и показательными для окружающих волостей и, вместе с тем быть опытными станциями для изучения условий деятельности ВИК‘ов и выработки общих мероприятий по улучшению низового советского аппарата.

Партия в горской деревне.

Деревенские ячейки слабы как количественно, так и качественно. Наряду с политической неграмотностью мы встречаемся здесь и с технической неграмотностью. „Шатания и уклоны,—отмечает обследование—среди членов партии в деревенских ячейках—обычное явление". В одном из своих протоколов Алагирский райком РКП пишет: „Наш район далеко отстает в политическом отношении".

В Горской деревне в ячейке сел. Кантышево из 21 членов партии 12 неграмотны совершенно, 7—малограмотны. Вот образец постановления этой ячейки:

„Постановили“: 1) вопрос о недоразумении принимаем во внимание важность о недоразумении просим Ком‘ячейка без штембл и без подсек ком‘ячейка. Ми без штембл и без под. Как небудем утвердить и поверит и поручат на имя ком‘ячейка и словами и бумашка просим проверит и непринем бел шигенбл под. сек. ком. ячейку. 2) вопрос о канцелярии получены нами рами стеклом но ми желаем дверь Копы тут.

Все же, несмотря на слабость сил и все недостатки, эта ячейка живет и своими слабыми силами старается разрешать все вопросы текущего дня. Ячейка обсуждает все вопросы, как партийного, так и советского строительства и довольно чутко реагирует на все запросы местной жизни.

Обследование отмечает, что в советских органах влияние партии есть, но с кооперацией дело обстоит хуже—туда кое-где (Сунженский окр.) пролезли кулаки. Комитеты взаимопомощи „значатся только на бумаге“.

Работа среди женщин не организована; а молодежь хотя и „стремится в комсомол, но сдерживается волей семьи“.

Отмечается отсутствие работы в масах и неумелый подход к ним. Но практические мероприятия—постройка Осинского канала, обсуждение на собраниях деловых вопросов заставляют население относиться к коммунистам, как к строителям деревенской жизни.

И здесь мы должны отметить, что бумага заедает горскую ячейку. Комунисты получают в довольно значительном количестве различного рода циркуляры и письменные распоряжения выше стоящих парторганизаций, но очень мало инструктируются лично, при чем характер инструктирования носит зачастую шаблонный характер. Так, алагирский райком, гласит обследование,—представляет из себя передаточную инстанцию распоряжений округа и руководства ячейками не осуществляет. Плохо обстоит дело с работой по втягиванию сельской бедноты и батрачества в работу партийного и советского строительства.

Беднота и кулаки в горской деревне.

Зажиточное крестьянство чутко прислушивается к политике партии и советской власти, оно интересуется и выборами, и денежной реформой и различного рода мероприятиями в области сельского хозяйства. Политика в жизни зажиточного крестьянства становится насущным вопросом дня и оно вполне сознает, что его выгода или потеря зависит от того, как оно будет реагировать на те или иные явления политической жизни. Примером служат: выборы ячеек содействия РКИ в ст. Слепцовской—проваливается беднота, проходят кулаки, вопрос переселения с гор на плоскость (Ингушетия, сел. Могучкал и Эгучкал Джераховского О-ва). Крестьяне заявили, что „за отсутствием, средств мы не могли попасть в списки переселяющихся, а зажиточные попали все, они знают порядки и законы, они часто бывают на собраниях и в городе, а мы бедны и не можем везде бывать и знать, вот и остались в горах, а богатые переселились“.

Отношение населения к Советской власти характеризует следующий факт:

На одном из сходов в 1923 г. один из мулл, касаясь отношения к Советской власти, охарактеризовал отношение последней к народам Востока, примерно, следующим образом: „Советская власть, освободив нас, зовет Восток к освобождению от западных поработителей; мы должны итти бок о бок с этой властью“.

Настроение деревенской массы в пользу Советской власти; население понимает, что последняя есть, действительно, власть рабочих и крестьян защищает их имущество. Но от этого далеко до активного участия в строительстве.

Быть членом Совета, значит, для них отбыть общественную повинность. В горном селении Цей, например, один член Совета о работе в последнем выразился так: „Я уже был членом Совета, теперь твоя очередь“. Причины стремлений граждан ускользнуть от общественной работы в качестве членов Совета станут ясными, если учесть, что члену Исполкома необходимо еженедельно спускаться с гор на заседание в Исполком, находящийся от Цея на расстоянии в среднем равным 15 верстам, для чего приходится гнать свою лошадь, бросать свое хозяйство и тратить время.

Советы в горской деревне.

В материальном отношении Исполкомы Горской республики находятся в очень тяжелом положении. Во всех Исполкомах мы встречаем большую нужду в канцелярских принадлежностях, которые получаются в очень ничтожных размерах, благодаря чему им приходится сидеть порой без бумаги. В Ардоне, например, в день приезда комиссии в Исполкоме не оказалось ни одного листа бумаги! В Слепцовском Исполкоме нет лампы и керосину, помещение освещается фитилем, который принес сторож, помещение всю зиму не отапливалось; круглая печать Исполкома настолько утратила свой первоначальный вид, что были случаи ареста граждан Слепцовской станицы, пред'являвших удостоверения с этой печатью при выезде их по делам в другие селения по подозрению в подлоге документов.

Исполком также не имеет помещения, в течение 6 месяцев занимает дом у одной бедной вдовы без всякой платы, так, что она теперь подала на Исполком в суд.

Заработная плата председателя, его заместителя и секретаря в Ардоне—20 р., в Кантышеве—по 9 р., в Слепцовской председатель получает 18 руб.

Из приведенных данных видно, что зарплата чрезвычайно низка, тем более, что фактически рыночные цены в деревне ничуть не уступают Владикавказу, а в Слепцовской, например, некоторые предметы даже дороже, при чем особенно низкой является зарплата для Кантышевского Исполкома; неудивительно поэтому, что б. председатель и секретарь оставили службу из-за материальной необеспеченности и теперь собирается уходить нынешний секретарь.

Из этого скудного жалованья в январе у секретаря Кантышевского Исполкома, как и у всех работников советских учреждений Назрановского округа удержано было 2 р. в фонд для приобретения для школ Назрановского округа канцелярских пособий. Жалованье получают на местах несвоевременно, так в Ардоне жалованье за январь и февраль не получено, а также не получено жалованье за июль месяц 1923 г., за сентябрь недополучено 60%. Там даже был случай, когда пришлось по постановлению суда выплатить б. членам Исполкома за невыдачу зарплаты 190 руб. кукурузой из имевшегося в Исполкоме фонда.

В станице Слепцовской заработная плата за последние месяцы выдается довольно аккуратно, что об'ясняется нахождением в этом селении окружных центров. За жалованьем приходится ездить, в виду отсутствия регулярной связи, из селений в округа каждый раз, что представляет большие неудобства.

Окончательно обесценивалась зарплата еще в виду потерь на курсе. Так, например, председатель Слепцовского Исполкома несколько раз вынужден был терять на курсе, т. к. для того, чтобы обратить падающие совзнаки в какой нибудь продукт, приходилось несколько дней ждать, пока настанет базарный день и пока можно приобрести то, что является необходимым.

В довершение этого по Владикавказскому округу распоряжением председателя окружного Исполкома совсем приостановлена выплата жалованья, впредь до внесения населением причитающегося с него налога.

Из районных Исполкомов был обследован Алагиро-Ардонский районный Исполком, обслуживающий 16 селений, разбросанных в горах и на плоскости. Председателем Исполкома состоит тов. Ботуев (член РКП (б), работает в Исполкоме с 10 января 1924 г.; общий штат Исполкома—4 чел. ответственных работников и 4 чел. технического и обслуживающего персонала. Волостного бюджета и волостных источников дохода нет, средства получаются из округа, который непосредственно ведает находящимся в районе государственным имуществом (фруктовые сады, национализированные дома и проч.). Районный

Исполком является промежуточной инстанцией между низовым советским аппаратом, сельским исполкомом и округом; этот исполком, как и все прочие районные Исполкомы, организован был 6 месяцев тому назад.

Вся работа последнего исполкома выражается в механической пересылке, поступающих из округа циркуляров, которые здесь, в Райисполкоме, размножаются. Собственной инициативы в работе у Исполкома нет. Один ардонский житель, в беседе с комиссией, производившей обследование, по поводу деятельности Райисполкома, довольно правильно заметил: „Исполком ничего не знает", Райисполком совершенно оторван от своей периферии плоскостных, а тем более нагорных Исполкомов. Причина—отсутствие руководства, кроется, по мнению комиссии в следующем: 1) слабость самого Райисполкома а это является самым главным фактором; ясно, что при собственной слабости, Райисполком не в состоянии устранить слабость других аппаратов; 2) отсутствие средств передвижения лишает возможности сноситься с районами и 3) наличие между областью и сельсоветом двух промежуточных инстанций (округи, район) парализует у последнего инициативу. В выдвигаемых жизнью вопросах разбирается плохо, что видно из помещаемого ниже приказа, изданного Исполкомом в день смерти Ильича. Этим приказом Исполком прекратил работу во всех учреждениях на 3 дня.

Приказ № 10

по Алагиро-Ардонскому району.

„23/I—24 г. с. Алагир.

Настоящим об'является всем Исполкомам, парторганизациям, всем казенным и частным организациям, а также отдельным гражданам района о весьма грустном и великом событии в истории русской революции—смерти вождя рабоче-крест. революции В. И. Ленина. В ознаменование столь великого события приказываю:

1) во всех учреждениях, находящихся в районе, в течение 3 дней, считая с сего числа, никаких занятий не производить."

Получение газет поставлено слабо. Районные исполкомы получают центральные и местные газеты, что же касается сельских исполкомов, то центральных газет они вовсе не получают, а местные газеты получают 1/5 всех исполкомов. Вообще снабжение газетами носит случайный характер, в виду отсутствия налаженного сообщения и вообще нормальной связи по области. Газеты, как впрочем, и другие материалы, получаются оказией с большим опозданием. В Горской республике издается, кроме того, одна газета на ингушском языке, но читать ее, однако, местное население не может, так как она печатается на непонятном для многих латинском шрифте. Ознакомление исполкомов со всеми происходящими событиями в большинстве носит случайный характер; исполкомы, главным образом, питаются сведениями, собираемыми время от времени, на митингах, устраиваемых работниками, приезжающими из выше стоящих центров.

Школами хуже всего обеспечен Назрановский округ.

Внутри округов школьная сеть распределена не совсем равномерно. Так, имеются школы в незначительных селениях, в то время, как в крупных селениях они отсутствуют; часть школ закрыта, из-за ремонта, в некоторых местах школы помещаются в совершенно неприспособленных помещениях. Оборудование в большинстве школ неудовлетворительное, и главным образом, недостаточное, в силу чего занятия ведутся в 2 смены.

С учебными пособиями обстоит плохо. *Во многих школах занятия ведутся по старым учебникам;* в с. Цей, за отсутствием канцелярских принадлежностей, с детьми письменные занятия не ведутся до снабжения школ канцелярскими

принадлежностями; дело обстоит так плохо, что Назрановский исполком в январе месяце вынужден был произвести удержание от всех ответработников округа для покупки канцелярских принадлежностей; школьные библиотеки, там, где они имеются,—а их очень мало,—состоят из старых книг, больше бывших семинарий. В Назрановском округе, по бытовым условиям, обучаются только мальчики, девочек нигде в школах нет, за исключением одной. Обучение ведется на русском языке, за исключением 2—3 школ, где первый год занятия ведутся на местном языке.

Интерес к школе со стороны населения огромный; к учительству отношение хорошее; все желают учиться, чему мешает, однако, бедность населения и отсутствие школ; многие не могут посылать детей в школу за отсутствием обуви и одежды. У крестьянина Караева (сел. Ардон) раньше ходила девочка в школу, но из-за отсутствия обуви простудилась, заболела и умерла; боязнь потерять других детей останавливает его от посылки в шкоду; тяга к ученью наблюдается даже среди мулл.

Заработная плата низка, обеспеченность среднего преподавателя—20 р., получают жалованье несвоевременно, приходится за ним ездить во Владикавказ, так что учитель села Цей должен ехать за 100 верст (а в два конца—200 верст) и пока он привезет свое жалованье, у него 13 дней пропадает. По этим причинам учительство смотрит на свое занятие, как на побочный заработок; интерес у учительства к налаживанию школ большой. Учительство кое-где даже разбегается, между тем привлечение новых людей сюда по местным условиям является совершенно невозможным.

Несмотря на незначительность медицинской сети, все же надо сказать, что дело оказания помощи находится, по сравнению с мирным временем, в лучших условиях, т. к. до революции вообще организованной помощи не существовало. Снабжение лечебных пунктов медикаментами, инструментом, топливом, предметами ухода за больными—неудовлетворительно. В обследованной нами Ардонской районной больнице оказался большой недостаток в подушках, одеялах, ложках. и проч. В амбулатории ст. Слепцовской оборудования почти никакого не имется, инструменты в значительной мере отсутствуют, как и прозодежды для врачей, перевязочные средства также отсутствуют. Во время приема больных персонал работает без халатов. За отсутствием топлива, помещения не отапливаются и персонал работает в верхней одежде.

В Ардонской малярийной станции, за отсутствием спирта, дезинфекция кожи, игл и шприца производится двойной аракой, которую приносят с собою больные. Холсты, хотя вообще и имеются, но нет средств для их мытья и пользование ими вообще невозможно, т. к. по размерам они подходят только на ребенка и стесняют движения. Приходится работать без халата, что не всегда безопасно, т. к. среди больных имеются чесоточные.

Аптек очень мало. По Владикавказскому округу имеется 3 нормального типа аптеки, сданные в аренду, а в Сунженском нет ни одной. Характерными болезнями для Горской республики являются: малярия, сифилис и бугорчатка. Значительная заболеваемость малярией, помимо общих причин, вызывается еще антисанитарными условиями жизни и плохим питанием горского населения. Малярия из года в год увеличивается, вот цифры: 1921 г.—16.582 заболеваний (зарегистрированных), 1922 г. 27,910, 1923 г.—34,554. Фактически заболеваемость значительно больше, т. к. много больных вовсе не лечатся за отсутствием помощи; во Владокруге в „Н.-Селении“ в 1923 г. от малярии умерло 168 человек. Сифилис получил особенное распространение в период империалистической войны; в 1923 г. зарегистрировано 2172 больных; данные эти далеки от действительности, т. к. за отсутствием средств и из-за ложного стыда больные не лечатся; имеются целые семьи, зараженные сифилисом.

Важные вопросы.

С.-х. налог.

Налоговая практика, как об этом говорят произведенные обследования, далеко не всегда совпадает с налоговой политикой. На налоговую практику влияет ряд факторов, которые, может быть, наперед трудно учесть, но которые в своей совокупности воздействуют и на крестьянское хозяйство и на крестьянскую психологию не всегда в желательном направлении. „Маленькие недостатки“ вырастают в большой недостаток, который необходимо учесть, чтобы не повторять ошибок прошлого.

В ст. Гиагинской крестьяне говорили, что налог не тяжел и средственно платить, если начисляют его по закону“. Но беда в том, что закона сами крестьяне не знают, а власти не всегда его выполняют как следует.

—„Да што, мы нешто знаем, сколько нам нужно платить. Мы ведь в этом ничего не понимаем“,—сказал один крестьянин члену комиссии, производившей обследование в ст. Ильинской. Кого не спросишь, как исчисляется сельскохозяйственный налог,—отвечают: „не знаем“,—замечает та же комиссия.

На почве этого „незнания“ возникает целый ряд ошибок и всяческих недоразумений. На будущее время это надо иметь в виду и не пожалеть средств на ознакомление крестьянства с налогом, чтобы каждый крестьянин знал наперед, сколько ему надо платить и сколько у него останется, иначе у мужика рушится всякий хозяйственный расчет.

Второй дефект, на который следует обратить внимание и который отмечен не в одном обследовании—это „арифметические ошибки“. В ст. Гиагинской комиссией были обнаружены в налоговых списках просто неправильности арифметического исчисления налога. Так, в одном случае крестьянину было насчитано к уплате 475 пуд., когда на самом деле с него следовало лишь 210 пудов. В ст. Ильинской с крестьянина следовало 338 пуд. 38 ф., а окладной лист выдан на 392 пуда. Вот этого-то „припека“,—как крестьяне окрестили всякого рода необ‘яснимые для них надбавки,—деревня естественно не понимает и рассуждает, примерно, так: „Дескать, все равно я не могу заплатить полностью, так пусть уж лучше судят за все, а то заплачу, и все равно будут судить“. Налоговая практика, наводящая крестьянина на такого рода заключения, срывает всякую налоговую политику.

Волокита и бюрократизм точно также имели место и болезненно отражались на положении маломощного крестьянина, который не мог добиться законной льготы.

„Обследование ст. Гиагинской отмечает: главной причиной неполучения льгот бедняками был бюрократизм самого аппарата. Заявление о предоставлении льгот подавалось крестьянином в квартком, из кварткома оно направлялось в районный комитет или Сельсовет, затем в Волисполком, из Волисполкома в комиссию по обследованию посевов, и, наконец, с заключением комиссии, в налоговую комиссию, где и разбирался вопрос о предоставлении льгот. Вполне понятен при таком положении ответ крестьянина на вопрос, подавал ли он заявление о предоставлении льготы;—„Ходи, ходи, все равно ничего не выходишь, а только время убьешь“ Или—„Подавал, да где-то затерялось, так ничего не получил“.

При обложении не было использовано в целом право на предоставление льгот. Неудовлетворены были иногда и семьи красноармейцев. Учет об‘ектов совершался очень быстро, так что к моменту учета они не имели необходимых

удостоверений от воинских частей. Пока достали—опоздали и льгот не добились Совершенно не удовлетворялись ходатайства по краже и падежу скота, причины—запоздания с ходатайствами, трудность достать нужные материалы, вызвать комиссию для освидетельствования и пр. Это маленькие недостатки, а вот и большие.

На Кубани отмечается, что при полной земельной путанице, когда каждый домохозяин мог засевать, где и сколько может, трудно было учесть статистический посев. После голода небольшие ближайшие клочки пашни совсем не распределялись и хозяйства получали и брали землю под посев без всякой системы, а землю, оставшуюся пустой, использовали под покос, толоку и прочее без всякой меры и системы, не по фактической надобности и далеко не в той мере, как определена площадь облагаемой земли контрольной цифрой.

Бесхудобные хозяйства опасаются, что на полученную по землеустройству землю будет накладываться налог и отказываются от земли, боясь, что не смогут уплатить налога.

Следует отметить также, что налог, судя по обследованиям, оказался более обременительным для середняцкого хозяйства, чем для зажиточного. По обследованию села Винодельного, Ставропольской губернии, на отдельные группы крестьянства тяжесть налога падает:

ГРУППЫ ПО ПОСЕВУ	Число хозяйств в группе	ПАДАЕТ НАЛОГА	
		на 1 дес. пос.	на 1 едока
До 2-х дес. пос.	237	5,21	1,74
От 2-х до 4 дес.	325	5,60	3,69
„ 4-х „ 10 дес.	631	12,14	14,74
„ 10 „ 16 дес.	165	14,50	22,59
Свыше 16 дес.	63	11,61	33,09

Последняя посевная группа платила с десятины меньше налога, нежели предыдущая. Получилось это по двум причинам; указывает обследование: во-первых—удвоение почти не коснулось их, во-вторых—они получили скидку относительно больше, чем те.

То же самое отмечено в Тарасовской волости, Донской области (слобода Дьячкино) и на Кубани, (станица Гиагинская и станица Ильинская, в которой большинство неплательщиков, по данным обследованиям, оказались середняками).

В горской деревне этого не наблюдается. Обследование отмечает правильное распределение налоговых тягот.

В то же время обследования отмечают, что налоговая инспектура не всегда стоит на высоте положения, подчас раздражая население неумелыми и компрометирующими Советскую власть действиями.

Между прочим, при переходе от натурального налога к денежному, необходимо рассеять существующее—особенно среди маломощного крестьянства—предубеждение против денег вообще, которых крестьянин, потеряв на советских знаках, побаивается, и опасение относительно низких цен на хлеб.

Зажиточный крестьянин, как об этом свидетельствует опыт нынешнего года, имеет возможность выдержать хлеб до весны, беднота же опасается, что для уплаты налога она вынуждена будет выбрасывать на рынок хлеб по низким ценам. Поэтому внедрение в деревне твердой денежной валюты и охват рынка должны служить предпосылками перехода от натурального налога к денежному.

Налоговой вопрос—самый острый вопрос деревенской жизни. К нему нужно подойти с тем вниманием и осторожностью, которые необходимы для успешного проведения налога в будущем году. Судя по обследованиям, юго-восточная деревня еще не чувствует твердой валюты и далеко еще не отделалась от предубеждения по отношению к деньгам.

Не вдаваясь в детали, заметим лишь, что всякое мероприятие, заставляющее маломощного крестьянина и середняка выбрасывать на рынок хлеб по дешевым ценам будет подрывать основы нашей политики в деревне, содействуя росту кулачества и обессиливая экономически те группы крестьянства, которые, наоборот, надо поддерживать.

Землеустройство.

„Землеустройство занимает центральное место в жизни станиц в настоящее время,—отмечает обследование ст. Ильинской—это вполне понятно.

Землеустройство создает окончательную уверенность в незыблемости. Советская власть, закрепляла позиции, до землеустройства занимаемые хлеборобами, как бы временно.

За 3 года существования Советской власти, условия пользования землей этих некоторых хозяйств резко изменились—земля была закреплена за фактическими арендаторами. Не имевшие в пользовании арендного участка, могли получать землю из общественного фонда через земельную комиссию Исполкома. Арендная плата была полностью снята.

Один только характер пользования в глазах населения остался без изменения—временным, без уверенности населения в завтрашнем дне. Земля из общественного фонда передавалась в пользование на 1 год. Юридического акта закрепления за каждым хлеборобом участка, которым он пользовался, у хлебороба не было. Это усиливалось слухами потерпевших землевладельцев. В результате сомнения, колебания, нетвердость настроения у хлеборобов в незыблемости основного устоя Советов—земельного.

„Авось НЭП изменит и земельные принципы“,—надеялись одни.

„А вдруг“... опасались другие.

Землеустройство кладет конец этим опасениям одних и надеждам других.

И как основной результат этого, станицы не верят больше в какие бы то ни было государственные изменения в России. Особенно это относится к тем, которые впервые при землеустройстве сделались полноправными пользователями земли наравне со всеми прочими сельскими хозяевами. Этот слой населения неразрывно связал свою судьбу с Советской властью.

Вторым значительным результатом землеустройства является фактическое уничтожение пережитка царизма—сословного деления Кубани на казаков и крестьян. Основное отличие этих двух групп—право на землю землеустройством делается достоянием всех хлеборобов.

„Землеустройство есть первый бескровный шаг экономического оформления в сельском хозяйстве результатов Октябрьского переворота“.

Вопрос землеустройства—не узко-ведомственный вопрос, как его порой склонны рассматривать, а является в настоящее время основным политическим вопросом юго-восточной деревни. Именно землеустройство прежде всего и раньше всего подведет фундамент под советскую деревню Юго-Востока, не говоря уже о значении землеустройства для перехода к высшим формам землепользования. И здесь, судя по обследованиям, земорганы, удовлетворительно разрешая

одну часть вопроса—стирая грань между казачеством и иногородним, далеко не всегда учитывает и другую сторону, а именно: при землеустройстве сплошь и рядом не учитываются интересы маломощного крестьянина и середняка. И в этом отношении прежде всего приходится отметить высокую плату за землеустройство.

Плата за землеустройство,—констатирует обследование ст. Гиагинской,—это камень преткновения. „Сначала сказали, что будут брать по 15 фунт. пшеницы—заплатили. Потом говорят,—землемер не расчитал—еще не хватает, давай дополнительно по 20 фунт., а где его ум был при расчете?“ — так говорят хлеборобы о плате. Такую высокую расценку за землеустройство с десятины бедняк не может платить и несмотря на все выгоды для него от землеустройства—он недоволен О кулаке и говорить не приходится, особенно же о казаках. Они говорят: „Выбрали бы нас, так мы бы и поделили лучше и с землемером не поторговались“. Конечно, бедняк и середняк почешет в затылке и ничего ему не может возразить: „Сам вижу, что плохо“. Такая политика землеустроительных органов, когда вместо 10—15 фун. берут 35 фунт. с десятины, значительно ухудшает отношение населения к землеустройству“.

Борьба за землю широко развертывается в Юго-восточной деревне.

При землеустройстве ст. Ильинской разрешали вопрос о том, следует ли наделять землей и тех граждан, кто не занимается хлебопашеством, (ремесленники, учителя, ветеринары, почтовики и проч.), но так или иначе живущих продолжительное время в станицах и желающих помимо прямой службы, которая их материально не обеспечивает, заняться хлебопашеством, вызвал довольно бурные споры между—с одной стороны—казачеством, так называемыми „старожилами“, с другой—иногородними, новоселами, сельским пролетариатом и интеллигенцией.

Задача партии здесь заключается в том, чтобы превратить эту борьбу в борьбу маломощного крестьянина и середняка против кулака. Сейчас же мы наблюдаем, что зажиточное крестьянство стремится захватить более удобные земли. Примером может служить село Старо-Марьевское, Ставропольской губернии. До сего времени землеустроились 4 группы, из которых 2 вышли на хутор. Зажиточным в виду *платности землеустроительных работ*, удалось раньше других захватить наиболее удобный и лучший участок вблизи села с лугом и 7-ю десятинами леса.

Наряду с этим, необходимо отметить, что не только крестьянство имеет весьма смутное представление о земельном законодательстве Советской власти. Как видно из обследования села Винодельного, Ставропольской губернии, где земельная комиссия совершенно не имеет законодательных материалов и выносит неправильное решение, которое по большей части отменяется высшей инстанцией,—и земорганы порой стоят не на высоте положения и своей неумелой политикой раздражают крестьянство.

Землеустройство в горской деревне.

По Горской республике до сего времени не проведено уравнительного землепользования. Об'ясняется это окончательной невыясненностью общереспубликанских границ, вследствие спора о пограничных землях с Кабардою, далее, происходившими почти каждый год отрезками земли, в связи с отделением от Горской

республики Чечни и Кабарды. Когда приходилось изменять уже установленные те или иные межселенные границы и, наконец, пожалуй, некоторой проволочкой, проявляемой в этом вопросе Наркоземом.

По причине этого происходят частые, почти ежегодные, переделы земли, что является крупнейшим тормазом в области развития сельского хозяйства, т. к. при таких условиях крестьянство не заинтересовано в более культурной обработке земли.

Землеустройство, если можно так выразиться, носит „латочный“ характер, и на этой почве создались самые запутанные земельные отношения, чрезполосное наделение землей (селен. Шолхи, Ангушт, хут. Чернореченский, Длинная Долина, Редант, Назрановского округа), отдаленность расположения наделов на расстоянии от 25 до 60 верст от селений (дополнительные наделы по Назрановскому округу) и вклинивание земель одного селения в земли другого селения, что влечет к созданию обостренных между населением отношений, переходящих иногда даже в открытые столкновения.

В настоящее время ведутся таксационные работы, которые Наркомзем рассчитывает закончить в конце 1924 года с тем, чтобы затем весною 1925 года приступить к поселенному разверстанию земель.

При проведении межселенного землеустройства предложено выделить из Сунженского округа излишние земли, которые будут обращены под заселение малоземельных горцев.

Вопрос о проведении землеустройства является одним из центральных больных пунктов горской деревни и требует самого быстрого разрешения.

Наряду с этим выдвигается и вопрос о мелидрации, приобретающии в горской деревне особую важность.

Переселение с гор в Горской республике.

Оторванность нагорных районов от остальной части республики, абсолютное отсутствие на горах какой либо культурной помощи, тяжелые материальные условия существования, создающие для горной части населения, и особенно для той части, которая не имеет скота, вследствие малоземелья, или даже вовсе безземелья, отдаленности расположения посевов, находящихся на плоскости и остаящих нередко от селения верст за 40—50, вынуждает население стремиться к переселению на плоскость.

Переселение это носит стихийный характер и, главным образом, производилось путем самовольного захвата земель или самовольного переселения к населенным пунктам, что затрудняет проведение в жизнь плана землеустройства. Всего насчитывается переселившихся на плоскость за годы гражданской войны и после революции около 32000 человек (Владикавказский округ—21000 человек, Назрановский—11000 человек).

Как живут на горах, можно судить по условиям существования жителей горного селения Цей, где побывала, комиссия, производившее обследовании. Селение Цей находится в 103 верстах от Владикавказа, расположено на большой горе (над уровнем моря 900 саж.). Под‘ездных путей к этому селению нет, а необходимо пробираться горными тропами, извивающимися на протяжении 7 верст. На телеге или арбе пробираться в селение нельзя, сообщение возможно лишь или пешком, или на местной верховой лошади. Посевы отстоят от селения верст за 40 на плоскости. Если учесть, что 80 процентов населения состоит из безлошадных, то легко можно представить их безвыходное положение. Мало того, что они без скота никуда не могут двинуться, но если даже житель и доберется до своего посева, то ему приходится почти весь собранный хлеб расходовать на доставку кукурузы с плоскости в горы, затем необходимо оплатить пользование на плоскости сапеткой, доставку кукурузы с плоскости к под-

ножью горы, и, наконец, доставку с подножья в селение, причем за одну доставку с подножия к селению (перевозка производится на ишаках) пришлось бы платить с каждого пуда кукурузы полтора пуда платы, или же остается тащить кукурузу 7 верст в гору на собственных плечах! Неудивительно поэтому, что население живет очень плохо, питается одним чуреком и мамалыгой, т. к. для него трудно лишний раз спуститься с гор. При таких условиях, если у него и возникает необходимость в удовлетворении какой-либо острой потребности, то он старается как нибудь от этого отказаться, лишь бы не ехать на плоскость. Зато если какой-либо спекулянт добирается до селения, то он обдирает нуждающихся как липку.

Крестьяне сел. Цей, а также предгорного селения Могучкал (часть населения за год революции уж перебралась на плоскость) прямо умоляют, чтобы им дали возможность перебраться на плоскость. „Погибаем здесь, горы нас замучили, лучше уж в Сибири жить",—говорят они.

Некоторые горные селения, как, например, Могучкал, получили право переселиться на плоскость, однако, переселились лишь более зажиточные. Беднота же не может использовать этого права, в виду отсутствия у нее скота и вообще средств, а помощь оказывается ей самая ничтожная и выражается в виде незначительной части леса, да и то не всегда.

Население Могучкала, а также и Мицкальского общества указывало, что ереселяющиеся на плоскость сохраняют за собой посев, который у них был а горах, получая, таким образом, два надела, и просило, чтобы земли переселенцев передавались бы для пользования остающемуся населению.

Комиссия беседовала с переселенцами сел. Новый Джерах, Назрановского округа, переселившимися в 1922 году. Несмотря на трудности и нужду, которые испытывают переселенцы из-за отсутствия средств, леса, отсутствия выгона для скота, они не могут нахвалиться нынешней своей жизнью и безмерно благодарны Советской власти.

Необходимо организованное переселение горной части населения на плоскость, что возможно лишь при условии организации широкой государственной помощи.

Лес и горцы.

Вопрос о пользовании лесом является одним из больных мест горской деревни. До сего времени не выделены леса местного значения, и бесплатного отпуска леса населению не производится.

Получение леса для построек и топлива каждый раз связано с необходимостью покупки билета, а это не по силам, не говоря уже о бедноте, даже середняцкому хозяйству. Население поэтому занимается самовольной рубкой леса, при чем порубки эти производятся, как указывает в своей справке Наркомзем, и в таких размерах, как „нигде в мире", при чем рубится также лес, имеющий водоохранное и защитное значение и рубка идет самым хищническим путем. У крестьянина, уличенного в незаконной рубке, отбирается лес, топор, вожжи, но, однако, это не достигает цели. И он на следующий день опять едет за лесом. Характерен ответ одного крестьянина. с. Ардон: „С лесом тоже горе, нет настоящего распорядка, нет ни отвода, а за билет в прошлом месяце брали 15 милл. зн. 23 года. Если поймают без билета, то дрова отберут, да и топор тоже, вожжи, но все-таки ездим и рубим".

На почве этого порождаются злоупотребления,—в Эльхотовском районе были случаи отпуска леса за взятки.

Необходимо, немедля, создать нормальные условия для пользования населения. лесом по доступной цене и выделить леса местного значения.

Взаимопомощь или „себепомощь"?

„Комитет Себепомощи" —так окрестили крестьяне Орловской волости Донской области, Комитет Общественной Взаимопомощи. И действительно, если мы рассмотрим деятельность обследованных на Дону, на Кубани и по Ставрополью Комитетов Общественной Взаимопомощи, то увидим, что слово „себепомощь" правильнее характеризует деятельность Комитетов Общественной Взаимопомощи, чем „взаимопомощь". Приведем сначала описание обследованных Комитов Общественной Взаимопомощи, а затем перейдем к выводам.

Во всех хуторах Орловской волости (Донской области), имеются при каждом Сельсовете Комитеты Взаимопомощи, возглавляемые волостным комитетом. В каждом сельском комитете сидят два человека: председатель и секретарь, а в волостном 4 человека: председатель, бухгалтер, секретарь и сторож. Все получают жалованье по ставкам союза пищевиков от 6 до 12 разрядов, при сетке 1:8. Сельские же работники получают по своему усмотрению.

В 1923 г. все сельские комитеты засевали общественные участки принудительным путем заставив засевать всех имеющих рабочий скот крестьян. На каждую рабочую голову приходилось 160 кв. саж., что в общей сумме должно получится порядочное количество площади посева. О том, какое количество урожая собрано, сведений не могли дать, но в волостном комитете в приходе имеется 5089 пуд. 17 фунт.

Расход из этого фонда равен 4059 пуд. 18 фунт. Главными статьями расхода являются: уплата жалованья—2133 пуд. 6 фунт., ремонт мельницы—1942 пуд. 18 фунт., помощь беднякам—15 пуд. ячменя, тоже—2 пуд. проса, тоже—15 пуд. картофеля, дому инвалидов—65 пуд. 20 фунт. картофеля. Кроме это отчислено в ОКРКОВ более 405 пудов.

Волостной Комитет имеет в своем распоряжении предприятия — мельницу и маслобойку. Доход от первой 1286 р. 75 к., расход 1624 руб. 55 коп. Доход от второй—534 р. 84 к. расход—533 р. 33½ к.

Не сделав ничего в области оказания помощи маломощным хозяйствам, Комитет и в дальнейшем не составил себе плана действий. Работает от случая к случаю и почти не руководит сельскими комитетами, также как и им никто не руководит. Проедая то, что он получил, давая проедать другим, он окрещен в „Комитет Самоопределения" и „Комитет Себепомощи". Недовольны Комитетом Взаимопомощи и зажиточные слои населения и маломощные хозяйства. Первые негодуют на то, что их принудительным путем заставляют обрабатывать общественный участок, от которого прибыль в прок не идет, а вторые негодуют на то, что им никакой помощи не оказывается. Ни одного отчета о своей работе по хуторам комитет не сделал, за исключением станицы Орловской.

Связь с местным волисполкомом наладилась только в последнее время. До этого момента бывший председатель стремился противопоставлять организацию волисполкому, об'ясняя, что Комитет Взаимопомощи не подчинен волисполкому.

Вообще же, указывает обследование, организационная неувязка, слабое руководство свыше, неумелый подбор работников и невыясненная форма функций Комитетов Взаимопомощи.

Работу Комитета Общественной Взаимопомощи с. Старо-Марьевки, Ставропольской г. констатирует обследование, нужно признать очень слабой. Состоит он из 16-ти лиц, избранных еще в 1922 году. В 1923 году КОВ имел 32 дес. посева, из которых погибло 20 дес.; собрано урожая 284 пуд. проса и 60 пуд. кукурузы, которые пошли большей частью на покрытие семссуды и на уборку. Осенью 1923 г., посеяно 67 дес. на договорных началах—75% урожая за обработку и уборку(!) Фонда на весенний посев и на помощь бедноты почти совсем

нет. Само собой разумеется, что и сама беднота тоже не питает особых надежд на помощь КОВ и ждет государственной помощи на приобретение живого и мертвого инвентаря.

В с. Винодельном, Ставр. губ., Комитет Общественной Взаимопомощи помогает лишь 7-ми беднейшим семействам (в 24 чел.).

Посев дал КОВ'у до 1000 пуд. урожая, который израсходован следующим образом: 300 пуд. на содержание служащих (7 чел.), 200 пуд. за уборку посева, 150 пуд. детскому дому, а остальные 350 пуд. оставлены для весеннего посева, который предполагается произвести путем найма. Озимого посева имеется 15 д.

Из положительных сторон деятельности КОВ необходимо отметить организацию артели в 60 чел. из инвалидов гражданской войны. Артель арендовала 3 ветряных мельницы, 3 маслобойки и имеет свою лавочку. Начав с 20 руб., теперь артель обладает оборотным капиталом в 500 руб.

Доверием бедноты КОВ не пользуется и вот по какому поводу. Весной 1923 г., при раздаче семссуды, он практиковал прикрепление бедняцких хозяйств к зажиточным, вынуждая последних посеять для бедняка. Бедняки большей частью отрабатывали свой посев в летнюю пору и вдобавок некоторые совсем не получили своей части урожая. Разбор конфликта был направлен в профорганизацию, которая удовлетворила лишь зарегистрированных в качестве батраков.

На учете КОВ состоит 250 бедняков. Перерегистрации с прошлой весны не было. По данным же Земотдела бесскотных хозяйств числится в селе 409, а бесскотных и беспосевных—141. КОВ за последние 9 месяцев ни разу не выступал перед сходом и не собирал бедноты для обсуждения их положения. В условиях села Винодельного можно было бы сделать больше. Беднота теперь сама договаривается с зажиточными об условиях посева, а некоторая часть из них отказывается от своей земли. Последних случаев было 17 на площадь в 270 десятин. Можно ожидать, что число их еще увеличится.

В ст. Ильинской дела и книги КОВ ведутся так хаостично, что очень трудно выяснить по ним его деятельность.

В 1923 году КОВ имел общественную запашку в 15 дес. и лавку. Последняя организована на средства зажиточных мужиков, которые торгуют под фирмою КОВ, делая лишь процентные отчисления в КОВ. По существу эта—частная торговля.

Ссуды беднякам выдавались в размере от 20 ф. до 1 п. 20 ф. пшеницы на семью с начислением больших процентов. Например, выдано 3 пуд. 20 фунт. с условием возвратить 5 пуд. За 1923 год дано детскому дому всего около 100 пуд. пшеницы. Главная же расходная статья КОВ'а—содержание самого аппарата. По общему определению населения ст. Ильинской о деятельности КОВ'а, это не Комитет Взаимопомощи, а „комитет самоснабжения".

Юридической защиты беднякам в виде советов, ходатайств перед судом и проч.—не было. Выдавались лишь справки о бедности, но и это обставлялось разными условностями, в виде требования подачи в КОВ письменного заявления. Обследования состояния семей красноармейцев, инвалидов и сирот по инициативе самого КОВ'а не производилось, а лишь зарегистрированы те, кто сам обращался за помощью. В общем помощь оказывалось далеко не всем нуждающимся.

Как видно из приведенных описаний, КОВ заедает аппарат, пожирающий если не все, то большую часть средств. КОВ в том виде, в каком они существуют, не выполняют своего начисления. Они не только оказывают бедноте слишком ничтожную помощь, но и допускают в своей работе целый ряд промахов, которые и эту ничтожную помощь превращают чуть ли ни в кабалу для бедняка. В селе Винодельном, Ставропольской губернии, как было указано вы-

ше, КОВ не пользуется доверием среди бедноты потому, что, прикрепив весной в 1923 г. бедняков к зажиточным и заставив последних посеять для бедняка, не сумел защищать бедняков от „отработки“ и обеспечить за ними урожай, а КОВ станицы Ильинской берет даже ростовщические проценты—за 3 пуда 20 фун.—5 пуд.

Немудрено поэтому, что Комитеты Общественной Взаимопомощи не пользуются у деревенской бедноты никаким доверием.

В общем надо констатировать отрыв Комитетов Взаимопомощи от бедноты и превращение их в самодавлеющие организации, из которых выветрилось всякое представление о тех задачах, которые были перед ними поставлены. Между тем, в условиях современной юго восточной деревни, где растут и будут расти кадры бедноты, перед Комитетами Общественной Взаимопомощи открывается широчайшее поле работы. Необходимо усилить Комитеты Общественной Взаимопомощи партийными работниками и из самодавлеющих аппаратов, проедающих все свои средства, превратить их в подлинные Комитеты Общественной Взаимопомощи.

Деревенский быт.

Тяга к знанию.

Обследования определенно отмечает, что со времени революции деревня политически выросла, в частности казачество. Иногороднее население влилось в казачью станицу в качестве ее полноправного члена, разрушая старые традиции, унаследованные от тех времен, когда казачество являлось опорой царского трона. Новое напирает на старое, молодежь напирает на стариков, и в новом поколении уже стирается та грань между казаками и иногородними, которая резко чувствовалась в дореволюционной станице.

Деревня получает от города очень мало, но если мы сумели дать деревне мануфактуру, то должны суметь дать и культуру. Деревня тянется к культуре, в особенности молодежь,—там и здесь без чьей-либо помощи растут культурные очаги.

Проникает в деревню и газета. В хуторе Быстрянском 14 крестьян получают газеты, главным образом, „Трудовой Дон“ и „Донской Пахарь“, где хлеборобы находят отражение деревенской жизни. Но и мировые события не проходят мимо деревни. Крестьянство особенно интересуется сейчас признанием СССР западными государствами. Важнейшие отделы в газете для крестьян—земельный, налоговой и агрономический. В этих отделах крестьяне ищут ответа на свои запросы. Крестьянство интересуется всеми что имеет отношение к улучшению его жизни. Приводим, как яркую иллюстрацию, отрывок из беседы с крестьянами комиссии в хут. Быстрянском:

После первой беседы, когда подозрения крестьян относительно приезда комиссии рассеялись, на другой день вечером к школе потянулись группами нетолько быстрянцы, но и луганцы и потемкинцы (из близко лежащих хуторов).

— Для восстановления хозяйства приехали,—говорил один бородач другому,—можа толк какой выйдет.

Собравшихся было больше, чем в первый вечер. Один из товарищей понятным для крестьян языком об‘яснил, что такое землеустройство и землепользование. Несмотря на то, что это—самый важный для хлебороба вопрос, никто не знает о землепользовании.

— Мы по старой системе работали, по новой не знаем, как работать,—крикнул кто-то из задних рядов.

— Почему не по новой?

— По своей глупости!—крикнул тот-же голос.

После обстоятельного раз'яснения земельного кодекса посыпались вопросы.

Больше всего интересовались разделом хозяйства между членами семьи.

— Кто считается главой в хозяйстве?

— Кто имеет право на равноправный раздел двора?

Все вопросы сводились к одному—о праве на хозяйство при разделе.

Когда крестьяне ознакомились с кооперацией, робко стали задаватсья вопросы. До сего времени в хутор никто не приезжал и толково не раз'яснял.

Затем выступил агроном и в конце беседы задал вопрос: „нужен ли хлеборобам участковый агроном"?

Из беседы выяснилось, что в хутор приезжал как-то раз агроном, покрутился в сельсовете, отметил на мандате, что был в хуторе и обратно уехал.

— Нам бы вот таких, как ты,—серьезно заявил седой старик.

— Живем в дыре, никто не об'ясняет,—крикнул кто-то.

Когда расходились, говорили:

— С недельку бы нам таких раз'яснителей.

Жажда знания огромна. Судя по задаваемым вопросам видно, что сюда вряд-ли кто заглядывал из округа для раз'яснения каких-либо вопросов,—замечает товарищ, производивший обследование.

В ст. Гиагинской центром культурно-просветительной работы в станице является изба-читальня, открытая, сравнительно недавно, и не успевшая завоевать должного положения среди крестьянства. Газетами она снабжена достаточно, но книг очень мало. Посещаемость избы-читальни в будни — 30-40 человек, в праздник —50-60, при чем 60% из них—члены профсоюза. В числе посещающих избу-читальню есть крестьяне постоянно связанные с нею, но их очень мало. Чаще всего крестьяне заходят в избу-читальню случайно, при посещении сельско-хозяйственного Товарищества, которое находится в этом же помещении. Основная работа избы-читальни сводится к докладам по вопросам политическим, сельско-хозяйственным, обще-образовательным, агрономии и ветеринарии. Население особенно интересуется вопросами сельского хозяйства, ветеринарии. В общем культурно-просветительная работа в станице развита недостаточно и охватывает группу крестьян в 60—100 человек, посещающих избу-читальню; молодежь совершенно не обслуживается. Местная интеллигенция в культурно-просветительную работу вовлечена очень слабо и лишь несколько школьных работников работает в лекторском, хоровом и драматическом кружках. Интересно отметить, что торговцы, выписывающие газету, читают их на базаре, около своих ларьков для собирающихся крестьян и даже на дому.

Надо противопоставить этому „кулацкому культпросвету" советскую культуру. А для этого надо привлечь культурных работников в деревне и бросить в деревню кадры новых работников.

Молодежь.

Молодежь тянется к знании, но она не находит поддержки и в результате предоставлена своим слабым силам. В сл. Дьячкино молодежь организовала культпросвет, где имеется 28 человек, из них 25 человек крестьянской молодежи, остальные—деревенская интеллигенция: учительница, бывшая учительница, и случайно попавший в эту деревню штейгер. Этот культпросвет, ставит главным образом спектакли, но есть надежда, что все же наладит работу. Вся беда в том, что среди этой молодежи нет ни одного поли-

тически подготовленного, ни ячейка РКП, ни ячейка РКСМ работой кружка не руководят. Между прочим этот кружок выписывает на собрание с каждого члена 10 коп.—4 газеты: Донской Пахарь", „Трудовой Дон", „Бесбожник", и „Крестьянская Газета". Эти газеты являются единственными для всей деревни, через которые деревня узнает о событиях. Но выписка газет на следующий месяц прекращается, так как многие члены кружка не могут платить взносов, и деревня таким образом остается без печатного слова.

Семейно-бытовые условия также начинают меняться во многих семьях, даже и казачьих, нет деспотического главенства старших и рабского подчинения младших. Идет скрытая борьба между старым и молодым поколением за новые устои быта.

На всех сходах доминирующее положение занимает молодое поколение, которое фактически является главой в хозяйстве. Старшие все больше и больше уступают первенство своим сыновьям. (Сл. Дьячкино).

Вопрос о деревенской молодежи, прошедшей школу революционной борьбы, побывавшей в Красной Армии и заменяющей сейчас у плуга отца, должен быть поставлен на очередь во всем об'еме.

Религия.

Пошатнулась и религия. В слободе Дьячкино, на сходе, на поставленный вопрос об отделении церкви от государства после раз'яснения сущности отделения церкви и государства и школы от церкви были получены различные ответы: старики и женщины еще держатся за религию, но молодежь и против религии и против преподавания в школе закона божия. Однако, можно заключить, что и среди стариков религиозность падает.

Попу там же очень мало платят за требы и совершенно ничего не дают при осеннем сборе хлебов, если не считать нищенских подачек. Интересно отметить следующее явление: в церкви поп устроил, по причине отсутствия денег у населения, сбор натурой, повесил три ящика с ковшами, против каждого написано: „пшеница", „ячмень", „яйца". Это действует, как антирелигиозная пропаганда.

В станице Ильинской чувствуется, что среди большой части крестьян религия держится скорее в силу привычки. Наиболее консервативны в этом отношении староверы и казачество, но и в их среде намечается перелом; хотя церковь и посещается исправней, чем сходы и собрания, но поп не имеет того авторитета, который был у него раньше. Крестьянин хотя и исполняет всяческие обряды, но постепенно начинает осноситься к ним критически. Подростающее поколение ругает и попов, и церковь, и обряды. Молодежь предпочитает, если их не принуждают родители, итти на спектакль или лекцию, а не в церковь.

В этой станице крестьяне поголовно интересовались вопросами религии и жаловались на то, что им никто не может об'яснить происхождение религии. Интерес к антирелигиозной пропаганде большой, почва для работы благоприятная, но это мало используется ячейкой. Нет работников. Следовало бы нашим партийным комитетам почаще посылать докладчиков в деревню по вопросам религии, аудитория была бы всегда обеспечена.

В хуторе Быстрянском, кроме православных, есть еще секты новых израильтян и др. Израильтян имеется 8 дворов. Среди православных соблюдение церковных обрядов пошатнулось за время революции. Ходят в церковь одни старики. Молодежь не соблюдает обрядов, но браки совершаются все же по церковному ради родителей. Впрочем, в хуторе один крестьянин, ограничил-

ся записью в ЗАГС'е, а другой совершенно никуда не ходил, а просто живет уже два года с разведенной женой, отрицая всякие обряды. Так рядом со старым растет новое. И здесь почва для работы вспахана революцией, нужны только работники.

Самогон.

Из отрицательных явлений деревни на первом месте стоит „самогонный фронт". Это, действительно,—фронт, и при том фронт очень серьезный.

В станице Ильинской „потребителями самогона являются рабочие с мельниц и маслобоек, служащие исполкома и кооперации и духовенство (не пьет, говорят один монах—о. Евгений). Хлеборобы самогон не покупают потому, что сами гонят. Аппарат не каждый, впрочем, имеет, а берут у самогонщика и платят ему натурой: дадут лошадь с'ездить на мельницу и пр. Милиционеры все хорошие люди, приедут, застанут у аппарата, но в протокол, если попросить, то и не пишут. Милиция за выпивку, конечно, не платит. Теперь старший милиционер коммунист, этого все самогонщики боятся—ничего не берет".

Всех самогонщиков в станице до двухсот профессионалов, по преимуществу бедняки, но есть и крупные хозяева, которые гонят из-за наживы. Для себя гонят почти все хлеборобы, может быть из ста человек—десять не гонит.

Население всегда защищает самогонщиков и на сходах, когда ставятся вопросы о борьбе с самогонкой, все кричат, что без самогона нельзя жить. Женщины относятся к самогону также, как и мужчины Женщины почти все пьют самогон и больше стали пить, чем в прежнее время, потому что самогон у каждого свой. Водки же было меньше. Прошлым летом самогонщица уплатила 100 миллионов штрафу, „но убыток скоро покрыла, удвоив работу".

В ст. Гиагинской самогон варила в 1923 г. почти вся станица. Наличие излишков в некоторых хозяйствах с одной стороны, и безвыходность положения некоторых крестьян с другой превращают „араковарение" в одну из верных статей дохода в маломощных хозяйствах. Не изжита еще и привычка напиваться по праздникам. Борьба с „араковарением" ведется милицией усиленно и в последнее время довольно усиленно. В 1924 году составлено 130 протоколов, 8 из них уже присуждены к разным взысканиям.

Некоторые из крестьян к преследованию самогонщиков относятся отрицательно и говорят „если, нельзя варить самогон, то нужно государству продавать вместо него водку, так как к ней привыкли и без нее не могут обойтись". Трудно сказать, каких крестьян больше: сторонников самогона или противников, но одно ясно, требуется глубокая воспитательная работа среди крестьянства для уничтожения этого зла, во всяком случае не в меньшей мере, чем применение административного воздействия через милицию.

Есть, однако счастливые исключения; в сл. Дьячкино, самогонщина раньше была, но после суда над самогонщиками варка самогона совсем прекратилась. В кооперативах имеется вино, которое проникает в деревню.

В станице Гиагинской за последнее время, после того, как 8 человек были осуждены в открытом заседании на штраф от 25 до 300 руб. золотом—самогон поутих.

В селе Киевке, Ставропольской губернии, после ряда приговоров Нарсуда, в последние месяцы винокурение снизилось. В селе Старо-Марьевке о старом

милиционере, переведенном в Татарку, беспощадном враге самогонщиков, население дало самые блестящие отзывы. То же самое наблюдаем в Тарасовской волости, где милицией только с 1 января по 20 марта открыто 76 самогонщиков, 39 аппаратов, 5 ведер самогону и 301 закваска под самогон.

Крестьянка и медицина.

Лечат людей и скот знахари. В слободе Дьячкино, где нет ветеринарного персонала, обращаются к знахарю, который в большинстве случаев от всех болезней „бросает кровь“ скоту, т. е. режет или уши или хвост. Людей лечат бабки и знахари. Лечат в большинстве случаев „наговорной водой“. Аборты имеют массовое явление, как у женщин замужних, так и у незамужних. На вопросы, чем это вызывается,—был единодушный ответ—бедностью. Аборты делаются самыми варварскими способами. К врачу почти не обращаются.

В хуторе Быстрянской, где комиссия устроила женское собрание, особое оживление вызвал вопрос о болезнях и их лечении.

В хуторе оказалось много больных венерическими болезнями. Все больные, без исключения, обращались только к „бабкам“ и знахарям.

Когда было об‘яснено, какой вред приносят больным знахари, одна пожилая женщина возмущенно заявила:

— Нужно всех знахарей „изничтожить“ и прислать к нам врачей.

Другая старуха защищала местного знахаря Скрипникова. Лечит знахарь коров всякими нелепыми заговорами и пользуется популярностью среди крестьянства не только в районе Орловской волости, но и других.

— Он для нас годится, он вылечивает коров,—заявила старуха. Но большинство женщин постановило: „Во всех случаях болезни немедленно вызывать врачей и фельдшеров, знахарей же, замеченных в лечении, привлекать к ответственности“.

Такое же постановление вынесено и о „бабках“, занимающихся абортами, работающих „порохом“, „гвоздями“ и другими способами.

В конце собрания женщины пожелали еженедельно собираться для бесед и обсуждения своих нужд, а на месте сбора организовать избу-читальню, где знакомились бы «с новым строем жизни всей республики.» Выражение одной крестьянки:

Мы ищем путей к крестьянке—вот один из них!

Старое и новое.

В Ставропольской деревне кулачные бои, доходящие иногда до размеров состязания одного села с другим (Старо-Марьевка и Надежда), там же женщины считают позором для себя сидеть за столом президиума собрания.

Молодежь и здесь, конечно, уже не та, что прежде. Сильно ослабела над нею власть отцов и стариков, и жена теперь не так боится своего мужа. Но все это пока в зачаточном состоянии. Даже молодежь, прошедшая красноармейскую школу, через несколько месяцев вязнет в этой тине темной деревенской жизни. Беда в том, что нет людей, которые сознательно ускоряли бы процесс образования новой деревенской жизни. Временные наезды городских агитаторов имеют мало значения, а местное учительство, врач и вообще интеллигенция пока в стороне. Деревня нуждается прежде всего в людях, но не заезжих, а для повседневной работы! Однако о смычке города с деревней деревня мало знает, крестьяне хутора Быстрянского знают о „смычке“ только... из газет.

Род и семья в горской деревне.

В силу сложившихся исторических условий, горцы до самой революции сохранили родовой быт, главным образом, на горах. Революция создала благоприятные условия для экономического и культурного развития горских народностей и вообще устранила существовавшие ранее противоречия, питавшие родовой быт; благодаря этому, мы наблюдаем в этой области коренные изменения, родовой строй распадается, но в большей степени на плоскости и в меньшей—на горах.

Отношения в семье в общем изменились мало. Старик до сих пор продолжает быть главой дома. Женщина хотя и участвует в семейных советах, но ее мнение не является обязательным. В Ингушетии старики пользуются особым почетом, как со стороны членов семьи, так и со стороны посторонних. В присутствии стариков и вообще старших не курят, не сидят, при чем адаты (обычаи) исполняются не только беспартийными, но и коммунистами. Так, например: в селении Кантышево, когда товарищи, производившие обследование, обедали, секретарь ячейки все время стоял и не садился за стол до тех пор, пока не кончил обедать сидевший с ними за столом его дядя. В том же Кантышево секретарь Исполкома во время обследования просил разрешения выйти на несколько минут из помещения, чтобы покурить, так как здесь в это время сидели старики, с которыми велась беседа.

Женщина и брак в горской деревне.

Бесправие женщины сохранилось, главным образом, в Ингушетии. У осетин женщина работает наравне с мужчиной; у ингушей же на долю женщины выпадает вся работа. Ингуши в отношениях с женщиной крепко держатся старых обычаев. Можно встретить, например, идущего налегке с винтовкой на плечах ингуша, а сзади его жену, которая тащит на плечах мешок кукурузы, и это, по понятиям ингушей, самое нормальное явление. В Ингушетии женщина никакого участия в общественной жизни не принимает, сходы никогда не посещает. Некоторый сдвиг мы наблюдали в Осетии, где есть несколько женщин-коммунисток и где женщины, правда, очень редко, но все же бывают на сходах.

Брак обычно заключался по соглашению между родителями и женихом, женщина никогда в решении своей судьбы участия не принимала. Калым, т. е. выкуп или, вернее, купля невесты у ее родных, сохранялся до последнего времени, т. к. сплошь и рядом калым для жениха непосилен, ибо приходится платить за невесту определенное количество скота, баранов, хлеба и пр.,—то материальная необеспеченность лишала возможности вступить горцу в брак. В настоящее время калым запрещен в административном порядке; тем не менее калым остался только, но в скрытой форме и выражается он в обязательстве жениха одеть невесту, обуть ее, заготовить угощение для гостей, что опять таки не под силу бедноте, которая продолжает оставаться в тяжелом положении. Она или не может жениться, или должна заниматься кражей скота. Калым—одна из причин бандитизма. В Ингушетии гражданские браки не практикуются, т. к. это, по местным понятиям, считается позором, браки оформляются муллой. Раскрепощение женщины подвигается очень медленно, но все же мы можем отметить некоторые достижения. Так, недавно, в селении Кантышево у ингушей был случай, когда женщина вышла замуж вопреки воле отца. То же самое произошло в сел. Ардон, где женщина пошла в разрез с волей родителей и вышла замуж за секретаря местной ячейки.

Еще пережитки старого.

Кровная месть,—наследие прошлого, также далеко не изжито. Борьба с этим злом ведется, но, однако, достижения незначительны. Были созданы специальные примирительные комиссии, которым удалось ликвидировать около 300 враждовавших горцев. Население к кровной мести относится, как к неизбежному явлению, от которого трудно отказаться.

Религия далеко не изжита, сдвиг в горской деревне мы наблюдаем лишь среди молодежи. Рушится обрядовая сторона, хотя, правда, только в Осетии, но и у ингушей все остается почти по прежнему. Роль духовенства в Осетии значительно уменьшилась, у ингушей же влияние муллы сохранилось почти в полной мере.

В общем, революция внесла в горский быт известные изменения, но все же эти изменения пока незначительны; но чувствуя—в борьбе между стариками и молодежью, которая тянется к новому; осетины быстрее порывают с пережитками прошлого, ингуши значительно медленнее.

Бандитизм в горской деревне.

В горской деревне широко развит бандитизм, сложившийся в силу бытовых условий еще в отдаленном прошлом. Бандитизм ни только не прекратился после революции, но, наоборот, начал принимать более опасные размеры, сопровождаясь убийствами. От грабежей страдают частично ингуши (Назрановский округ), но, главным образом, население Сунженского округа (казаки).

В какой мере развит бандитизм в Сунженском округе, видно из следующих цифровых данных по станицам Сунженского округа:

Годы	Убито людей	Ранено и пленено	Украдено лошадей	Украдено круп. рог. скота	Украдена мелкого скота
1920, 21, 22г.г. . .	96	9	1496	813	3522
1923 г.	4	8	159	22	162
1924 до 15 марта .	2	—	49	6	54
Итого . .	102	17	1704	841	3738

Из этих цифр видно, как велики были размеры бандитизма. Только грабежом скота можно об'яснить то обстоятельство, что в Сунженском округе мы имеем от 20 к 23 году уменьшение количества рабочего скота, в то время, как в остальных округах мы наблюдаем его увеличение. Насёление Сунженского округа буквально терроризовано грабежами, боится ехать в лес за дровами, и в поле, так как там, главным образом, во время полевых работ и происходит грабеж скота. Передавали, что из одной станицы из-за бандитизма часть населения выехала за Терек.

Для защиты от грабежей жители по станицам держат специальную охрану, а когда выезжают в поле, многие нанимают охрану из ингушей, за что платят или кукурузой, или запахивают им землю. Однако, это все же от грабежей часто не спасает.

Грабежом занимаются, главным образом, ингуши, затем чеченцы, наконец, сами же казаки. Были случаи, когда отдельные крестьяне, доведенные систематическими грабежами до отчаяния, сами становились в ряды бандитов. Население говорит, что оно согласно вносить лишний налог, или платить, лишь-бы им дали возможность заниматься мирным трудом. Необходимо принять серьезные меры для искоренения бандитизма, так как это зло разрушает экономическое благосостояние Сунженского округа, а частично и Назрановского, и создает обостренные отношения между различными национальностями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Констатируя несомненный под'ем сельского хозяйства Юго-Востока, мы вместе с тем в 1923 году наблюдаем начавшийся процесс диференциации деревни: рост беспосевных и маломощных хозяйств на одном полюсе и заметный рост кулачества на другом. Этот процесс в разных областях, за исключением Горской деревни, которая равняется по середняку, протекает различным темпом, но намечающаяся тенденция достаточно ясна.

На фоне обнищавшей деревни встает кулак нового типа, прибегающий к новым формам эксплоатации (спряга и пр.) маломощного крестьянина, еще не порвавшего с землей, но не имеющего в нынешних условиях никаких шансов на укрепление своего хозяйства.

Уже в настоящее время батрачество довольно широко развито в деревне Юго-Востока, при чем в дальнейшем неизбежно пополнение его кадров за счет маломощных групп крестьянства. Такова намечающаяся тенденция развития деревни, требующая от нас диференцированной и строго выдержанной политики по отношению к бедняку, середняку и нарождающемуся кулаку.

Однако, приходится признать, что до сего времени деревенская практика порой расходилась с общей политикой, в частности,—в кардинальных вопросах деревенского бытия: землеустройстве, кредите и пр. Причина этого в значительной степени коренится в слабости низового партийного и советского аппарата, недостаточной связи его с городом и недостаточным, а порой неумелым руководством им со стороны выше стоящих органов.

То же самое, но еще в большей степени мы наблюдаем и в горской деревне, которая особенно остро нуждается в надлежащем руководстве и пополнении кадра работников.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Важные вопросы.

Деревенский быт.

Цена 60 коп.

